

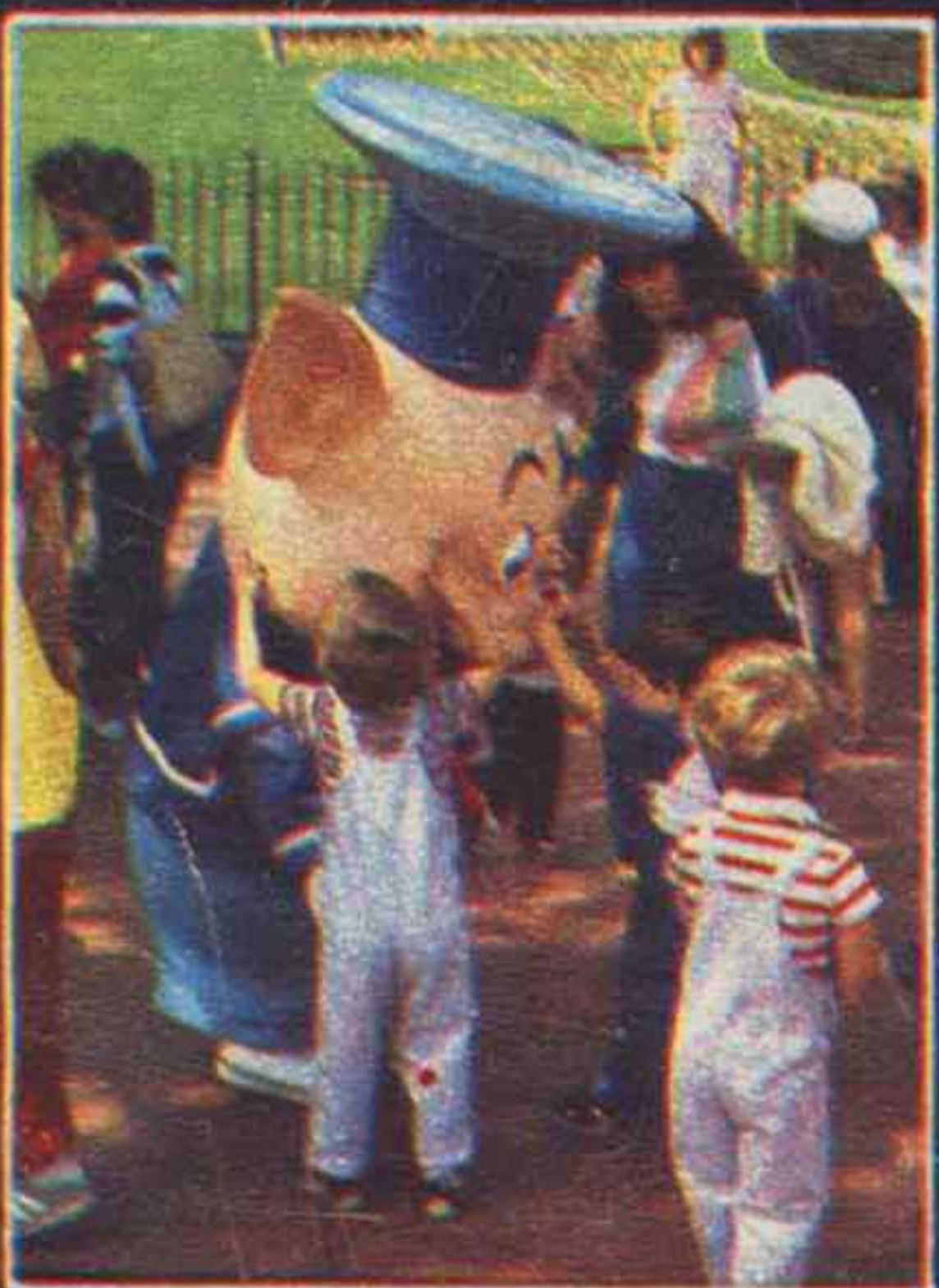
ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА № 28 июль 1987

ЧИНГИЗ АЙМАТОВ:
«ПЕРЕСТРОЙКА—
ЭТО
ПРОЗРЕНИЕ»

КОЛЛЕКЦИЯ ПОДАРЕНА,
А МУЗЕЯ ВСЕ НЕТ

ДЖУНГЛИ СКАЗОЧНЫЕ
И НАСТОЯЩИЕ

ВЛАДИМИР НАБΟКОВ:
РАССКАЗ «КРУГ»

ПРИЛАВОК
НЕ ПЕРЕЛОМИТСЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЕК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 28 (3129)

11—18 ИЮЛЯ

© Издательство «Правда», «Огонек», 1987.

Главный редактор — В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:

Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ,
Д. В. БИРЮКОВ,
Л. Н. ГУЩИН
(первый заместитель
главного редактора),
К. А. ЕЛЮТИН,
В. П. ЕНИШЕРЛОВ,
Н. А. ЗЛОБИН,
Д. К. ИВАНОВ
(ответственный
секретарь),
А. Ю. КОМАРОВ,
Ю. В. МИХАЛЬЦЕВ,
В. Д. НИКОЛАЕВ
(заместитель
главного редактора),
Ю. В. НИКУЛИН,
А. Г. ПАНЧЕНКО,
А. Б. СТУКОВ,
С. Н. ФЕДОРОВ,
Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Воспоминание ...Писатель Чингиз Айтматов с
дочкой Ширин (справа) в киргизской юрте.
[См. материал «Цена прозрения».]

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

Обформление Е. М. КАЗАКОВА
при участии О. Б. ХРОМОВОЙ.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ
БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ
СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИС-
НОГО МЕСЯЦА.

Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на
полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб.
19 коп.

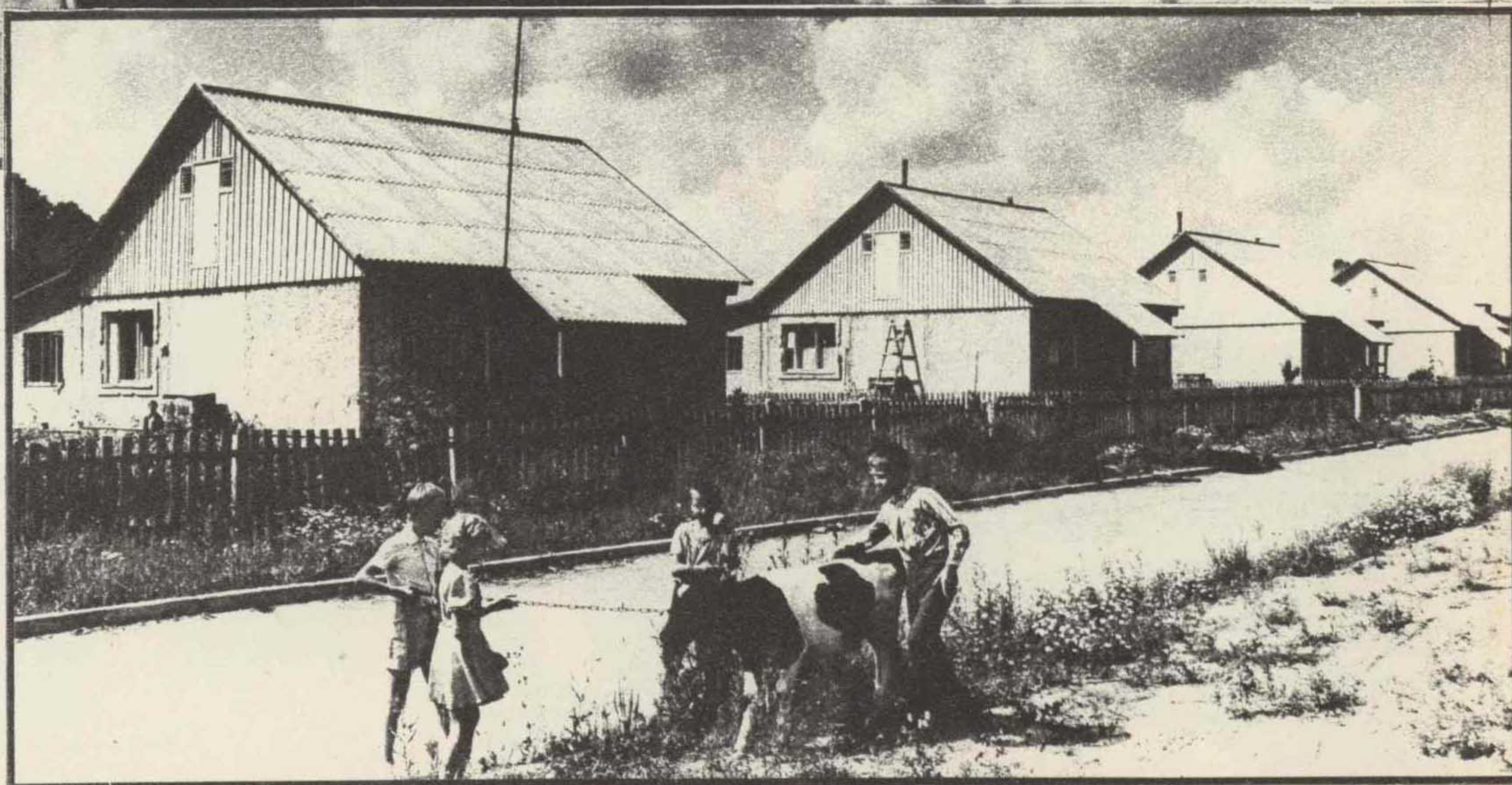
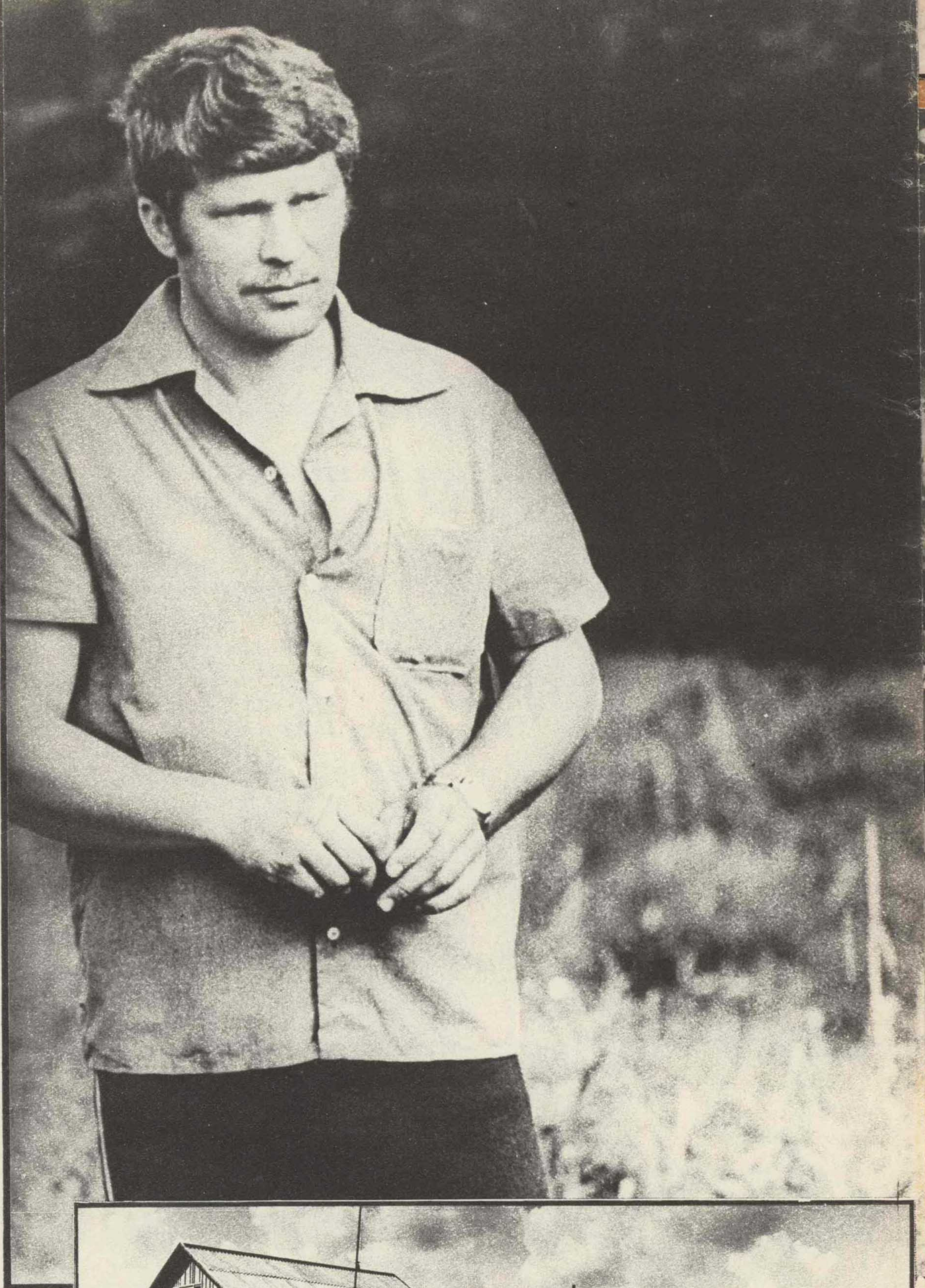
Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27;
Отделы: Публицистики — 212-21-88; Коммуни-
стического воспитания — 250-38-17; Междуна-
родный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69;
Искусства — 212-15-39; Писем и массовой ра-
боты — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Оформле-
ния — 212-15-77; Литературных приложений —
212-22-13.

Рукописи объемом более двух авторских ли-
стов не рассматриваются.

Сдано в набор 19.06.87. Подписано к печати
07.07.87. А 05096. Формат 70×108¹/₈. Глубокая
печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 500 000 экз. Изд.
№ 1796. Заказ № 856.

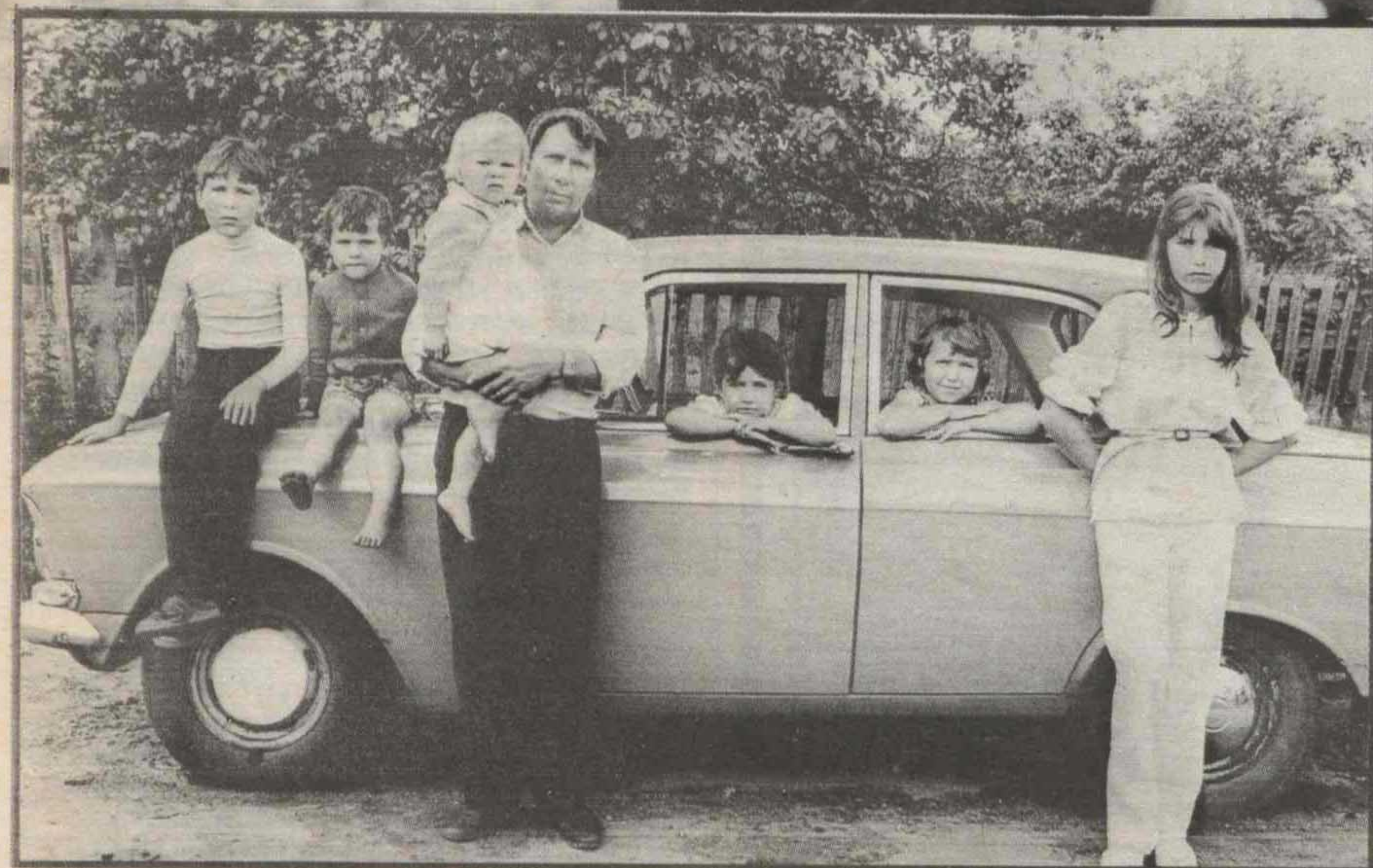
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Револю-
ции типография имени В. И. Ленина издатель-
ства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва,
А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП,
Москва, Бумажный проезд, 14.

УТВЕРДИТЕ

ОБ ЭТОМ
ГОВОРИЛОСЬ
НА ПЛЕНУМЕ
ЦК КПСС

Разговор в звене.
Николай Круповский,
Иван Сеницкий,
Петр Гелетюк.

● Ребятчи хлопоты.

● Любимый «конь»
семьи Сеницких —
«Москвич» — приз ВДНХ.

● И все-таки не выдержал:
перед отъездом на сессию
в техникум заглянул
к друзьям в поле.

Завтра уезжать на экзамены. Кажется, совсем недавно сдавал вступительные — и вот уже государственные... Растениеводство, политэкономика, защита растений... Усвоено все крепко, и

встреча с экзаменаторами не пугает. Другое дело — не хочется на три недели отлучаться из совхоза. На поле-то, правда, порядок. Все шестьдесят гектаров картофеля ухожены, техника к уборке готова, подойдет время — возьмем урожай. Уезжать не хочется, так как только что он вернулся с сессии Верховного Совета СССР, только что вчитался в материалы июньского Пленума ЦК КПСС, и не терпится привести в порядок раздумья и начать делать по-новому то, что по-старому теперь делать без ущерба для всеобщей нашей перестройки нельзя.

С таким чувством приехал из Москвы Иван Григорьевич Сеницкий — знатный белорусский механизатор, картофелевод.

В докладе на Пленуме Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачев сказал: «В механизированном звене по возделыванию картофеля в совхозе «Загальский» Любанского района Минской области четыре человека во главе с звеньевым И. Г. Сеницким, кавалером ор-

Окончание на стр. 27.

МЕНЯ ХОЗЯИНОМ!

ТОРЖЕСТВО ДРУЖБЫ

«...В Советском Союзе высоко ценят миролюбивую политику нашего великого южного соседа. Мы заинтересованы в сплоченной, сильной, самостоятельной Индии, играющей выдающуюся роль в движении неприсоединения, в инициативах шести государств. Такая Индия — непреложный и необходимый фактор мира и безопасности в Азии и на всей планете.

Мы рады новой встрече с Вами, господин Премьер-Министр, с другими государственными деятелями Индии.

Мы рады, что наша с вами политика взаимопонимания, доверия и сотрудничества подкрепляется «дипломатией народных масс», воплощением которой станут фестивали в Советском Союзе и Индии».

Из речи М. С. ГОРБАЧЕВА на завтраке в Большом Кремлевском дворце в честь Премьер-Министра Индии Раджива Ганди.

Фото А. ГОСТЕВА

ПОМНИ ИМЯ СВОЕ

Легендарные двадцатые годы... Многие, что тогда родилось, прочно утвердилось в нашей жизни. А что-то ушло, видоизменилось и лишь изредка напоминает о себе полубытым словом или случайно обнаруженным документом. Скажем, словом «звездины». Или таким вот необычным «Актом»:

«2-го декабря 1923-го года общее собрание артиллеристов 24-й Самаро-Симбирской Железной стрелковой дивизии, посвященное принятию в число граждан Союза Советских Республик новорожденных дочерей военкома Артшколы т. Якимова и военкома Артпарка т. Гуля, постановило:

1) Принять в число граждан Союза Советских Республик дочерей тт. Якимова и Гуля, наименовав их в честь первой артиллеристки-коммунистки времен Парижской Коммуны — Жозефинами.

2) Поручить воспитание Жозефины Гуль и Жозефины Якимовой их родителям.

Собрание дает наказ тт. Якимову и Гулю, как членам Коммунистической партии, вместе со своими женами воспитать принятых в число граждан С.С.С.Р. детей в духе велений той партии, которая единственная стремится к созданию нового, свободного, красивого будущего.

Да здравствует же это будущее!
Да здравствуют граждане будущего — тт. Жозефина Гуль и Жозефина Якимова!
2/XII 1923 г., г. Винница».

Ни одного слова, ни одной запятой не изменил я в этом документе, старательно переписанном каллиграфическим почерком. Вот уже более 60 лет хранится этот «Акт» в семье Якимовых. Пожелтевший, стершийся на сгибах. На обратной стороне другим почерком сделана приписка: «Жозефина родилась в воскресенье 18 ноября 1923 г. в 6½ ч. вечера в Советской больнице г. Винницы Подольской губернии У. С. С. Р.».

Так вот, собрание личного состава артиллерии дивизии, принявшее необычный для сегодняшнего читателя документ, и было «звездинами» — новым советским обрядом, пришедшим на смену церковным крестинам. А за самим документом стоят удивительные люди удивительной эпохи.

ОТЕЦ

Фотографий тех лет сохранилось немало. Большинство — групповые. Самая ранняя фотография относится, судя по всему, к 1922 году. Восемь бойцов и командиров в разношерстной одежде (кто в папаше, кто в фуражке) сидят за столом, покрытым узорной скатертью. Объектив запечатлел партийную ячейку 1-й роты 70-го стрелкового полка Железной дивизии. Крайний слева — Якимов, поллитрук роты.

...В начале последнего года минувшего века в семье рабочего Николая Якимова из небольшого городка Усолье Пермской губернии родился сын Петр. Когда минуло мальчонке двенадцать, определили его учеником в местную типографию. Девятнадцати-

Партийная ячейка 1-й роты
70-го стрелкового полка
Железной дивизии.
Крайний слева —
политрук П. Якимов.

Партийная ячейка Винницкого
военного госпиталя.
В первом ряду третья слева —
М. Якимов.

летний Петр Якимов вступил в Российскую Коммунистическую партию большевиков. Произошло это в апреле 1918-го — через полгода после Октябрьской революции. Уже в июле Якимов назначили волостным военным комиссаром. А в декабре он вступил добровольцем в Красную Армию. Рядовым бойцом 23-го Верхне-Камского стрелкового полка особой бригады 3-й армии.

Воевал на Восточном фронте, затем на Южном. Был председателем полкового партийного бюро, агитатором-организатором инженерного батальона, комиссаром стрелкового полка, а после окончания гражданской — политруком роты. Коммунист Якимов принимал как должное многочисленные перемещения по службе. Он станет комиссаром артшколы, комиссаром дивизиона, а в конце 1924-го его изберут отсекром (ответственным секретарем) партбюро артиллерийского полка.

Все это — в 24-й Самаро-Ульяновской Железной стрелковой дивизии. Той самой, что была создана Г. Д. Гаем в июле 1918 года на берегах Волги, бойцов которой Ильич благодарил за освобождение его родного города Симбирска.

Сохранившиеся в семье многочисленные мандаты и удостоверения свидетельствуют: П. Н. Якимов избирался делегатом многих партийных конференций Украинского военного округа и XIV съезда Компартии Украины, членом Житомирского и Киевского горкомов партии, партийных комиссий Украинского и Киевского военных округов, депутатом Винницкого горсовета. Этот далеко не полный перечень убеждает, что комиссар пользовался уважением и доверием не только у военных коммунистов.

В августе 1928 года Якимов расстался с Железной дивизией — его назначили комиссаром корпусного артполка. В истории Краснознаменного Киевского военного округа имя Якимова встречается неоднократно. За успехи в овладении боевой техникой он был награжден орденом Красной Звезды.

...Теперь мы можем представить, каким был отец родившейся в ноябре 1923 года девочки, которой общее собрание артиллеристов дало имя Жозефина.

МАТЬ

Их пути пересеклись в начале 1921 года.

Знакомая с партактивом стрелкового полка, новый комиссар обратил внимание на совсем юного, смуглолицего бойца.

— А это кто такой? — удивился Якимов. — Больно уж молод...

— Красноармеец Дунаева, учительница.

Полк готовился к отправке в Тобольскую губернию, и предстоящая ликвидация кулацкого мятежа заботила комиссара гораздо больше, чем ликвидация безграмотности.

Восстанием руководили казацкие есаулы и сотники. Полк нес потери не только от вражеского огня, но и от сибирских морозов. Когда заходила речь о помощи раненым, чаще всего произносилось имя Маши: «Маша перевязала», «Маша вынесла из боя».

— Это какая же Маша? — спросил комиссар.

— Дунаева. Это на зимних квартирах она учителька, а в бою — самая что ни есть милосердная сестра. Сколько бойцов выходила!

Когда на привале развели костер и Маша протянула к огню озявшие ноги, Якимов поразился: оба ее сапога были без подошв. Торчали лишь обледеневшие клочки суконного одеяла, намотанные вместо портянок.

После ликвидации мятежа жизнь вошла в нормальную колею, и комиссар получил возможность заняться школой грамоты. Посидел часок, послушал учительницу, понаблюдал, как бойцы выводят корявыми буквами самые важные в жизни слова: «ВОЛЯ. СОВЕТ. ЛЕНИН».

Раз зашел. Второй. Третий. Оставшись после занятий, попросил учительницу поподробнее рассказать о себе.

— Родителей не помню: рано осталась сиротой. Знаю только, что отец крестьянином был, бедняком.

В 1919 году, окончив училище, Маша Дунаева добровольно вступила в Красную Армию. Аттестат давал ей право работать учительницей младших классов, а такие люди были на вес золота — ведь сколько бойцов неграмотных!

— В конце 1920 года вступила в партию, — продолжила Маша свою исповедь, — а остальное вы знаете.

Да, остальное комиссар знал. Хотелось добавить еще кое-что. Но пока воздержался...

В июле 1921-го они поженились. Комиссару было тогда двадцать два, учительнице — девятнадцать. С той поры все трудности походной жизни делили пополам. И только через два года, когда родилась Жозефина, Якимовы получили комнатенку в разгороженном фанерными переборками общежитии. Это было в Виннице.

ДОЧЬ

Винницу она помнит, как давний сон. Радостный, счастливый, оставивший след скорее не в памяти, а в сердце. Помнит новогодний праздник в клубе артполка. Детям вручали подарки: кому флажок, кому книжицу, кому самодельную дудочку. И еще помнит заполненный до отказа зал Дома Красной Армии, отец сидит в президиуме. Потом, в перерыве, его окружают какие-то люди, а ее, Фину (так сократили в семье длинное имя Жозефина), мать не подпускает к отцу: «Не мешай папе, видишь — он занят».

На одном месте долго не засиживались. То и дело переезжали из города в город. Естественно, и школы менялись. Это уже под конец, когда Финя училась в девятом классе, а отец получил новое назначение, семья осталась в Киеве.

Когда она сообщила родителям, что намерена поступить в театральный институт, отец усмехнулся:

— Семейная болезнь.

— Это почему же семейная? — удивилась дочь. — Ведь ни ты, ни мама не были артистами.

— Были! Маму твою бойцы певуньей называли. Ну, а обо мне и говорить нечего — коренной культпросветработник...

18 июня 1941 года в Киевской школе № 78 был выпускной вечер. Жозефине несказанно повезло: отцу предоставили отпуск. А 20 июня пришла телеграмма: отца срочно отзывают.

Через два дня началась война.

У Жозефины уже и мысли не было о театральном, только в медицинский. Но институт сгорел, город эвакуировался.

Под бомбежкой и обстрелом, где на грузовике, где в вагоне из-под угля Якимова с четырьмя детьми добралась, наконец, до Березников, что на Каме. Мать назначили начальником военторга, потом избрали членом бюро райкома. Дома ее почти и не видели. Жозефина устроилась заведующей

библиотекой в школе (потом она перейдет на работу в военное училище) и сразу же занялась организацией детской самодеятельности. В Березниках размещалось пять военных госпиталей: созданная Финой концертная бригада была нарасхват. Разумеется, выступала и сама руководительница.

От отца пришло два коротких письма — и связь прервалась. Уже в 1942-м получили один за другим два извещения. В первом — «погиб», во втором — «пропал без вести». Каному верить?..

...Очередной концерт в заполненном ранеными госпитальном вестибюле. К Фине подошел на костылях молодой парень:

— Хотите, перепису вам слова песни «С Васильевского острова, с завода «Большевик»?

— А мелодия?

— Так я наиграю на гитаре!

Вася Матвеев работал учеником на Ижорском металлургическом заводе. По состоянию здоровья в армию не призвали, и он стал бойцом знаменитого Ижорского батальона. Первое ранение ненадолго вывело его из строя. Но второе... В сентябре 1942 года потерявшего ногу ополченца привезли в Березниковский госпиталь.

Судьба. В октябре они познакомились. В ноябре расписались.

В апреле 1944-го вернулись в Киев. Получили комнату. Жили в ней всей семьей: мать, сестры-двойняшки, пятилетний братишка, Финя с Василием. А вскоре и у них сын родился.

Но с давней мечтой не расставалась: после Победы пошла в культпросветтехникум. Училась, работала, сына растила, семью поддерживала. И мало ей показалось одного клубного отделения — окончила еще и режиссерское.

Откуда только силы брались? Так ведь комиссарская дочь! И времени своего — дочь тоже...

С 1950 года Матвеевы живут во Львове. Какое-то время Жозефина Петровна заведовала детским сектором в клубе авторемонтного завода, потом устроилась художником-оформителем в изокOMBинат. Но где бы ни работала, со сценой не расставалась.

Ни разу в жизни не довелось ей встретиться ни с одним из артиллеристов Железной дивизии, участвовавших в ее «звездах». Но случись такая встреча, Жозефине Якимовой-Матвеевой не было бы стыдно.

Снова и снова перечитываю необычный тот «Акт», составленный моими давними однополчанами — артиллеристами Железной дивизии, в которой мне пришлось служить уже в послевоенные годы: «...наименовав... в честь первой артиллеристки-коммунистки времен Парижской Коммуны — Жозефинами».

Переворочил множество книг в поисках парижской Жозефины. Хотя бы фамилию ее узнать! Выписал десятки имен женщин — героинь Коммуны: о Жозефине не нашел ни единого упоминания. Но ведь знали ее в двадцатые годы в нашей дивизии! Значит, была такая артиллеристка... Думаю, читатели помогут отыскать следы героической француженки, передавшей, как эстафету, свое имя дочерям двух комиссаров Железной. И тот давний «Акт», надо полагать, тоже был написан в двух экземплярах.

Что касается комиссара Якимова и его жены Марии Дмитриевны, то они выполнили наказ.

А как сложилась судьба комиссара Гуля и его дочери Жозефины? Надеемся, найдутся читатели, которые ответят на этот вопрос. Так что точку пока ставить не будем.

Борис КОМСКИЙ

Львов.

ЦЕНА ПРОЗРЕН

ИЗ МОСКВЫ — В ЧОЛПОН-АТА.

С ЧИНГИЗОМ АЙТМАТОВЫМ БЕСЕДУЕТ
СПЕЦИАЛЬНЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ «ОГОНЬКА»
ФЕЛИКС МЕДВЕДЕВ

Телефонный звонок раздался почти в полночь: «Я готов начать разговор, — медленно произнес он, — если хотите, приезжайте».

Через всю Москву я мчался в такси к писателю, чье имя известно всему миру, и в который уже раз лихорадочно думал, о чем я буду с ним говорить. О чем? О чем? Мне казалось, что нашим читателям о Чингизе Айтматове известно все: ведь количество напечатанного о нем во много раз превышает сотворенное им самим. О каждом из его произведений, будь то «Джамиля» или «Белый пароход», «И дольше века длится день» или «Плаха», созданы исследования, о его художнической и жизненной судьбе рассказывает не одна книга. Каждый период его творчества изучен, разложен по полочкам. Он дал неисчислимое количество интервью, хотя не раз зарекался против этого «расточительства»... Что нового может сказать писатель о себе, о своей работе?

«Но мера жизни, — думал я, — неисчерпаема — даже если еще вчера Чингиз Айтматов встречался с журналистами, то сегодня наступит новый день, а с ним и новая грань бытия, новые заботы, новые сомнения. Тем более в дни сегодняшние, когда каждый прожитый нами час по-особому ложится на весы истории, каждый, быть может, равен эпохе. А к голосу уважаемого писателя, художника прислушиваются миллионы людей, его ценят, ему доверяют».

И Чингиз Торекулович сразу же заговорил о самом главном, о самом больном, о самом насущном...

— Наконец-то мы прозрели, протерли глаза и, оглянувшись назад, увидели зияющие пустоты. Страшно задуматься, что было бы с нами, если бы все продолжалось как прежде, когда дело подменялось ритуальным пустословием. До недавнего времени многие представления о жизни выстраивались с помощью клишированных, набивших оскомину междометий о самом передовом обществе в мире, о самом образованном читателе, о неизменно авангардной сути всего,

что касалось понятия «наше — советское». В том сладостном самозаворожении мы затмевали ощущение реального, конкретного, старались не замечать, что окружающий мир обогнал нас на многих дистанциях. И цель перестала быть осязаемой: «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме»... Профанация, чудовищный voluntarизм... Наша цель — коммунизм — отодвинулась еще дальше. Мало того: извращены многие постулаты социализма.

— Скажите, почему в «Плахе» вы решили поставить еще недавно запретную в печати тему наркомании, а вместе с ней и проблему духовной опустошенности человека? Вы ощущали приближение каких-то кардинальных перемен в обществе?

— Да, возможно, было внутреннее предчувствие. А наркомания в данном случае — это частность. Поговорим о большем. В последние годы я всегда останавливал себя на том, что мы переживаем какой-то бездарный период истории и что вот-вот начнется прозрение. Да неужто мы на-

столько оглупели... Согласитесь, то, что нынче происходит, — ведь это и есть прозрение. Медленно, но уверенно мы сбрасываем с себя путы самодовольства, самообольщения, спеси. Не видно нарочитых утверждений, что мы еще чего-то там добились, еще кого-то там перегнали.

— Чингиз Торекулович, в нашей беседе в январе 1984 года мне почему-то запомнились ваши слова о том, что (цитирую вас) «настоящая история начинается только теперь, и только теперь прояснится и станет наглядно ясным, насколько зрело наше общество, насколько оно может быть хозяином тех завоеваний, которые оно имеет... И мы должны победить, и это будет невиданная победа». Тогда мне показалось, что в эти слова вы вкладываете особый подтекст. Повторюсь, это был январь 84-го, а не апрель 85-го и не 86-й год.

→ Вы знаете, я всегда ощущал, как, видимо, и многие, чудовищную нехватку, а порой и отсутствие демократии. Мы и сегодня-то еще не готовы к ее закономерному восприятию. Демократия — дело весьма от-

— Такое время отчасти уже было в нашей истории — после XX съезда партии. Литературные критики считают, что именно те годы стали решающими в вашем творчестве, ведь именно с 1956 по 1963 год вы написали «Повести гор и степей», кстати, удостоенные Ленинской премии.

— Да, за те годы я благодарен судьбе, что жил в тот период и работал. Те шесть-семь лет много стоили. Именно тогда сформировалась плеяда писателей, которые до сих пор являются главной ведущей силой современной словесности. Хорошо, что тогда они были молодыми. Молод был и я. Это позволило на долгие годы сохранить в себе внутреннее достоинство и надежду.

Сегодня, к счастью, вновь открылся занавес, и если те времена были смутным ощущением надежды, то сегодня пришло время осознанной неотвратимости происходящих перемен. И посему на поприще литературы, искусства я жду настоящих вулканических взрывов. Думается, что после Валентина Распутина, которому сейчас 50 лет, в последующих поколениях, после него — ощущение какой-то опустошенности в литературе. И в русской, и в нерусских литературах что-то приостановилось, затормозилось... Исчезли потенциальные возможности формулы «и слово было — бог».

Теперь же, мне думается, пришла благоприятная пора больших открытий. И если завтра появится крупный романист или поэт, который поразит нас, это будет закономерно. Пусть он потеснит всех. Мы воспримем это как явление долгожданное.

— А мне этот процесс видится не таким легким, безболезненным. Понятие «завтра» для утверждения демократии, по-видимому, процесс долговременный. И не все литераторы отчетливо понимают и сочувственно принимают происходящее на «дворе». Недаром Михаил Сергеевич Горбачев в одном из своих недавних выступлений употребил ставшее уже нарицательным понятие «сведение счетов», которое имеет в виду дела, далекие от подлинного искусства.

— Это достойно сожаления и презрения, ибо употреблять внутрিলитературные отношения к сведению каких-то личных, групповых счетов — путь бесплодный, давным-давно извещенный, путь, который не может привести ни в коем случае к продуктивным достижениям. Суестьющиеся, надменные, жаждущие личной популярности и славы люди, тем более литераторы, вызывают отвращение. Они отравляют жизнь себе и другим. Давно замечено: ненависть опустошает человека. Вот о чем надо думать. Я знаю молодых людей, которые опустошены ненавистью и завистью к другим. Знаю и проживших на свете долгие годы, но так и не сумевших набраться мудрости на старости лет и потому идущих на все, мстя за свое хроническое бесплодие всем и вся, даже детсадовским детишкам. Нам всем давно уже пора понять, что жизнь наша действительно коротка и чем дольше на свете живешь, тем глубже вроде бы ты должен воспринимать это как сверхсчастье, а не повод к запоздалому самоутверждению любой ценой. Опустошение себя ненавистью, завистью, злобой делает человека рабом ночи, а не творцом света.

— Это правда, что ваш отец, Торенул Айтматов, и его братья сельские активисты Рыскулен и Алемкул были репрессированы в 1937 году? Я узнал об этом только сейчас.

— Да, правда. Прошло уже ровно полвека, и об этом тяжело вспоминать. Публично я об этом никогда не упоминаю, вот, можно сказать, впервые высказываюсь. Не хочу, чтобы этот факт превратно истолковывался ины-

ми людьми. Но если бы такого дела и не было бы, я все равно всеми силами противостоял бы «жесту» культа личности. До сих пор многие не понимают, какой огромный вред он причинил советскому обществу. Культ личности нанес невосполнимый, уродующий ущерб облику социализма. Слишком надолго мы оказались в капкане авторитарного режима, созданного Сталиным, и только теперь, почти через тридцать пять лет после того, как его не стало, начали освобождаться и выдавливать из себя рабов культа личности. Только сегодня общество по-настоящему начало преодолевать тяжкий груз той мрачной эпохи. И это дается нам непросто, ценой. Ведь и сегодня еще много приверженцев прошлого. Они ничего не хотят видеть, не желают никаких изменений. Потому, если мы сумеем раз и навсегда освободиться от комплексов прошлого, это будет великим достижением перестройки, политическим и духовным.

Я слушал своего собеседника и понимал, как волнуют его процессы, происходящие в стране. Все заботы перестройки он принимает по-сыновнему — близко к сердцу. Чувствовалось, что многое им выстрадано, обдумано, сформулировано. Человек государственного масштаба, Герой Социалистического Труда, депутат высшего законодательного органа страны, он с пониманием говорил о конкретных делах, размышлял о том, что надо изменить в нашей жизни к лучшему. Он говорил о единичных фактах и многое обобщал, анализировал, делал выводы — вдохновенно и горячо. Я не перебивал его, не останавливал своими вопросами, и мне показалось, что его разговор с собеседником выливался в страстный

МОНОЛОГ О САМЫХ ЖГУЧИХ ПРОБЛЕМАХ НЫНЕШНЕГО ДНЯ.

— Все время думаю о парадоксе: созидая социализм, отдавая предпочтение всему, что идет от коллектива, от коллективизма, мы много утратили из того, что касается индивидуальности, личности, если можно так выразиться, самости, человека. Надо исходить из того, что если есть сам, то все остальное есть мир. Как сказывается сегодня эта главная утрата! На многом, во многом. На качестве труда. На отношении человека к человеку. На оценке его творческой созидательной потенции.

Ценность самой личности у нас не выверена, не определена. И мы игнорируем эти проблемы, освобождаем себя от них, как бы не замечаем их. А они накапливались, назревали, они сказались на отношении человека к государству, государства к человеку, человека к коллективу. Все это, вместе взятое, требует решения тем, что мы сейчас называем словом «перестройка». Перестройка — это обширное понятие. Одним кажется, что перестройка касается чисто организационных дел, перестановки кадров; другим — что она касается только технологических, технологических проблем. Мне же наиболее важным представляются общественно-социальные аспекты взаимоотношений человека, личности и общества. Личности, индивиду и государства. Я не ученый, не социолог, к этим проблемам подхожу, так сказать, эмпирически. И мне кажется, что об этом следовало бы вести квалифицированные разговоры. Хватит догматов, заранее представленных формул. Много их уже было, догматов и формул, тормозящих движение вперед, и мы должны уйти от нивелирования, обезличивания, стандарта. Всеобщая стандартизация во имя коллектива убийственна.

Мы — люди, и вся наша жизнь, чем бы мы ни занимались, складывается из повседневного быта, будничных за-

бот. Часть общества что-то производит, часть потребляет, между ними существует сфера услуг. Все обобществлено. Прежде человек мог обходиться, имея натуральное хозяйство, и в основном он надеялся на самого себя. На свой труд, на свое имущество, на свою землю. Ныне у нас все иначе: обо всем заботится государство.

С одной стороны, такой подход — проявление принципов социализма, с другой стороны, меня разочаровывает то, что мы не смогли по-настоящему организовать многие сферы своего существования. Возьмем жилье.

Если раньше человек сам заботился о своем жилье, старался его сохранить, усовершенствовать и потому оберегал каждый гвоздь, то сейчас все только ждут готовой комфортной квартиры. Понятно, что на это выделяются средства, существуют отрасли строительства. С одной стороны, такое положение вещей облегчает жизнь, с другой стороны, мы не смогли сделать так, чтобы жилье было родным, уютным и неотделимым от нас. Посмотрите, что происходит в подъездах, в лифтах, на лестничных площадках! Во что мы превратили дома? В многоэтажные бараки? Мы как бы живем в отместку самим себе. А за что, спрашивается, мы так мстим себе, то бишь государству, которое взяло на себя эту неслыханную обязанность? Черт его знает, неужто и впрямь верна обывательская поговорка: не делай добра — не получишь зла. Мы не научились жить в больших многоквартирных домах, не научились сохранять свою обитель. К тому же мы плохо строим наши дома. Уже в изначальном проекте допускаются просчеты, нелепости, он недодумывается, а в ходе строительства многие элементы проекта не соблюдаются. Потом сплошной тяп-ляп, лишь бы скорее избавиться от объекта.

Новые микрорайоны, которые мы видим в Москве, цветочки — это лучшее, что есть в нашем современном строительстве. А поезжайте в провинциальные города, областные. Уже из окон вагона можно увидеть и поразиться безобразию на ниве строительства наших жилищ. А ведь жилище — это наша жизнь. И сколько бы мы об этом ни говорили, как бы друг друга ни упрекали, все остается на месте, без изменения. Ничего не происходит, не меняется. Я боюсь, что молодое поколение даже не подозревает о том, что человеку положено отроду заботиться о своем жилище. Молодым людям кажется, что все существует в готовом виде. По-дайте только ключи!..

Вторая проблема — транспортная. Проблема, которая из года в год удручает. Начну с самого дальнего — воздушного транспорта — с авиации. Мне приходилось и приходится бывать в других странах и пользоваться самолетами самых различных авиакомпаний, мне хорошо известно, что такое хорошая авиация. Так вот, прогресса в нашем авиасервисе я не вижу. Сегодня это скудный, скученный, нервический перевоз людей в очень неустойчивых условиях. Аэропорт «Домодедово», например, напоминает в летнее время картину беспорядочной эвакуации беженцев от стихийных бедствий или войны. Наши аэропорты, так же как и вокзалы, превратились в беспросветное, многолюдное, хаотическое сборище пассажиров. Где же приметы высокой цивилизации? И здесь, лично я считаю, сам по себе Аэрофлот как таковой никогда ничего не исправит. Должна быть создана конкурирующая фирма. Может быть, следует разделить Аэрофлот на две части и каждой из них придать свои средства, свои специфические возможности и таким образом заставить их конкурировать, сделать так, чтобы оплата труда всего летного состава, всего

обслуживающего персонала зависела от качества работы.

Еще больше меня удручает, что парк самолетов устаревает прямо на глазах, мало обновляясь. Могу привести множество примеров. Азиатские рейсы, из Фрунзе в Москву, из Алматы в Москву. За многие годы частота авиарейсов почти не прибавилась. Парк машин обновляется очень медленно. А ведь наплыв пассажиров стремительно возрастает.

Самолетный парк все больше и больше приходит в упадок. Даже внешне. Сужу как пассажир. Мухи и тараканы расплодились в авиалайнерах, как в коммунальных домах. Однажды я пригласил бортпроводницу. «Что же вы не боретесь с тараканами, смотрите, они кругом ползают!» «А что вы от нас хотите, — сказала она, — мы не успеваем провести дезинфекцию самолета, потому что они постоянно находятся в рейсах. Сменяются экипажи, сменяются пассажиры, а машины гоняются одни и те же». Так вот у меня возникло подозрение: можно ли в таких условиях соблюдать необходимую технику безопасности? Еще мне кажется, что самолеты перегружены, так уплотнены, как нигде в мире. Такого беспощадного уплотнения я не вижу в самолетах других авиакомпаний.

И когда мы говорим о том, что в капиталистическом производстве главное — это прибыль, погоня за прибылью, я, честно говоря, в данном случае не вижу разницы: у них погоня за прибылью, у нас погоня за планом, то есть за той же прибылью во что бы то ни стало.

Но до последнего времени Аэрофлот был какой-то элитарной организацией, которую простому смертному невозможно было критиковать. Вот об этом часто душа болит, ибо все мы соприкасаемся с авиацией. Без авиации современный человек обойтись не может. Она вошла в нашу плоть и кровь, в наш быт, в наши повседневные планы. Только при помощи авиации можно что-то успеть при напряженном темпе современной жизни. И именно в этом жизненно важном звене мы ощущаем все большую слабость.

Теперь о городском транспорте. Его состояние ниже всякой критики. Все перегружено: метро, автобусы, троллейбусы, трамваи. И не только в Москве, а везде и всюду. Поток пассажиров возрастает, а средства передвижения отстают. Транспортные стрессы влияют на работоспособность людей, на их настроение, на их взаимоотношения друг с другом.

Запад тоже сталкивается с подобными проблемами, но там выручает гигантский парк индивидуального транспорта. Ни в коей мере не сравнимый с нашим.

А наши дороги? В городах, между городами, проселочные, сельские по всей стране. Если сравнить с дорогами, которые существуют в других частях света, то это не дороги. И здесь работы непочатый край.

И вот изо дня в день мы как-то ко всему приспосабливаемся, смиряемся, разражаемся, но привыкаем, терпим, примиряемся как с неизбежной долей. А почему?

Школьное образование во многом в плачевном состоянии, медицинское обслуживание из рук вон плохое, торговля — на уровне каменного века...

Я не ворчу. Я рассуждаю, я хочу лучшего. Где же выход? Многие считают, что нужно лучше организовать труд, лучше работать. Понимаю — это очень важно. Но думаю, мне, что не это главное. Главное: где взять средства на преодоление, на новый старт жизненного уровня? Ведь государственный бюджет не резиновый. Повышать зарплату в сфере услуг? Это невозможно. Повышать цены на продукты, на услуги? Наверное, можно. Но тогда нужно повышать заработную плату. Заколдованный круг,

из которого во что бы то ни стало надо выйти. Ведь каждое поколение не вечно, как и любой из нас. И человек должен жить при достойных условиях.

Слава богу, как говорится, нет войны. Но почему же тогда из года в год остаются нерешенными и, более того, усугубляются многие жизненные государственные, общественные проблемы? Наверное, мы мало о них думаем. А если и думаем, говорим о них, то не всегда результативно. Почему? Внутри каждого из нас сидит догматик, каждый из нас был в какой-то степени «контузен» эпохой сталинизма — отучен мыслить и действовать без санкции сверху.

Многие мои коллеги пытаются найти ответы в каких-то схоластических политизированных суждениях. Проще констатировать, что у социализма есть потенциальные преимущества, куда сложнее раскрыть их на деле. А вот как это сделать? Не всякий ответит. Как бы хорошо раскрепостить заведомую в головы наших ученых, теоретиков, практиков, социологов, экономистов инерцию демагогии, консерватизма...

Я считаю, что перестройка должна решить многие из названных мною проблем. Во всяком случае, хочется верить, что поможет решить.

Чингиз Торекулович говорил о наших немалых экономических трудностях. Хотя прожиточный минимум есть у всех, есть крыша над головой, есть работа, люди живут, не боясь безработицы, неожиданных социальных потрясений, речь не об этом. Речь о том, рассуждал писатель, что, располагая передовым общественным строем, располагая гигантскими просторами, необъятными ресурсами, передовыми достижениями науки и техники, мы могли бы быть во главе всей цивилизации.

Заговорили о июньском Пленуме ЦК КПСС, наиболее важном событии последнего времени.

— Пленум ЦК КПСС во многом должен перевернуть наши представления о будущем экономики, всей нашей жизни, — рассуждал мой собеседник. — Это революционный пленум. И в докладе, и в выступлениях победу одержала перестройка, которая раздавила ту улитку, ту телегу, что многие годы стояла на пути преобразований, тормозила движение.

Чингиз Торекулович задумался.

— Хотите, скажу одну вещь: умом своим я понимаю, что мы еще не достигли того достаточно высокого производственного уровня, чтобы отвлекаемые на военные расходы средства не сказывались бы столь ощутимо, как сейчас, на уровне жизни советских людей... Умом, а вот сердцем... Ведь все мы задаем сегодня один банальный вопрос: как это могло произойти, что недоученный пилот-любитель, мальчишка, несмотря ни на что, сумел преодолеть все барьеры наших заградительных систем и спокойно приземлиться, как на необитаемом острове, в святынях нашего Отечества — на Красной площади? Виновные отстранены, это понятно. Но все-таки?..

Думается мне, что многое можно было бы решить, если бы мы нашли дорогу к разрешению внешнеполитических проблем. Если бы мир пришел к согласию, то бесконечная военная гонка была бы бессмысленной. Ведь давно уже мы говорим друг другу: надо друг друга не трогать, не задирать, не вызывать на поединок — мир находится на грани ядерного апокалипсиса. А что толку в этих взаимных одергиваниях, предостережениях? Конечно, если оглянуться назад, то можно увидеть ошибки, допущенные неадекватностью нашей внешней политики довольно еще недавно.

Как хочется, чтобы наши мирные инициативы, подсказанные всей логи-

кой жизни, нашли бы ответ у противоположной стороны.

Недавно во время визита государственного секретаря США Д. Шульца в Москву случилось так, что я имел возможность в числе некоторых других писателей встретиться с ним. Он очень интересовался тем, что же такое гласность в СССР. Этот вопрос его очень волновал, ибо прежний стереотип общения с нами уже как бы нарушен и уязвим в использовании. Шульц много расспрашивал нас о гласности, о перестройке, о том, верим ли мы в открывшиеся перспективы. Мы же, рассказывая ему обо всем этом, отвечая на его вопросы, убеждали его и, мне показалось, что на какое-то время сумели убедить, что самый лучший исход двадцатого столетия состоит в том, чтобы Запад и Восток смогли бы найти общий язык и навсегда покончить с возможностью разрешать идеологические разногласия военным способом.

Если деятель такого калибра, как Шульц, пусть на минуту, на мгновение заколебался и задумался над истиной наших представлений о будущем мира на земле, значит, нужно использовать все до единой возможности во имя того, чтобы договориться не воевать друг с другом.

Здесь я должен заметить, что разговор с Чингизом Айтматовым, начавшийся в Москве, был перенесен и продолжен сначала в самолете, затем во Фрунзе, а затем на берегах озера Иссык-Куль, что находится в трехстах километрах от столицы Киргизии, где расположено местечко Чолпон-Ата — обитель «трудов и вдохновения» писателя. И не ради праздной прогулки, очередного вояжа в родные места совершил он эту поездку, куда пригласил и нас с фотокорреспондентом «Огонька» Дмитрием Бальтерманцем.

Многим уже известна миротворческая деятельность Ч. Айтматова. Он — инициатор и организатор так называемого «Иссык-Кульского форума», о первых заседаниях которого наш журнал подробно сообщал. Сюда, на берега Иссык-Куля, в октябре 1986 года прибыли виднейшие представители мировой культуры: ученые, политики, писатели, художники. Они прибыли в СССР как личные гости Айтматова; по возвращении в Москву их принял М. С. Горбачев.

Так было образовано еще одно новое движение интеллектуалов в борьбе за мир, за выживание человечества, за сохранение цивилизации. До и после образования «Иссык-Кульского форума» Чингиз Айтматов много ездил по свету, организуя и формируя свою инициативу.

На этот раз в СССР для личных контактов с всемирно известным писателем и борцом за мир прибыли генеральный секретарь ассоциации Великобритании — СССР Дэвид Робертс и популярнейший на Западе писатель (его романы широко известны и у нас в стране) Джон Ле Карре. Ч. Айтматов встретил их в Москве и отправился с ними в поездку по Киргизии.

Я имел возможность воочию ощутить значение и важность айтматовского начинания. Наглядно подтвердилось, что личное участие писателя в неформальных контактах на самых разных уровнях как бы расширяет представление о роли личности в современном мире.

И я сказал Чингизу Торекуловичу о том, что, недавно преувеличив, мы затем едва ли не отрицаем роль личности в истории. Но сейчас, сегодня понимаем, что перестроить нашу жизнь во всех ее проявлениях от экономики до культуры мы можем, только опираясь на энергию, инициативу, талант выдающихся личностей, талантливых людей.

— Таких, как, например, доктор Святослав Федоров, кстати, член редколлегии «Огонька». Я давно его знаю. О нем сейчас много пишут, приводят в пример организацию им дела, а я понял, что это незаурядный человек, еще тогда, когда о нем ничего не говорили и он доказывал всем и вся, как надо работать, как в условиях социализма надо организовывать производство и что любое дело надо воспринимать как сугубо личную заботу. Особенно в таком тонком и сложном деле, как медицина.

Когда мы говорим о перестройке, мы не можем не говорить о талантливых людях, организаторах, подвижниках. Но при этом мы в свое время упустили один могучий фактор — личную заинтересованность. Я уверен, пока мы не создадим атмосферу личной заинтересованности везде и всюду, очень многие наши прекрасные идеи останутся нереализованными. Да, необходима личная заинтересованность, та самая, которую мы несправедливо отторгнули сразу после революции, во всем положившись на коллективное начало, коллективную психологию. Там, где есть по-хорошему личная заинтересованность, там человек становится творцом, мастером. А мы чаще всего киваем друг на друга: почему я должен сделать то-то и то-то, пусть делает другой. Рождается цепная реакция регресса, застоя.

— Многие считают, что перестройка лишь слабой своей стороной коснулась провинции, отдаленных от центров территорий. В Киргизии, например, вы замечаете плоды перестройки?

— Конечно. Люди по-другому думают, требовательность совсем другая. Нет той безнаказанности, равнодушия, что были еще недавно. Нет того, чтобы отдельные группы людей могли пользоваться незаслуженными благами.

— Можете ли вы назвать имя простого, так сказать, человека, который бы проявился в последнее время, уже в процессе перестройки, как лидер, как истинный переустроитель жизни?

— Могу. Чабан Таштанбек Акматов. Таких, как он, тружеников, пожалуй, немало. Но человек этот поражает. Он чабан-мыслитель, чабан-менеджер. У него все продумано, предвосхищено. К цели своей идет во всеоружии знаний и опыта. Несомненный образец фермерского лидерства.

— Слово «гласность» происходит от корня глас, голос. Выходит, что впереди сегодня должны быть те, кто этот голос имеет: писатели, литераторы, журналисты. То есть все те, кто голос этот может подать, высказывать, обнародовать.

— Да, конечно, в литературе гласность необходима как воздух. Но гласность я понимаю не только как голос. У меня на этот счет есть своя расшифровка. Гласность — это компонент свободы. Второй компонент — это учет и результативность гласности, то есть мнения и желаний большинства. Из этого складывается начало свободы. А без фактора свободы в нынешнем мире развиваться, совершенствоваться, достигать вершин производительности невозможно. Конечно, журналистика, публицистика — это самая первоначальная реакция на происходящее и самая первоначальная попытка воздействовать на действительность. Книга, большая литература выполняют свои функции, но у них возможности одни, а публицистика и журналистика — совсем другое дело. И подчас, в какие-то моменты, именно публицистика может значить больше, чем художественная литература. Думаю, что сейчас как раз такой период. Газеты стали так популярны, что за ними люди рано

утром встают в очередь. При таком социальном ажиотаже ответственность журналистики возрастает во много раз. Обычно мы понимаем ответственность как судебную, партийную, служебную. То есть ответственность — значит ограничение, запрещение. Я понимаю ответственность по-другому: ответственность за то, чтобы своим собственным мнением сформировать мнение людей.

Прогресс всегда развивался через какие-то препятствия. Невозможно, что-то затаив, запретив, делая всяческие умолчания, табу, двигаться к прогрессу. Лучше, встретив на пути трудности, пережить их, преодолеть, но продвигаться дальше в познании общества.

Я думаю, что если наша журналистика, публицистика откажется от многих фигур умолчания и найдет в себе силы свежо, ново, ясно, чисто и правдиво изображать человека и его время, то это поможет всем нам найти себя в перестройке.

— Если честно, Чингиз Торекулович, до эпохи гласности вы считали себя «гласным»?

— Более или менее...

— Почему?

— Мне всегда казалось, что я принципиально честно подхожу к тому, что изображаю. А сейчас вот кажется, что в романы «И дольше века длится день» и «Плаха» я мог бы внести новые сцены, те, которые вынужден был или не писать, или изъять их из произведения по цензурным или иным запретительным соображениям. Да, я мог бы сегодня кое-что обновить, заострить, усилить... Но делать этого уже не буду. Что сотворено, пусть так и остается.

Так вот еще раз: сегодня для писателей, и для меня в частности, настала замечательная пора писать о том, о чем писать и говорить необходимо. И хочется. Писать, не оглядываясь назад.

— Не считаете ли вы, что в нашей печати появилось излишне много критических статей, обобщений или это норма нынешнего времени? Нет ли здесь какого-то перекося?

— Я не вижу перекося. Общество должно обладать и чувством самоиронии, и чувством самокритики. Ведь еще недавно мы не могли и подшутить над собой — это воспринималось как кощунство. Отсутствовала самокритика, и мы становились все более и более самодовольны, ибо хотели и требовали все больше и больше восхваления, самодовольного уважения к себе. Хотя понимаем вроде бы, что главное не слова, а дела. На декларациях далеко не уедешь, хотя мы и пытались. До того допытались, что производительность труда, снизившаяся в последнее десятилетие до почти критической отметки, теперь катастрофически сказывается на нашей экономике.

Вот почему мы должны смело, решительно говорить вслух о всех негативных явлениях жизни. Лучше самим сказать о себе всю правду...

— Вы можете представить себе, что процесс демократизации общества остановится и все пойдет вспять?

— Что, снова к культу личности? К затаенным внутри общества болезням? К нарушениям элементарных человеческих прав? К застою? Никогда! Этого не должно произойти. Логика жизни такова, что гарантия ее развития — это движение вперед. Если мы остановимся, значит, мы снова будем двигаться в обратном направлении. Не так ли?

— Да, остановка все омертвит.

— И это будет катастрофой для всех. Думаю, что нет в нашем обще-

стве таких сил, которые были бы уж очень сильно заинтересованы в остановке, в возврате к прошлому. Даже та самая бюрократия, которую мы сегодня склоняем, как говорится, и в хвост и в гриву и видим в ней корень зла, не заинтересована в этом. Я думаю, что она не враг сама себе...

— А как вы считаете, могут ли быть пределы демократии?

— Пределы демократии? Свобода и дисциплина. Как это ни парадоксально звучит, я не представляю себе свободу без дисциплины и дисциплину без свободы. Насколько это разные понятия, настолько они необходимы друг другу. Свобода настолько прекрасна, насколько и опасна. Тогда, когда ее извращают. Когда свободы нет, ее требуют, когда она есть, ее извращают. Я считаю это неблагодарностью тому или тем, кто эту свободу дал, завоевал.

— А нет ли некоего «разгула демократии» в том, что существует и действует организация «Память», которая по происхождению, по замыслу, так сказать, организация полезная, нужная, но ставшая в последнее время инструментом шовинизма, антисемитизма?

— Если это разгул, то это уже не демократия.

Думаю, что мы не научились еще пользоваться плодами демократии. Вот, к примеру, у нас введена конкурентная форма выбора кандидатов на руководящие посты и должности. Выбирается, естественно, один кандидат, второй так же естественно отпадает. Так вот я замечаю, что второй, не прошедший конкурс кандидат сразу же становится вроде бы неполноценным, презираемым. Как же так? Только что он мог стать во главе коллектива и вдруг отбрасывается в сторону, авторитет его сводится к минимуму. Разве это справедливо? Не пришедшие к финишу кандидаты — это достойные люди, в них надо видеть кадры перестройки. Их надо задействовать, а не относиться к ним с безразличием, достойным иванов, не помнящих родства.

— Вы сказали, что предчувствовали какие-то перемены в обществе перед тем, как засесть за «Плаху». А какое предчувствие у вас сейчас и связано ли оно с вашим новым произведением? О чем оно, если не секрет?

— Мне трудно пока сформулировать это предощущение, но оно есть. Быть может, оно состоит в том, чтобы мы все-таки выдержали то испытание, которое претерпеваем сейчас. Это — великое самоиспытание. Это — испытание будущим. Я понимаю, какой ценой оно может быть выдержано. Нелегко отказать от привычного и безнаказанного самообольщения, от фальши, от того, чтобы не отворачивать от правды глаза. Тогда как нелегко принять критичность, осуждение недостатков почти всегда связанные с напряжением и трудностями. А мы так долго освобождали себя от самоиспытаний.

Если я буду что-то писать сейчас (а я уже начал новый роман), то это будет связано с этим моим предощущением. С ценой испытания...

— Среди многих других запретных для обсуждения зон и сфер еще недавно были вопросы межнациональных отношений народов нашей страны. Мы боялись сказать вслух о чем-то, как кому-то казалось, нехорошем. Но вот на проходившем не так давно пленуме СП СССР национальному вопросу посвятили свои откровенные выступления многие ораторы. С тревогой говорили, например, о том, что в республиках уменьшается количество школ и учебных заведений, в которых преподавание ведется на родных языках. Говорили и о так называемом провинциальном национализме. Что вы думаете обо всем этом, Чингиз Торекулович?

— Да, вопрос этот для нас, для многонациональной страны, архиважный, не терпящий неопределенностей и отлагательств. Начну с того, что мы как-то в последнее время реже стали писать и говорить о подлинных, а не мнимых достоинствах социализма, о преимуществах социалистического устройства. И я с этим не согласен. Достоинства социализма продемонстрированы всему миру. С этим нельзя не согласиться. К этим достоинствам я отношу прежде всего равные возможности наций в экономическом и культурном развитии.

При этом само понятие «человек» при социализме поднялось, выросло, достигло общепризнанного социального критерия. За годы Советской власти мы лишились, с одной стороны, господствующего сословия, с другой — холопского. Человек почувствовал свое право, свое значение на земле. И меня больше всего радует, я этим горжусь, и все мы должны этим гордиться, что на протяжении семидесяти лет у нас идет неустанная работа, чтобы в огромном многонациональном государстве все народы без исключения могли ощущать свою полноценность.

Когда я бываю за рубежом, я не могу при случае похвастаться, к сожалению, допустим, какими-то там техническими изобретениями, то есть продуктами материальными, но я всегда с гордостью говорю, что мы, советские люди, научились жить по-человечески.

Конечно, слово «интернационализм» мы нередко употребляем всуе. Мы должны беречь сокровенное и святое значение этого термина. Можно построить новые заводы, достичь новых успехов в производстве, можно многого добиться в материальной сфере, но однажды нарушенное внутреннее единство наших народов восстановить очень трудно. Вот почему каждый из народов и народностей, населяющих Советский Союз, должен заботиться о бережном отношении к понятию дружба народов, братство народов.

В последние годы появились некоторые шероховатости в национальном вопросе. Это связано, на мой взгляд, с тем, что современный интернациональный процесс в значительной степени протекает на фоне роста национального самосознания народов. Процесс как бы двуединный. Казалось бы, эти понятия должны как бы отвергать друг друга. Но в условиях социализма при росте национального самосознания закономерно укрепление интернациональной общности народов. И этот процесс мы должны сохранить.

Вообще, так называемые национальные проблемы во многом я считаю зеркальным отражением нашего обывательского мира. Вот мы с вами побывали в одной из фрунзенских спецшкол на встрече английских писателей со школьниками. Мы увидели ангельски чистые лица детей, жаждущих узнать нечто новое от новых людей, в частности об Англии, каким доверием и красотой светились их глаза, и я испугался, это произошло невольно, я испугался: а что если в души этих детей будет посеяны не те семена, не та, а искаженная истина, какая это будет трагедия. И мне подумалось: сколько же надо прилагать усилий для того, чтобы не сбить с толку подрастающее поколение этими самыми спорными национальными проблемами как в международном плане, так и внутри. Очень легко их ввести в заблуждение, легко разорвать тонкие нити общения людей разных национальностей.

Проблема интернационального воспитания — одна из сложнейших, поскольку она у нас заклиширована и превратилась в какие-то стереотипы на уровне заклиний и лозунгов. Маленьких детей, школьников, которые жаждут все узнать от взрослых,

мы загружаем фразеологическим балластом, не раскрывая суть и значение жизненной необходимости самого понятия «интернационализм» на конкретных примерах и ситуациях, касающихся и лично их семей, среды, города, региона, республики. То, что делают наши горе-воспитатели, не прочно и непонятно детям. Рапорты, салюты, лозунги, громкие фразы вместо живого яркого примера.

Теперь о литературе. Не существует литературы вне национальной. Любое слово исходит из какого-то национального источника. Да, один человек владеет несколькими языками, другой знает только свой родной язык, многие владеют двумя. В мире и до нас жили, соотносясь, народы, страны, регионы, влияя друг на друга, взаимно обогащая друг друга. Но наше время, наша страна в этом плане совершенно на особом положении. Мы стали как бы полигоном великого эксперимента, и в этом мы преуспели. Эксперимент этот я считаю одним из самых главных достижений нашего общества на фоне того, что происходит в мире. Куда ни посмотришь, везде нерешенные, загнанные в тупик взаимовраждебные проблемы: терроризм, убийства людей, захваты заложников, озлобленность, ненависть. На Ближнем Востоке, в Африке, в Европе. И причиной всему — языковые, расовые предубеждения.

Слава богу, чаша сия нас миновала. А ведь мы создали самую крупную на земле многонациональную структуру. Спросят: а Китай, Индия? Да, но там проживают близкие по культурно-этническому и экономическому уровням народы. У нас же произошло объединение самых различных лингвакультур, народов, находившихся на самых различных общественных стадиях развития, и всем этим живым стихиям необходимо было найти общеприемлемый знаменатель. Сейчас у нас происходит «выравнивание» потенциальных возможностей разных народов и наций. Однако думать, что вопрос этот навсегда уже решен, как нам предлагалось в прежние десятилетия, что не осталось никаких проблем, было бы наивно. Более того, вредно. Каждый народ эволюционирует, развивается, все больше повышается его национальное самосознание. Скажу так: не надо бояться этого. Надо бояться ненужных и вредных истолкований этого роста, надуманных подозрений и небескорыстных попыток некоторых лиц усугубить положение вещей в стремлении выслужиться.

Естественно, что один из главных аспектов интернационализма — языковая политика. Если прежде мы говорили об этом недомолвками, то сейчас следует прямо заявить, что для целого ряда регионов, в том числе и прежде всего туркестанского, в перспективе надо иметь двуязычие, билингвизм, как наиболее плодотворный путь развития. Все нации, населяющие туркестанский регион, тесно связаны между собой, и в этом сказалась роль русского языка и культуры. Наша жизнь экономически и духовно настолько переплетена, что мы не можем ограничиться бытованием только одного национального языка как в пределах региона, так и в пределах нацреспублик. Это нецелесообразно и недействительно. С другой стороны, если предположить, что мы отринем в сторону национальные языки и возьмем на вооружение только один, в данном случае русский, язык, это тоже будет неполноценное и одностороннее решение вопроса.

В этом смысле сама история под- сказывает прекрасный ход, в какой-то степени уже апробированный, — двуязычие. На мой взгляд, во всех регионах должно быть конституционно обеспечено полноценное сосуществование языка коренной нации па-

раллельно с русским языком. Что значит полноценное? Это значит, что местный язык, действующий наряду с русским, должен иметь все необходимые условия для своей практики и развития. Подразумевается не только инфраструктура в виде прессы, радио, телевидения, информации. Это само собой разумеется. Но гораздо важнее смотреть в корень: где формируется язык, в каком возрасте? Должны быть организованы детские сады, школы, где национальные языки изучались бы как основные и вместе с этим изучался бы с детских лет и русский язык. Двужычие, с одной стороны, обеспечит сохранение и развитие национального языка, с другой стороны, обеспечит знание русского. Такой процесс вполне осуществим, вполне по плечу как детям, так и воспитателям. Двужычие надо рассматривать как новый исторический феномен, как культурное достижение конца XX века. Культура билингвизма даст новые потенциальные возможности в духовном развитии наших народов. Это будет как два крыла у птицы... Подобно тому, как у птицы два крыла, каждый человек в национальных республиках будет носителем двух языков — своего, материнского, и общего для страны — русского.

Но, повторяю, вопрос этот сложный. Многие догматически мыслящие люди не хотят этого принимать и понимать. Ни на местах, ни в Москве. К сожалению, есть силы, которые в самом народе, и это часто бывает, отрицают сами себя. Они заняты самооговором. Я называю это национальным нигилизмом. Явление это такое же реакционное, как и сам национализм. А поскольку национальный нигилизм в прессе не упоминается, не осуждается и никаких нареканий на этот счет никто не слышит, то некоторые думают, что они играют в безнаказанную беспроигрышную игру. Иные из таких «игроков» в корыстных целях создают себе ореол «сверхинтернационалиста».

Нормальное, разумное решение вопроса — в сочетании языков и в установлении, я бы сказал, протокола интернационализма. Как существует протокол в дипломатических отношениях, где все наперед сказано, как и что должно быть. Вот в протоколе интернационализма должно быть предусмотрено в законодательной форме — в официальных циркулярах, в методологии обучения и воспитания, в практике общественной жизни равноправие, равноценность, равнозначность действующих языков. Протокол этот должен будет соблюдать равноправие во всем — и в великом, и в малом. В надписях, в лозунгах, в объявлениях, в публичных высказываниях. А ведь сегодня мы нигде этого не наблюдаем. В одних республиках не найдешь русских надписей, в других приедешь — днем с огнем не сыщешь национальных обозначений, символов. Вроде бы мелочи, но из них складывается уродливая мозаика.

Считаю, что ко всем проблемам и сложностям национальных отношений надо относиться совершенно нормально, терпимо и не обязательно видеть в этом ни больше, ни меньше, а сразу же проявление национализма. А ведь многих пугают именно этим жупелом: людей страшат, обвиняют, преследуют. Многие руководящие работники на местах боятся выступать на родном языке — поскольку боятся взаимного обвинения в национализме. А ведь суть не в том, на каком языке ты говоришь, а в том, о чем говоришь, в чем твоя мысль и идея...

Все понимают, что это именно так. Но тридцатые, сталинские годы по сей день сидят в печенке, и потому каждый старается прежде всего обезопасить себя...

— Я слышал такое выражение — «национальная планка». Дескать, в каждой республике есть писатели, которые не могут преодолеть высоту национальной планки. И читатели принимают этого писателя как пророка в своем отечестве. Ни этот писатель, ни читатели такого рода пошире посмотрите не хотят. Для них важнее свое, кровное. Пусть не великое, но свое...

— Это искусственное установление критериев. Если таковые и есть, я уверен, всегда появятся молодые силы, которые переступают любые искусственные пороги.

— Чингиз Торекулович, а почему вы стали писать на двух языках?

— Что меня толкнуло? Несколько причин. Поначалу писать на русском было просто неосознанным инстинктом самосохранения. Поскольку уровень критики, ее критериев на местах страдает узостью, агрессивностью, то автору в этой среде приходится подчас нелегко. Навешиваются сразу ярлыки, появляется несправедливая критика, начинаются проработки. В московской литературной среде подход шире, взгляды более просвещенные. Ну, если один из больших руководителей республики всерьез толковал на собрании рассказ молодого автора о несчастной судьбе деревенской собаки как повесть о судьбе советского человека и требовал наказания, то что дальше говорить... И я начинал с московских редакций. Утвердить себя в центре — было первоначальным импульсом.

— А мне кажется, что киргизский читатель должен понимать ваши произведения глубже, тоньше, ведь все, о чем в них говорится, ему близко, знакомо.

— Если взять читателя обычного, порядочного, добродетельного, то он точно такой же, как и русский читатель. Он тоже любит читать вещи, написанные проникновенно, художественно. Я это ощущаю. И доверяю читателю и киргизскому и русскому. Но есть ведь еще околотитулярная среда, та, что пытается сразу же дать негативную оценку, причем нередко с политическим клеймом. Публикую свои вещи в Москве, я избегал таких оценок.

— Чингиз Торекулович, вам не кажется, что некоторые ваши произведения в свое время были написаны на потребу дня и не выдержали испытание временем?

— Я могу признать, пожалуй, что на потребу дня создавалась моя публицистика, выступления, интервью. Что, как говорится, есть, то есть. Но в меру своих возможностей я понимал, что надо рассчитывать даже в публицистике на долговременное хранение тепла. Я пытался все-таки рассчитывать на «дольшее»...

— А как долго может жить художественное произведение?

— Ну, это вопрос очень сложный. И я думаю, что вряд ли кто сможет дать точный ответ и предсказать, какое произведение будет долго жить, а какое быстро умрет. У каждого конкретного произведения своя судьба, так же как и судьба писателя. В то же время существуют общие законы искусства, литературы, культуры. Существуют законы той или иной исторической формации. Принципиально новая попытка оценки литературы была предпринята уже в нашу, советскую эпоху. Все, что создавалось, поверялось методом того, что мы назвали социалистическим реализмом. Я не против этого термина, дело не в термине, дело в сути. Можно говорить о социалистическом реализме, критическом реализме, магическом реализме, каком угодно.

Важно, чтобы художественное произведение было полноценным. Но как возникает тот или иной роман, поэма, драма и как сложится его судьба в будущем, это не подвластно ничьему предвидению.

Я не разделяю парадных заявлений, победных ликований, что методом соцреализма мы открыли новую эпоху, новую эру в искусстве, что вся наша литература и культура будто бы совершенно уникальна, необыкновенна. Это не так. Да, мы предприняли очень глубокую, сильную попытку изменить суть, назначение искусства. Я думаю, что есть определенные этапы, когда искусство может быть и предназначено определенным слоям, определенным классам, определенному культурному слою. Это роман бытописующий, роман, описывающий события, известные людям, и читатели являются как бы свидетелями и участниками того или иного исторического факта, эпизода. Но ведь искусство может подниматься на другой, как мне кажется, более высокий уровень, когда оно приобретает универсальное значение. Это уже новый горизонт. И тогда оно обращается не только к бытовым деталям, не только к тому, что происходит в действительности, но обращается к мифу, легенде, к каким-то крупным философским обобщениям, крупным историческим изображениям, соотнося изображаемое не только с реальными в каком-то небольшом регионе и определенной среде, но пытаясь распространить это на всю человеческую сущность. Быть может, наша литература только сейчас делает попытку ступить на эту ступень. Этим я не перечеркиваю прошлое нашего искусства. У нас были интересные, большие достижения. Но в то же время надо честно и открыто сказать, очень много усилий мы потратили, быть может, впустую. Хотя и это не совсем верно. То, что произошло в нашем искусстве, было одним из великих экспериментов. И не всякий эксперимент может увенчаться абсолютной победой. Были здесь свои успехи, были просчеты. И эти просчеты входят сейчас в наш опыт.

Трудно отмерить то, что измеряется не только линейно. Хотя как сказать, и в литературе существует пора умираний... Ну, посмотрите сами, все устареваает. Многие из того, что мы в пятидесятых—шестидесятых годах читали, чем восторгались, уже сегодня постепенно уходит в небытие. Пришли другие читатели, с другой психологией, с другим жизненным опытом. Я предвижу, что этим утверждением навлеку на себя целый ряд упреков со стороны ученых, литературоведов, которые все эти понятия по-своему выстрадали, анимировали, но меня их учения не всегда убеждают. И пусть они на меня за это не обижаются. Безусловно, необходимы научные теории, чтобы как-то попытаться объяснить происходящие процессы. И сегодня в связи с тем, что мы переживаем глубокий процесс внутреннего пересмотра, обновления, мне кажется, литературоведческая наука должна обновиться, измениться, перестроиться. Уж кто консерваторы в литературе, так это прежде всего наши литературоведы.

— Можете ли вы назвать произведения сороковых — пятидесятых годов, которые не выдержали испытание временем?

— Я думаю, каждый из нас для себя делает в этом смысле определенные выводы.

— Тогда что не устарело?

— Очень мало. Многие ушло в небытие через сито времени. Что осталось? Конечно, «Тихий Дон» — могучий этап в развитии нашей литературы, художественной мысли. Это полюс народной эпической литературы,

идушей от корневой жизни. На другом полюсе, я бы сказал, рафинированная, но, может быть, в том и ее достоинство, насыщенная интеллектуальным уровнем проза: Булгаков. Между этими полюсами можно расположить нечто из того, что еще продолжает волновать читателя.

— А Твардовский?

— Ну, о поэзии мне труднее судить. Конечно, Твардовский велик и как мастер и как выразитель больших социальных переживаний.

— В литературный обиход, в арсенал читательского восприятия пришел Набоков. Как вы оцениваете это?

— Я считаю так. Набоков и другие имена, возвращенные читателю, — все это колосья одного снопа. Снопа русской литературы. Даже то, что Набоков написал на английском языке, все равно это русская литература. Другое дело, кому-то он может нравиться, кому-то нет. Ведь мы не привыкли читать такого рода русскую литературу. Кстати, мне кажется, что мы изобрели свои критерии оценок и пользуемся ими, невзирая на то, что эти критерии и не совпадают с общим пониманием. Исходя из этого, претензий к Набокову много, тем не менее, мне кажется, что это большой художник слова, интереснейший стилист.

Но Бунин мне нравится больше, он ближе мне, понятнее. В нем больше певучести, теплоту его слова я ощущаю почти физически. В Набокове — изысканность. Но одно здесь не отменяет другого, не уменьшает значение другого. Чем разнообразнее палитра, тем богаче литература. Поэтому я считаю, что Набокова справедливо вернули в лоно нашей литературы.

— Мой любимый вопрос: Гоген сказал: «В искусстве я прав». Вы можете сказать такое о себе?

— Да, могу так сказать. То есть я не хочу сказать, что достиг неких вершин искусства и все, что сделал, — абсолютные шедевры, но я прав в том, что считаю справедливой красоту и зло безобразным.

— Есть ли у вас собственные законы искусства?

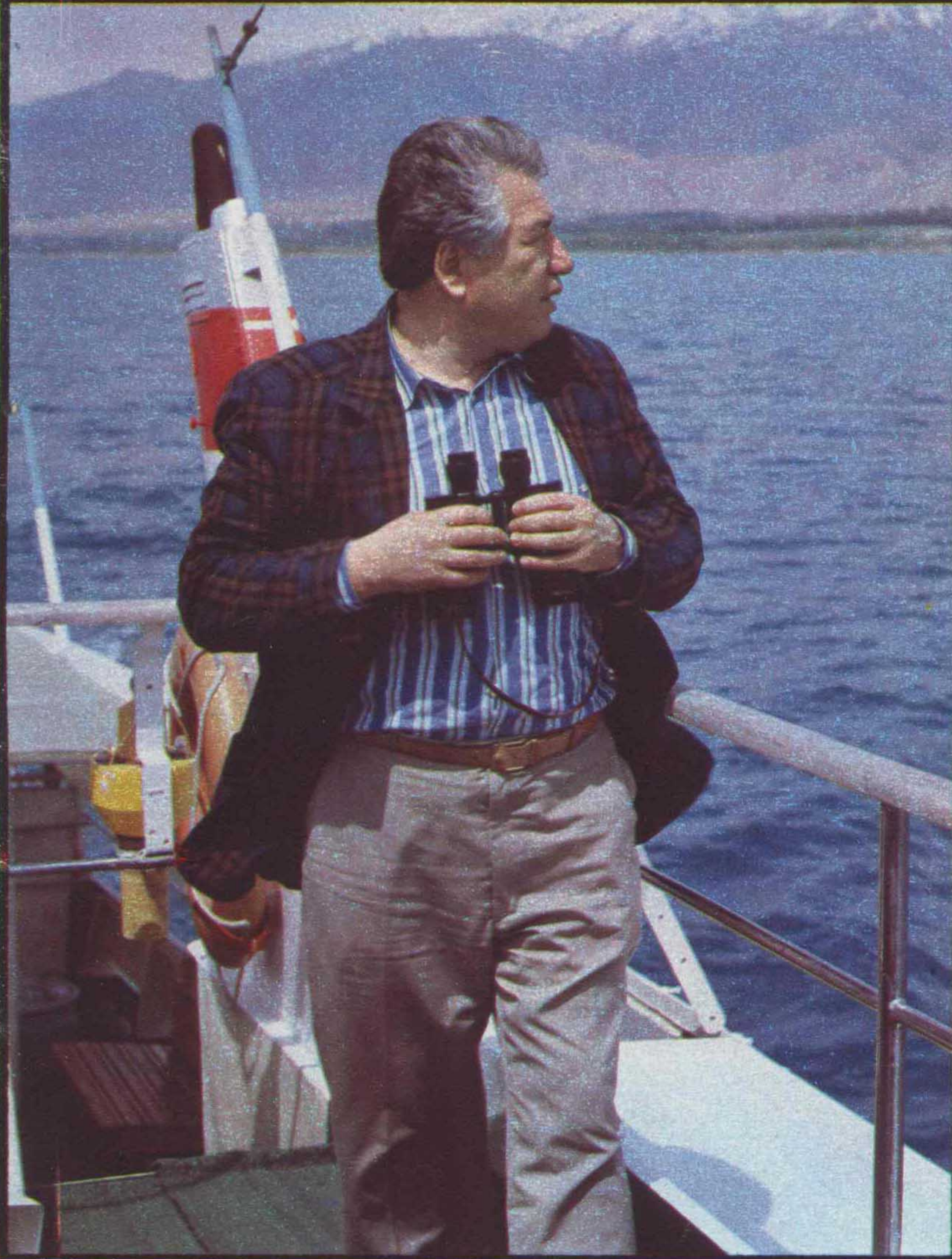
— Я не думал об этом, в чем они, мои законы, и как я их устанавливаю для себя. Но существует изначально, какое-то общечеловеческое понимание того, что есть хорошо и что плохо.

— Для вас существуют муки творчества или нет?

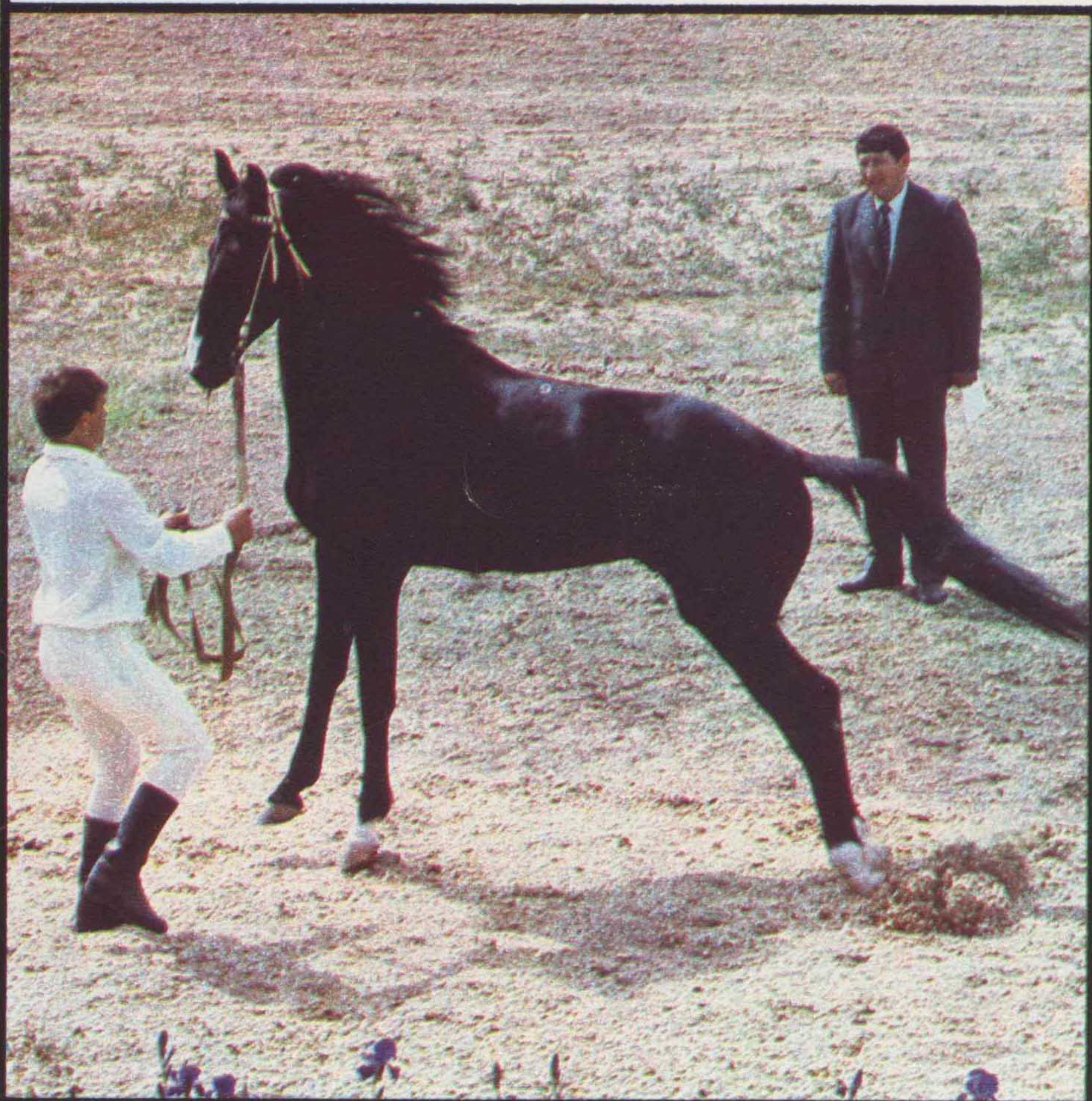
— Для меня это чисто субъективные вещи, давайте поговорим о другом.

— О чем?

— Я очень завидую Распутину. Он защищает Байкал, и это достойно того, чтобы потомки навсегда остались ему благодарны. Только за это, не говоря о том, что он талантливый писатель. У меня, к сожалению, две заботы в таком плане. Наш Иссык-Куль тоже требует ускоренных решений, кардинальных усилий, потому что хозяйственные нужды забирают всю до капли воду, которая должна впадать и пополнять озеро Иссык-Куль. Свыше шестидесяти рек и речек, прежде впадавших в озеро, теперь не доходят до края берега. И озеро неотвратимо мелеет. Все мы это осознаем, говорим, пишем, я, в частности, но не можем преодолеть собственных хозяйственных нужд. Никто за озеро не несет, так сказать, персональной ответственности. Тогда как за невыполнение плана люди несут персональную ответственность. В этом противоречие бытовых нужд и веч-

- Встреча Ч. Айтматова и его зарубежных гостей со школьниками г. Фрунзе.
- «Белый пароход» плывет по Иссык-Кулю.
- Таким был Гульсары.

«ВОЛЧИЦА АКБАРА ОТПРЯНУЛА ОТ СКАТИВШИХСЯ С ВЕРХУ КАМНЕЙ И ПОСЫПАВШЕГОСЯ СНЕГА И, ПЯТЯСЬ В ТЕМНЬ РАСЩЕЛИНЫ, СКАЛАСЬ, КАК ПРУЖИНА, ВЗДЫБИВ ЗАГРИВОК И ГЛЯДЯ ПЕРЕД СОБОЙ ДИКО ГОРЯЩИМИ В ПОЛУТЬМЕ, ФОСФОРЕСЦИРУЮЩИМИ ГЛАЗАМИ, ГОТОВАЯ В ЛЮБОЙ МОМЕНТ К СХВАТКЕ. НО ОПАСЕНИЯ ЕЕ БЫЛИ НАПРАСНЫ. ЭТО В ОТКРЫТОЙ СТЕПИ СТРАШНО, КОГДА ОТ ПРЕСЛЕДУЮЩЕГО ВЕРТОЛЕТА НЕКУДА ДЕТЬСЯ, КОГДА ОН, НАСТИГАЯ, НЕОТСТУПНО ГОНИТСЯ ПО ПЯТАМ, ОГЛУШАЯ СВИСТОМ ВИНТОВ И ПОРАЖАЯ АВТОМАТНЫМИ ОЧЕРЕДЯМИ, КОГДА В ЦЕЛОМ СВЕТЕ НЕТ ОТ ВЕРТОЛЕТА СПАСЕНИЯ, КОГДА НЕТ ТАКОЙ ЩЕЛИ, ГДЕ МОЖНО БЫЛО БЫ СХОРОНИТЬ БЕДОВУЮ ВОЛЧЬЮ ГОЛОВУ. — ВЕДЬ НЕ РАССТУПИТСЯ ЖЕ ЗЕМЛЯ, ЧТОБЫ ДАТЬ УКРЫТИЕ ГОНИМЫМ. В ГОРАХ ИНОЕ ДЕЛО — ЗДЕСЬ ВСЕГДА МОЖНО УСКАКАТЬ, ВСЕГДА НАЙДЕТСЯ ГДЕ ЗАТАИТЬСЯ, ГДЕ ПЕРЕЖДАТЬ УГРОЗУ. ВЕРТОЛЕТ ЗДЕСЬ НЕ СТРАШЕН. В ГОРАХ ВЕРТОЛЕТУ САМОМУ СТРАШНО...»

ЭТИ И МНОГИЕ ДРУГИЕ СТРОКИ РОМАНА АЙТМАТОВА «ПЛАХА» НАПИСАНЫ ЗДЕСЬ, ЗА ЭТОЙ ДВЕРЬЮ, В ЭТОМ МАЛЕНЬКОМ ДОМЕ НА БЕРЕГУ ИССЫК-КУЛЯ. МЕСТЕЧКО ЧОЛПОН-АТА. ЭТА ЖЕМЧУЖИНА ПРИРОДЫ, КРОХОТНЫЙ УГОЛОК МЕЖДУ ОЗЕРОМ И ГОРАМИ, НАВЕРНОЕ, ВОЙДЕТ В ИСТОРИЮ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЦА РОМАНА «И ДОЛЬШЕ ВЕКА ДЛИТСЯ ДЕНЬ» ЗАКЛЮЧАЕТ СЛОВА: «ЧОЛПОН-АТА, ДЕКАБРЬ 1979 — МАРТ 1980 г.».

— ЗДЕСЬ, ВДАЛИ ОТ БОЛЬШИХ ГОРОДОВ, ОТ СУЕТЫ, ОТ ТЕЛЕФОННЫХ ЗВОНКОВ, ОТ НУЖНЫХ И НЕНУЖНЫХ ВСТРЕЧ, ВИЗИТОВ, МНЕ ХОРОШО РАБОТАЕТСЯ. ЗДЕСЬ ТАК ТИХО И СПОКОЙНО, ЧТО Я ДАЖЕ МАШИНОК БОЮСЬ СПУГНУТЬ ТИШИНУ... ПИШУ Я ОТ РУКИ. ДВЕ-ТРИ СТРАНИЦЫ В СУТКИ... ИНОГДА ЗАРАБОТАЮСЬ И НЕ СРАЗУ ДОГАДЫВАЮСЬ, ЧТО БУМАГА ПЕРЕСТАЛА МЕНЯ ПОНИМАТЬ. МЫ ВРОДЕ БЫ ПОШЛИ ВРОЗЬ, ХОЧЕТСЯ ОДНОГО, А НА БЕЛОМ ЛИСТЕ БУМАГИ ДРУГОЕ. ВСЕ БРОСАЮ, ВЫХОЖУ НА ВОЗДУХ... ФАЗАНЫ, РАЗГЛУЛИВАЮЩИЕ В КУСТАРНИКЕ, МЕНЯ УЖЕ НЕ БОЯТСЯ... ДОЙДУ ДО ОЗЕРА, ПОСМОТРЮ НА ВЕРШИНЫ ГОР, ЗАДУМАЮСЬ — И ВДРУГ ЧТО-ТО ПРИХОДИТ. СПЕШУ ОБРАТНО И ВНОВЬ УВЕРЕННО ОТКРЫВАЮ ЭТУ ДВЕРЬ.

ных экологических проблем. Они у нас в тупике. Глядя на озеро, как оно мелеет, уменьшается, я вспоминаю еще об одном озере — это тоже святыня народная — языке. Если не выпадают в язык новые мощные реки в виде новых поколений, если они не успевают осваивать родной язык, если для этого нет у них условий, нет необходимых детских учреждений, школ, то это тоже обмеление языка, это тоже если не экологическое, то, значит, национальное бедствие. Вот об этих вещах до сих пор не принято было говорить, не могли мы говорить. А когда мы начали вслух об этом рассуждать, то почувствовали, как велика инерция прошлого. И еще одна — это уже катастрофическая проблема, проблема Арала, Аральского моря. Я не отделяю Арал от Иссык-Куля, так же как и не отделяю Байкал от этих крупнейших водоемов страны, но я рад, что у Байкала есть свои заступники, защитники. В катастрофе Аральского моря повинен в основном человек. Наши хозяйственные дела, хлопковая монокультура, которая буквально произвела экологическое опустошение, поскольку уже давно погоня за урожаем, за валом убивает Арал. Да, говорят, что много хлопка шло и идет на экспорт. Понимаю необходимость валюты для государства. Но так или иначе произошла крупнейшая экологическая катастрофа: море исчезает, море ушло от своих берегов на сорок с лишним километров. Все это стало опустошенной зоной, пустыней. Что вызвало климатические изменения, социальные бедствия, болезни, отравленный воздух. О многом мы пытались предупредить ответственные органы. Но безуспешно. Казахский писатель Нурпеисов, крупнейший прозаик, знаток Аральского моря, написал большой очерк. Три года этот материал не печатали и не печатают. А тем временем многое упущено безвозвратно.

И еще я хочу сказать об отзывах на «Плаху». Дело в том, что до недавних пор восприятие творчества того или иного писателя нередко с лестной подачи какого-то критика начинается восприниматься как бы на одной волне. Кто-то протрубил, и все органы печати высказывают свои мнения по ранжиру.

Полифония самых разных голосов и разногласия оповещают нас о том, что наступила пора широкого демократического обсуждения любого произведения. И вот я думаю, что первым пробным шаром оказалась «Плаха». На нее обрушилась буквально лавина самых разных, иногда диаметрально противоположных читательских мнений. Но я-то вижу, что идет от глубокого понимания, от искреннего, а что от поверхностного, от тенденциозного. То есть я за всем этим вижу самые разнообразные побуждения, в том числе и злонамеренные, но вместе с тем я вижу высокий взлет критической мысли, и в профессиональном смысле меня это устраивает, я не боюсь широкого обсуждения и бурного кипения страстей.

Приходят и такие читательские письма, которые не прочтешь за один присест. В них — наша боль, тревоги, предложения. Они говорят о том, о чем у нас не принято было говорить многие годы.

— Чингиз Торекулович, в эти дни продолжает работать «Иссык-Кульский форум». Сегодня его рабочими участниками является вы. Дэвид Робертс и Джон Ле Карре. Не все наши читатели знают о форуме, о новой инициативе в борьбе за будущее человечества. Расскажите об этом.

— Я считаю, что эта наша поездка — это ростки, побеги «Иссык-Кульского форума». Раньше редко так случалось, чтобы официальные контакты превращались в личные

добрые отношения. И это уже не просто знакомство, идет процесс взаимного обогащения, посвящения в заботы и тревоги друг друга. Я очень доволен, что Джон Ле Карре, который для меня был малоизвестен как личность, высказал интересные наблюдения, взгляды, которые во многих случаях совпадали с моими. Да, мы не философы, не ученые, но мы считаем, что государство сейчас настолько всемогуще, что человек полностью находится под его диктатом. Конечно, коллектив и личность — это вечное, поскольку человек не может жить сам по себе. И в разных социально-экономических структурах по-разному складываются эти отношения. Тем не менее нигде еще не существует идеально найденной основы, суть которой звучит так: счастье каждого отдельного индивидуума. В этом заветная цель, смысл человеческого существования, достоинство человеческой жизни. Как этого достичь? Художник обязан думать об этом, предлагать пути к достижению этой цели. Такова тема одной беседы с Ле Карре. Вторая беседа сложилась как размышления о феномене секретности в современном мире. На эту тему писателем написан роман. Что такое секретность? Кому она нужна? В каких размерах? Мы понимаем, поскольку существуют разные политические системы, государственная секретность — неизбежная вещь. Но плохо, когда она превращается в некий самодовлеющий феномен. Мне кажется, что мы иногда любим излишне засекречивать. Есть люди, которые из этого делают какую-то себе привилегию и ставят себя в особое положение. И потом вокруг секретности должен быть особый аппарат, а вокруг аппарата еще один аппарат, и так бесконечно. В любом обществе на этой почве создается определенная прослойка, преследующая какие-то корыстные выгоды и цели... Я говорю об этом честно, и, возможно, найдутся люди, стоящие на страже секретности, которые возненавидят меня за эту откровенность. Но очень уж жаль той энергии и тех средств, которые мы затрачиваем на обеспечение секретности. Помню, до недавних пор мы засекречивали все очередные вылеты в космос. Людей показывали со спины, космонавт рапортовал человеку или прощался с человеком, у которого мы видели только край спины. Но я думаю, что это только для нас было секретом, а те, кому это нужно, они, наверное, все знали.

— Когда и где будет очередная встреча «Иссык-Кульского форума»?

— По предложению Питера Устинова в Женеве этой осенью. Ведь основатели «Иссык-Кульского форума» условились о встречах не реже одного раза в году. Повестка дня у нас открытая, заранее мы ее не определяем, не пытаемся предвосхитить наш разговор. Каждый вынашивает свое отношение к современным болевым проблемам. А в дискуссиях выражаем прежде всего самих себя.

Я думаю, что «Иссык-Кульский форум» — это один из признаков гласности. Нам никто не мешает, никто нас не контролирует, что нам говорить, о чем нам говорить. И о чем не надо. Это большое достижение, я бы сказал, одно из новых определений свободы в наши дни. Есть люди, которые много говорят о свободе, но ничего не делают. А мне кажется, что многие даже не представляют, что такое свобода. Иные думают, что свобода — это когда все позволительно, что в голову взбредет, то и делает, то и говорит. На самом деле это не так. Свобода — это обретение все новых духовных пространств, новая ступень в нравственном, социальном совершенствовании человека.

Много впечатлений осталось от поездки в Киргизию. За пределами этого интервью интересные размышления Чингиза Айтматова и о других, не менее важных проблемах нашей сегодняшней жизни, нашего недавнего прошлого. Для меня это были беседы с человеком, по-своему анализирующим жизнь, глубоко думающим о ее процессах, предлагающим пути ее позитивной перестройки.

Я видел Айтматова в окружении людей, доверяющих и верящих ему как писателю и человеку. Ибо в нем, в его биографии, в его творчестве, в его общественном подвижничестве отразились разломы нашего времени, его трагическая сущность.

Высокое, мощное течение современного бытия должно коснуться каждого из нас, думалось мне в эти дни. Как касается оно судьбы Айтматова всем-всем: от философских бесед с известнейшим английским писателем и отцовских воркований с дочерью Ширин, которая сопровождала отца в поездке, до восхищения горными красотами Заилийского Алатау и всплеск тягостных воспоминаний о судьбах предков на кладбищах, которые мы посещали. Как касается оно самого главного в его жизни — его книг, того, что зарождается в душе писателя, творца новых произведений.

Уже возвращаясь в Москву, устав от интересной и нелегкой поездки, переговорив, кажется, обо всем на свете, я решил «опустить» своего героя на землю и спросил его о самом памятном впечатлении детства, о том времени, когда еще ничего или почти ничего не было и вся судьба его только начиналась, заваривалась, замешивалась.

— Был такой эпизод в моей жизни, — начал Чингиз Торекулович, — и я об этом уже как-то вспоминал, но вспомню еще раз, ибо в литературной биографии к таким вещам возвращаться надо. Это очень важно, что впервые в жизни запомнил человек, когда и как это было.

Так вот, мне было пять лет, когда я впервые оказался в роли переводчика, а кусок вареного мяса — моим первым «гонораром». Это случилось на летовке в горах, где я, как обычно, был с бабушкой. Колхозы в те годы только поднимались, только начинали устраиваться. В то лето на нашем джайлоо случилась беда. Племенной жеребец, купленный колхозом незадолго до этого, внезапно околел. Среди бела дня упал со вздутым животом и испустил дух. Табунщики переполошились, жеребец был ценный, донской породы, привезенный из далекой России. Послали гонца в колхоз, оттуда гонца в район. И через день к нам в горы приехал русский человек. Высокий, рыжебородый, с голубыми глазами, в черной кожаной куртке, с полевой сумкой на боку. Я его очень хорошо запомнил. Он не знал ни слова по-киргизски, а наши — по-русски. Надо было провести осмотр, выяснить обстоятельства гибели животного, составить документ. Табунщики, недолго думая, решили, что переводчиком буду я. А я в это время стоял в толпе ребятишек, мы глазели на приезжего.

— Пошли, — сказал мне один из табунщиков и взял за руку. — Этот человек не знает языка, ты переведи, что он говорит, а то, что мы скажем, скажешь ему.

Я застеснялся, испугался, вырвался и убежал к бабушке в юрту. За мной вся гурьба друзей, снедаемая любопытством. Через некоторое время снова приходит тот человек, жалуется на меня. Бабушка всегда была ласкова, а в этот раз строго нахмурилась.

— Почему ты не хочешь разговаривать с приезжим, тебя ведь просят

большие люди, разве ты не знаешь русского языка?

Я молчал. За юртой притаились ребята: что будет?

— Ты что, стыдишься говорить по-русски или ты стыдишься своего языка? Все языки богом даны, нечего тебе, пошли.

Она взяла меня за руку и повела. Ребята снова за нами.

В юрте, где в честь гостя уже варилась свежая баранина, было полно народу. Пили кумыс. Приезжий ветеринар сидел вместе с аксакалами. Он поманил меня, улыбаясь:

— Заходи, мальчик, иди сюда. Как тебя звать?

Я тихо пробормотал. Он погладил меня:

— Спроси у них, почему этот жеребец погиб, — и достал бумагу для записи.

Все стихли в ожидании, а я замкнулся и никак не могу выдать слова. Бабушка сидела сконфуженная. Тогда меня взял к себе на колени старик, наш родственник. Он прижал меня и сказал на ухо доверительно и очень серьезно:

— Этот человек знает твоего отца. Что же он скажет ему о нас, скажет — каким плохим растет у киргизов его сын! — И потом громко объявил: — Сейчас он будет говорить. Скажи нашему гостю, что это место называется Уу-Саз...

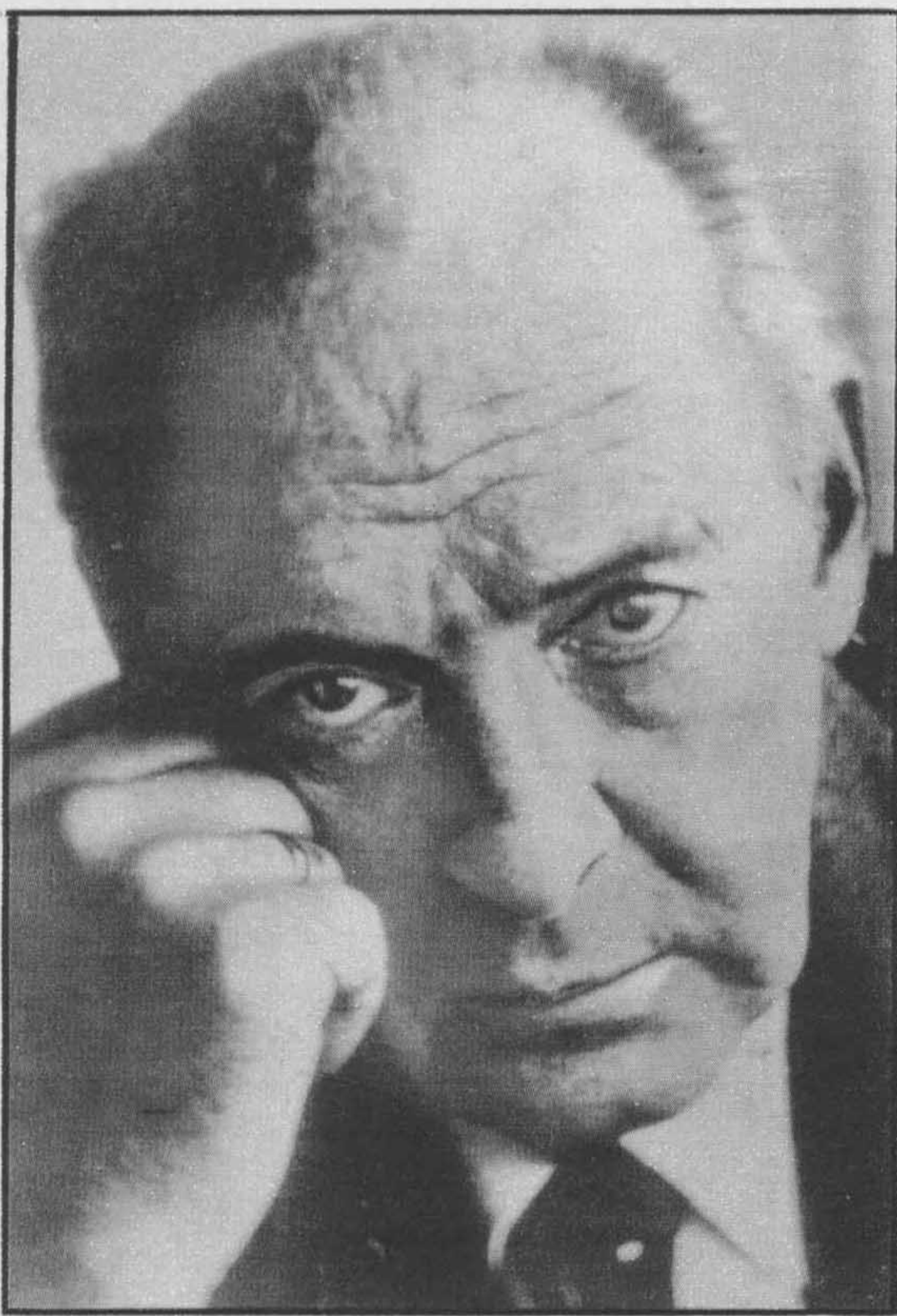
— Дядя, — робко начал я, — это место называется Уу-Саз, ядовитый луг, — и потом осмелел, видя, как радовались бабушка, и этот приезжий человек, и все, кто был в юрте. И на всю жизнь запомнил тот синхронный перевод разговора, слово в слово на обоих языках. Жеребец, оказывается, отравился ядовитой травой. На вопрос, почему не едят эту траву другие лошади, наши табунщики объяснили, что местные лошади не трогают эту траву, они знают, что она несъедобная. Так я все и перевел.

Приезжий похвалил меня, аксакалы дали целый кусок вареного мяса, горячего, душистого, я выскочил из юрты с торжествующим видом. Ребята вмиг окружили.

— Ух, как здорово! — восхищались они. — Ты по-русски шпаришь, как вода в реке, без остановки! — На самом деле я говорил запинаясь, но ребятам угодно было представить это так, как им хотелось.

Мы тут же съели мясо и побежали играть.

Фото Дм. БАЛТЕРМАНЦА.

узнал, что отец был выпутан «нашим барином» из мелкой, но прилипчивой, политической истории — угодил бы в глушь, кабы не его заступничество.

Таня говаривала, что у них есть родственники не только в животном царстве, но и в растительном, и в минеральном. И точно: в честь Годунова-Чердынцева названы были новые виды фазана, антилопы, рододендрона, и даже целый горный хребет (сам он описывал главным образом насекомых). Но эти открытия его, ученые заслуги и тысяча опасностей, пренебрежением к которым он был знаменит, не всех могли заставить относиться снисходительно к его родовитости и богатству. Не забудем, кроме того, чувств известной части нашей интеллигенции, презиравшей всякое неприкладное естествоиспытание и потому упрекавшей Годунова-Чердынцева в том, что он интересуется «Лоб-норскими козявками» больше, чем русским мужиком. В ранней юности Иннокентий охотно верил рассказам (идиотическим) о его дорожных наложницах, жестокостях в китайском вкусе и об исполнении им секретных правительственных поручений, в пику англичанам... Его реальный образ оставался смутным: рука без перчатки, броса-

сущств. Между тем рыба начинала клевать, — и, пренебрегая удочкой, попросту держа в пальцах лесу, натуженную, вздрагивающую, Василий чуть-чуть подергивал, испытывая прочность подводных судорог, и вдруг вытаскивал пескаря или плотву; небрежно, даже с каким-то залихватским хрустом, рвал крючок из маленького, круглого, беззубого рта рыбы, которую затем пускал (безумную, с розовой кровью на разорванной жабре) в стеклянную банку, где уже плавал, выпятив губу, бычок. Особенно же бывало хорошо в теплую пасмурную погоду, когда шел незримый в воздухе дождь, расходясь по воде взаимно пересекающимися кругами, среди которых там и сам появлялся другого происхождения круг, с внезапным центром, — прыгнула рыба или упал листок, — сразу, впрочем, поплывший по течению. А какое наслаждение было купаться под этим теплым ситником, на границе смешения двух однородных, но по-разному сложенных, стихий — толстой речной воды и тонкой воды небесной! Иннокентий купался с толком и долго потом растирался полотенцем. Крестьянские ребятишки, те барахтались до изнеможения, — наконец высказывали — и, дрожа, стуча зубами, с полоской мут-

КРУМ

Владимир НАБОКОВ

РАССКАЗ

Во-вторых, потому что в нем разыгралась бешеная тоска по России. В-третьих, наконец, потому что ему было жаль своей тогдашней молодости — и всего связанного с нею — злости, неуклюжести, жара, — и ослепительно-зеленых утр, когда в роще можно было оглохнуть от иволог. Сидя в кафе и все разбавляя бледнеющую сладость струей из сифона, он вспомнил прошлое со стеснением сердца, с грустью — с какой грустью? — да с грустью, еще недостаточно исследованной нами. Все это прошлое поднялось вместе с поднимающейся от вздоха грудью, — и медленно восстал, расправил плечи покойный его отец, Илья Ильич Бычков, *le maître d'école chez nous au village*¹, в пышном черном галстуке бантом, в чесучовом пиджаке, по-старинному высоко застегивающемся, зато и расходящемся высоко, — цепочка поперек жилета, лицо красноватое, голова лысая, однако подернутая чем-то вроде нежной шерсти, какая бывает на внешних рогах у оленя, — множество складочек на щеках, и мягкие усы, и мясистая бородавка у носа, словно лишний раз завернулась толстая ноздря. Гимназистом, студентом, Иннокентий приезжал к отцу в Лешино на каникулы, — а если еще углубиться, можно вспомнить, как снесли старую школу в конце села и построили новую. Закладка, молебн на ветру, К. Н. Годунов-Чердынцев, бросающий золотой, монета влипает ребром в глину... В этом новом, зернисто-каменном здании несколько лет подряд — и до сих пор, т. е. по зачислении в штат воспоминаний — светло пахло клеем; в классах лоснились различные пособия — например, портреты луговых и лесных вредителей... но особенно раздражали Иннокентия подаренные Годуновым-Чердынцевым чучела птиц. Извольте заигрывать с народом. Да, он чувствовал себя суровым плебеем, его душила ненависть (или казалось так), когда, бывало, смотрел через реку на заповедное, барское, кондовое, отражающееся черными громадами в воде (и вдруг — молочное облако черемухи среди хвой).

Новая школа строилась на самом пороге века: тогда Годунов-Чердынцев, возвратясь из пятого своего путешествия по Центральной Азии, провел лето с молодой женой — был ровно вдвое ее старше — в своем петербургском имении. До какой глубины спускаешься, боже мой! — в хрустально-расплывчатом тумане, точно все это происходило под водой, Иннокентий видел себя почти младенцем, входящим с отцом в усадьбу, плывущим по дивным комнатам, — отец движется на цыпочках, держа перед собой скрипучий пук мокрых ландышей, — и все как будто мокрое: светится, скрипит и трепещет — и ничего больше нельзя разобрать, — но это сделалось впоследствии воспоминанием стыдным — цветы, цыпочки и вспотевшие виски Ильи Ильича стали тайными символами подбострастия, особенно когда он

Школьный учитель у нас в деревне (фр.).

ющая золотой (а еще раньше — при посещении усадьбы — хозяин смешался с голубым калмыком, встреченным в зале). Засим Годунов-Чердынцев уехал в Самарканд или в Верный (откуда привык начинать свои прогулки); долго не возвращался, семья же его, по-видимому, предпочитала крымское имение петербургскому, а по зимам жила в столице. Там, на набережной, стоял их двухэтажный, выкрашенный в оливковый цвет особняк. Иннокентию случалось проходить мимо: помнится, в цельном окне, сквозь газовый узор занавески, женственно белелась какая-то статуя, — сахарно-белая ягодица с ямкой. Балкон поддерживали оливковые круторебрые атланты: напряженность их каменных мышц и страдальческий оскал казались пылкому восьмикласснику аллегорией пораженного пролетариата. И раза два, там же на набережной, ветреной невской весной, он встречал маленькую Годунову-Чердынцеву, с фокстерьером, с гувернанткой, — они проходили как вихрь, — но так отчетливо, — Тане было тогда, скажем, лет двенадцать, — она быстро шагала, в высоких зашнурованных сапожках, в коротком синем пальто с морскими золотыми пуговицами, хлеща себя — чем? — кажется, кожаным поводком по синей в складку юбке, — и ледоходный ветер трепал ленты матросской шапочки, и рядом стремилась гувернантка, слегка поотстав, изогнув каракулевый стан, держа на отлете руку, плотно вделанную в курчавую муфту.

Он жил у тетки (портнихи) на Охте, был угрюм, несходчив, учился тяжело, с надсадом, с предельной мечтой о тройке, — но неожиданно для всех с блеском окончил гимназию, после чего поступил на медицинский факультет; при этом благоговение его отца перед Годуновым-Чердынцевым таинственно возросло. Одно лето он провел на кондиции под Тверью; когда же, в июне следующего года, приехал в Лешино, узнал не без огорчения, что усадьба за рекой ожила.

Еще об этой реке, о высоком берегу, о старой купальне: к ней, ступеньками, с жабой на каждой ступеньке, спускалась глинистая тропинка, начало которой не всякий отыскал бы среди ольшаника за церковью. Его постоянным товарищем по речной части был Василий, сын кузнеца, малый неопределимого возраста — сам в точности не знал, пятнадцать ли ему лет или все двадцать — коренастый, корявый, в залатанных брючках, с громадными босыми ступнями, окраской напоминающими грязную морковь, и такой же мрачный, каким был о ту пору сам Иннокентий. Гармониками отражались сваи в воде, свиваясь и развиваясь; под гнилыми мостками купальни журчало, чмокало; черви вяло шевелились в запачканной земле; жестянке из-под монпансье. Натянув сочную дольку червяка на крючок, так, чтобы нигде не торжало острие, и добров молодца сакраментальным плевком, Василий спускал через перила отягощенную свинцом лесу. Вечерело; через небо протягивалось что-то широкое, перистое, фиолетово-розовое, — воздушный кряж с отрогами, — и уже шныряли летучие мыши — с подчеркнутой беззвучностью и дурной быстротой перепончатых

ной сопле от ноздри ко рту, натягивали штаны на мокрые ляжки.

В то лето он был еще угрюмее обычного и с отцом едва говорил, — все больше отбуркиваясь и хмыкая. Со своей стороны, Илья Ильич испытывал в его присутствии странную неловкость, — особенно потому, что полагал, с ужасом и удивлением, что сын, как и он сам в юности, живет всей душой в чистом мире нелегального. Комната Ильи Ильича: пыльный луч солнца; на столике, — сам его смастерил, выжег узор, покрыл лаком, — в плюшевой рамке фотография покойной жены, — такая молодая, в платье с бертами, в кушаке-корсетике, с прелестным овальным лицом (овальность лица в те годы совпадала с понятием женской красоты); рядом — стеклянное пресс-папье с перламутровым видом внутри и матерчатый петушок для вытирания перьев; в простенке портрет Льва Толстого, всецело составленный из набранного микроскопическим шрифтом «Холстомера». Иннокентий спал в соседней комнатке, на кожаном диване. После долгого, вольного дня спалось превосходно; случалось, однако, что иная греза принимала особый оборот, — сила ощущения как бы выносила его из круга сна, — и некоторое время он оставался лежать, как проснулся, боясь из безразличности двинуться.

По утрам он шел в лес, зажав учебник под мышку, руки засунув за шнур, которым подпоясывал белую косоворотку. Из-под сдвинутой набок фуражки живописными, коричневыми прядями волосы налезали на бугристый лоб, хмурились сросшиеся брови, — был он недурен собой, хотя чересчур губаст. В лесу он усаживался на толстый ствол березы, недавно поваленной грозой (и до сих пор всеми своими листьями трепещущей от удара), курил, заграждал книгой путь торопившимся муравьям или предавался мрачному раздумью. Юноша одинокий, впечатлительный, обидчивый, он особенно остро чувствовал социальную сторону вещей. Так, ему казалось омерзительным все, что окружало летнюю жизнь Годуновых-Чердынцевых, — скажем, их челядь, — «челядь», повторял он, сжимая челюсти, со сладострастным отвращением. Тут имелся в виду и жирненький шофер, его веснушки, вельветовая ливрея, оранжевые краги, крахмальный воротничок, подпиравший рыжую складку затылка, который наливался кровью, когда у каретного сарая он заводил машину, тоже противную, обитую снутри глянцевинопунцовою кожей; и седой лакей с бакенбардами, откусывавший хвосты новорожденным фокстерьерам; и гувернер-англичанин, шагавший, бывало, через село без шапки, в макинтоше и белых штанах, что служило поводом для мальчишек острить насчет «крестного хода» или «подштанников»; и бабы-поденщицы, приходившие по утрам выпалывать аллеи под надзором глухого сутулого старичка в розовой рубашке, с особым форсом и древней ревностью подметавшего напоследок у самого крыльца... Иннокентий, все с той же книгой под мышкой, — что мешало сложить руки крестом, как хотелось бы, — стоял, прислонясь к де-

реву в парке, и сумрачно глядел на то, на се, на сверкающую крышу белого дома, который еще не проснулся...

В первый раз, кажется, он их увидел с холма: на дороге, холм огибающей, появилась кавалькада, — впереди Таня, по-мужски верхом на высокой, ярко-гнедой лошади, рядом с ней сам Годунов-Чердынцев, неприметный господин на низкорослом, мышастом иноходце; за ними — англичанин в галифе, еще кто-то; сзади — Танин брат, мальчик лет тринадцати, который вдруг прищипнул коня, перегнал всех и карьером пронесся в гору, работая локтями, как жокей.

После этого были еще другие случайные встречи, а потом... Ну-с, пожалуйста: жарким днем в середине июня...

Жарким днем в середине июня по сторонам дороги размашисто двигались косари, — то к правой, то к левой ключице прилипла рубашка, — «Бог помощь», — сказал Илья Ильич, проходя; он был в парадной панаме, нес букет ночных фиалок. Иннокентий молча шагнул рядом, вращая ртом (лушил семечки). Приближались к усадьбе. На площадке для игры в лоун-теннис тот же глухой розовый старичок в фартуке макал кисть в ведро и проводил, согнувшись до земли и пятясь, толстую сливочную черту. «Бог помощь», — сказал Илья Ильич, проходя.

Стол накрыт в аллее, русский пятнистый свет играл на скатерти. Экономка, в горжетке, со стальными, зачесанными назад волосами, уже разливала шоколад по темно-синим чашкам, которые разносили лакеи. Былолюдно и шумно в саду, множество гостей — родственники и соседи. Годунов-Чердынцев (весьма пожилой, с желтоватопепельной бородкой и морщинами у глаз), поставив ногу на скамью, играл с фокстерьером, заставляя его прыгать, — собака не только прыгала очень высоко, стараясь хапнуть мокрый мячик, но даже ухитрялась, висая в воздухе, еще подвигнуться, с добавочной судорогой всего тела. Елизавета Павловна шла через сад с другой дамой, всплескивая руками, что-то живо на ходу рассказывая, — высокая, румяная, в большой дрожащей шляпе. Илья Ильич с букетом стоял и кланялся... В пестром мареве (ибо Иннокентий, несмотря на небольшую репетицию гражданского презрения, проделанную накануне, находился в сильнейшем замешательстве) мелькали молодые люди, бегущие дети, чья-то шаль с яркими маками по черному, второй фокстерьер, — а главное, главное: скользящее сквозь тень и свет, еще неясное, но уже грозящее роковым обаянием, лицо Тани, которой исполнилось сегодня шестнадцать лет.

Уселись. Он оказался в самом тенистом конце стола, где сидевшие не столько говорили между собой, сколько смотрели, все одинаково повернув головы, туда, где был говор и смех, и великолепный, атласисто-розовый пирог, утыканный свечками, и восклицания детей, и лай обоих фокстерьеров, чуть не прыгнувших на стол... а здесь как бы соединялись кольцами липовой тени люди разбора последнего: улыбающийся как в забытьи Илья Ильич; некрасивая девица в воздушном платье, пахнувшая потом от волнения; старая французенка с недобрыми глазами, державшая под столом на коленях незримое крохотное существо, изредка звеневшее бубенчиком. Соседом Иннокентия оказался брат управляющего, человек тупой, скучный, притом заика; Иннокентий разговаривал с ним только потому, что смертельно боялся молчать, и хотя беседа была изнурительная, он с отчаяния за нее держался, — зато позже, когда уже зачастил сюда и случайно встречал беднягу, не говорил с ним никогда, избегая его, как некую западню или воспоминание позора.

Вращаясь, медленно падал на скатерть липовой летунок.

Там, где сидела знать, Годунов-Чердынцев громко говорил через стол со старухой в кружевах, говорил, держа за гибкую талию дочь, которая стояла подле и подбрасывала на ладони мячик. Некоторое время Иннокентий боролся с сочным кусочком пирога, очутившись вне тарелки, — и вот, от неловкого прикосновения, перевалившись и — под стол, — малиновый увалень (там его и оставим). Илья Ильич все улыбался впусую, обсасывая усы; кто-то попросил его передать печенье, — он залился счастливым смехом и передал. Вдруг над самым ухом Иннокентия раздался быстрый задыхающийся голос: Таня, глядя на него без улыбки и держа в руке мяч, предлагала — хотите с нами пойти? — и он жарко смутился, выbralся из-за стола, толкнув соседа, — не сразу мог выпростать правую ногу из-под общей садовой скамейки.

О ней говорили: какая хорошенькая барышня; у нее были светло-серые глаза под котиловыми бровями, довольно большой, нежный и бледный рот, острые резцы, — и когда она бывала нездорова или не в духе, заметны становились волоски над губой. Она страстно любила все летние игры, во все играла ловко, с какой-то очаровательной сосредоточенностью, — и, конечно, само собой прекратилось простодушное ужение пестра с Василием, который недоумевал, — что случилось? — появлялся вдруг, около школы, под вечер, и манил Иннокентия, неуверенно осклабясь и поднимая на уровень лица жестянку с червями, — и тогда Иннокентий внутренне содрогался, сознавая свою измену народу. Между тем от новых знакомых радости было мало. Так случилось, что к центру их жизни он все равно не был допущен, а пребывал на ее зеленой периферии, участвуя в летних забавах, но никогда не попадая в самый дом. Это бесило его; он жаждал приглашения только затем, чтобы высокомерно отказаться от него, — да и вообще все время был начеку, хмурый, загорелый, лохматый с постоянной игрой челюстных желваков, — и всякое Танино слово как бы отбрасывало в его сторону маленькую тень оскорбления, и божье мое, как он их всех ненавидел, — ее двоюродных братьев, подруг, веселых собак... Внезапно все это бесшумно смешалось, исчезло, — и вот, в бархатной темноте августовской ночи, он сидит на парковой калитке и ждет; покаливает засунутая между рубашкой и телом записка, которую, как в старых романах, ему принесла босая девчонка. Лаконический призыв на свидание показался ему издевательством, но все-таки он поддался ему — и был прав: от ровного шороха ночи отделился легкий хруст шагов. Ее приход, ее бормотание и близость были для него чудом; внезапное прикосновение ее холодных, проворных пальцев изумило его чистоту. Сквозь деревья горела огромная, быстро поднимавшаяся луна. Обливаясь слезами, дрожа и солеными губами слепо тыча в него, Таня говорила, что завтра уезжает с матерью на юг и что все кончено, о, как можно было быть таким непонятливым... «Останьтесь, Таня», — взмолился он, но поднялся ветер, она зарыдала еще пуще... когда же она убежала, он остался сидеть неподвижно, слушая шум в ушах, а погода пошел прочь по темной и как будто шевелившейся дороге, и потом была война с немцами, и вообще все как-то расплзлось, — но постепенно стаялось снова, и он уже был ассистентом профессора Бэра (Behr) на чешском курорте, а в 1924 году, что ли, работал у него же в Савойе, и однажды — кажется, в Шамони — попался молодой советский геолог, разговорились, и, упомянув о том, что тут пятьдесят лет тому назад по-

гиб смертью простого туриста Федченко (исследователь Ферганы!), геолог добавил, что вот постоянно так случается: этих отважных людей смерть так привыкла преследовать в диких горах и пустынях, что уже без особого умысла, шутя, задевает их при всяких других обстоятельствах и, к своему же удивлению, застает их врасплох, — вот так погибли и Федченко, и Северцев, и Годунов-Чердынцев, не говоря уже об иностранных классиках, — Спик, Дюмон-Дюрвилль... А еще через несколько лет Иннокентий был проездом в Париже, и, посетив по делу коллегу, уже бежал вниз по лестнице, надевая перчатку, когда на одной из площадок вышла из лифта высокая, сутуловатая дама, в которой он мгновенно узнал Елизавету Павловну. «Конечно, помню вас, еще бы не помнить», — произнесла она, глядя не в лицо ему, а как-то через его плечо, точно за ним стоял кто-то (она чуть косила). «Ну, пойдемте к нам, голубчик», — продолжала она, выйдя из мгновенного оцепенения, и отвернула носком угол толстого, пресыщенного пылью, мата, чтобы достать из-под него ключ. Иннокентий вошел за ней, мучась, ибо никак не мог вспомнить, что именно рассказывали ему по поводу того, как и когда погиб ее муж.

А потом пришла домой Таня, вся как-то уточнившаяся за эти двадцать лет, с уменьшившимся лицом и подобранными глазами, — сразу закурила, засмеялась, без стеснения вспоминая с ним то отдаленное лето, и он все дивился, что и Таня, и ее мать не поминают покойного и так просто говорят о прошлом, а не плачут навзрыд, как ему, чужому, хотелось плакать, — или, может быть, держали фасон? Появилась бледная, темноголовая девочка лет десяти, — «А вот моя дочка, — ну пойдй сюда», — сказала Таня, суя порозовеющий окурок в морскую раковину, служившую пепельницей. Вернулся домой Танин муж, Кутасов, — и Елизавета Павловна, встретив его в соседней комнате, предупредила о госте на своем выведенном из России, домашнем французском языке: «le fils du maître d'école chez nous au village»¹, — и тут Иннокентий вспомнил, как Таня сказала раз подруге, намекая на его (красивые) руки, «regarde ses mains»² — и теперь, слушая, как девочка с чудесной, отечественной певучестью отвечает на вопросы матери, он успел злорадно подумать: «Небось, теперь не на что учить детей по-иностранному», т. е. не сообразил сразу, что ныне в этом русском языке и состоит как раз самая праздная, самая лучшая роскошь.

Беседа не ладилась; Таня, что-то спутав, уверяла, что он ее когда-то учил революционным стихам о том, как деспот пирует, а грозные буквы давно на стене уж чертит рука роковая. «Другими словами, первая стенгазета», — сказал Кутасов, любивший острить. Еще выяснилось, что Танин брат живет в Берлине, и Елизавета Павловна принялась рассказывать о нем... Вдруг Иннокентий почувствовал: ничто-ничто не пропадает, в памяти накапливаются сокровища, растут скрытые склады в темноте, в пыли, — и вот кто-то проезжий вдруг требует у библиотекаря книгу, не выдававшуюся двадцать лет. Он встал, простился, его не очень задерживали. Странно: дрожали ноги. Вот какая потрясающая встреча. Перейдя через площадь, он вошел в кафе, заказал напиток, привстал, чтобы вынуть из-под себя свою же задавленную шляпу. Какое ужасное на душе беспокойство... А было ему спокойно по нескольким причинам. Во-первых, потому что Таня оказалась такой же привлекательной, такой же неуязвимой, как и некогда.

1936 год.

¹ Сын нашего деревенского школьного учителя (фр.).

² Посмотрите на его руки (фр.).

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Владимир Владимирович Набоков (1899—1977) был человеком выдающихся многогранных дарований. Крупный ученый-этнолог, поэт, прозаик, литературовед, он читал лекции во многих колледжах и университетах Америки, куда переехал из Западной Европы в 1940 году, спасаясь от фашизма.

Критика по праву отвела Набокову одно из ведущих мест в мировой литературе XX века. Первые свои произведения Набоков печатал под псевдонимом Сирин. Он автор романов — «Машенька», «Дар», «Защита Лукина», «Приглашение на казнь» и других, стихотворений, нескольких книг новелл, литературоведческих исследований и эссе. Написавший большинство своих книг по-русски,

с конца пятидесятых годов Набоков начал писать на английском языке. Переход на чужой язык был вынужденным, но результат блестящим.

Оказавшись юношей вместе с родителями в эмиграции в 1919 году, Набоков госковал по старой России. Эта тема буквально пронзает автобиографическую книгу «Другие берега», наполняет особой горечью его стихи, романы, рассказы.

В историю русской литературы XX века В. Набоков вошел как великолепный мастер. Его литературный вкус безупречен, язык точен, стиль изыскан, внимание к деталям поразительно. Проза его пронизана иронией, отчего кажется иногда чуть-чуть холодноватой. Этому способствует и характерная для прозы Набокова отстраненность автора.

Советские читатели в последние месяцы

познакомились с романом Набокова «Защита Лукина», стихами, литературными эссе, посвященными Гоголю и Пушкину. Писатель возвращается своими произведениями на Родину, и это справедливо, как справедливо все, что делает нашу культуру богаче и многообразнее.

«Огонек» знакомит в этом номере журнала с Набоковым-новеллистом. Это весьма существенная и очень интересная сторона его творчества. Публикуя неизвестный широкому читателю рассказ «Круг», мы хотим напомнить обращение академика Д. С. Лихачева к недавнему пленнику правления Союза писателей СССР: «Прошлое не умирает. Нужны публикации в журналах массовыми тиражами того, что не было издано в прошлом».

В. ЕНИШЕРЛОВ.

«ГОВОРИТЕ, НАМ ИНТЕРЕСНО»

Инга АГЛИЦКАЯ

Утром в электричке я слышала, как одна девчонка лет восемнадцати, смеясь, рассказывала другой:

— И тот ему говорит, чтоб отдал долг, чтоб три тысячи принес. А этот, представляешь, дурак, вместо того, чтоб у родителей взять, говорит: «Давай опять сыграем!»

Я знала, о чем этот рассказ — не о комедии. Накануне Центральное телевидение показало по второй общесоюзной программе фильм молодого грузинского сценариста и режиссера Александра Цабадзе «Пятно». Сложный фильм, «жесткий», как предупредительно информировал нас еженедельник «Говорит и показывает Москва» и как объясняли друг другу после фильма беседовавшие о нем драматург Михаил Рошин и кинокритик Андрей Плахов. Видимо, хотели утешить нас, если мы чего-то не поняли. Но девчонка из электрички, наверно, сразу после фильма телевизор выключила и осталась без разъяснений, при своем. А при чем именно — разве не интересный вопрос? Да, конечно, мы, многие из нас, к такому фильму не готовы. И в этом не вина наша личная, а общая беда, обеспеченная очень серьезными ошибками недавнего прошлого. Но насколько и как именно не готовы, разве не важно узнать поточнее, чтобы правильно рассчитать возможное ускорение здесь, в сфере нравственной?

Вот почему, когда год назад, 14 мая, грузинское телевидение демонстрировало «Пятно», сотрудники Центра общественного мнения при ЦК КП Грузии обзвонили накануне 230 тбилисских семей (случайная выборка по телефонному справочнику) и попросили разрешения позвонить им сразу после окончания фильма. Социологам интересно первое впечатление человека, до обсуждения в семье или на работе, мнение, не деформированное обменом, не подвергнутое влиянию.

28 ноября 1986 года такой же «горячий» опрос каждой 500-й семьи в Тбилиси, имеющей телефон, был проведен по фильму «Покаяние» после его показа по телевидению. Этой же ночью в центре были обработаны результаты. Краткие выводы: все опрошенные считают фильм политическим; 89,4% фильм понравился, 6,3% не понравился, 4,2% оставил равнодушными; значительная часть телезрителей не была расположена к подробному обсуждению, практически замкнулась в себе, испытывала своего рода «эмоциональное оглушение».

Центр общественного мнения при ЦК КП Грузии фактически действует с 1975 года.

— Но, — объяснил его руководитель, заведующий отделом пропаган-

ды ЦК Нугзар Акакиевич Попхадзе, — начинали мы как первоклассники, окончили «школу», «вуз», и, наконец, благодаря усилиям Н. И. Бетанели, ныне доцента Академии общественных наук при ЦК КПСС, А. А. Габияни, Э. С. Менабдишвили, Д. А. Караулашвили, Б. И. Церцвадзе и других прошлый год стал для центра «аспирантурой».

Как же работает центр? Могу сказать о том, что видно сразу: очень напряженно. За прошлый год было проведено 52 исследования (то есть в среднем одно в неделю). Есть, так сказать, стратегическая линия плановых исследований, и есть работа по оперативным заданиям ЦК. Порой приходится проявлять «супероперативность». Например, однажды за сутки провели исследование общественного мнения по проблемам госприемки на двух предприятиях. Это не было халтурой «для галочки». На стол заседания координационного совета ЦК по совершенствованию хозяйственного механизма легла обстоятельная, научно обоснованная справка. Но такое возможно лишь благодаря прочным контактам с заводскими социологами, с ЦСУ, бесперебойной работе вычислительного центра, слаженности всех служб. А слаженна эта система потому, что она постоянно в работе, ее врасплох не застанешь.

Обратная связь с объектами исследований для сотрудников центра —

дело само собой разумеющееся, первая справка по результатам исследования направляется на завод, в школу, в театр, участвовавший в этом исследовании. И как ни заманчиво работать с одним и тем же предприятием, где уже налажена связь, где люди привыкли отвечать на вопросы, объекты надо менять, чтобы не раздражать людей, — такое правило.

Самое пристальное внимание центра направляется на «болевые точки». К примеру, та же госприемка. Ясно, что сегодня это необходимая инъекция нового. Но как реагирует на нее живой организм — трудовой коллектив? Здесь нужно не снимать руку с пульса. И опросы общественного мнения по госприемке проводились 4 раза за 4,5 месяца.

Данные этих исследований поставили перед руководством республики вопросы, требующие самого серьезного анализа и компетентных выводов. Например, почему сравнительно успешно справляющиеся с заданиями трудовые коллективы проявляют внутреннюю неуверенность и сомнения, а предприятие, на котором положение тяжелое и принято не более 10% месячной продукции, «вдруг» проявляет сегодня наивысший уровень удовлетворенности? Не связано ли это с понижением требовательности в коллективе и уверенностью части его работников в том, что можно жить по старинке и в новых условиях?

Госприемка остро обнажила болезненные точки современного производства. По мнению рабочих и ИТР, основные причины, мешающие их коллективам успешно наладить работу в новых условиях:

— низкий уровень технической вооруженности предприятий — 61%;

— низкий уровень договорной дисциплины со стороны поставщиков — 37%;

— несовершенная система оплаты труда — 27%;

— низкий уровень организации труда — 26,7%;

— низкая квалификация кадров — 19,3%;

— низкий уровень дисциплины труда — 19,3%;

— низкая сознательность рабочих и служащих — 18%;

— отсутствие условий для развития новаторства и творческого труда — 9,5%.

Когда я изучала эти материалы, с работой центра знакомились группа армянских социологов: приехали за опытом, собираются у себя создать такой же орган при ЦК КП Армении и уже планируют совместные исследования с грузинскими коллегами. Их, как и меня, привлекло то, что центр откликается не только на все крупные общественно-политические события в стране и республике, но и на все серьезные проблемы, волнующие население.

Самым глобальным исследованием Центра общественного мнения был, пожалуй, «Диалог с ЦК КП Грузии» осенью 1986 года. В нем в качестве объекта измерения были взяты все социально-демографические группы населения. Анкетный опрос (а по существу, заочный референдум) показал, что деятельностью ЦК в наибольшей степени удовлетворены рабочие (50,6%), интеллигенция (44,4%). Критичнее всех настроена учащаяся молодежь (удовлетворены 29,7%). По причине плохой информированности не смогли оценить деятельность ЦК 28,5%, Президиума Верховного Совета республики — 43,8%, Совета Министров — 45,1%. Если получены такие ответы — значит, заданы соответствующие вопросы. Значит, ЦК КП Грузии всерьез заботится о том, чтобы проводить в жизнь ленинские принципы.

Вопросом «Что для нас важнее всего в настоящее время?» выявлено,

что в общественной психологии населения доминируют следующие ценности:

— поддержание порядка и законности — 66%;

— достижение более высокого жизненного уровня для всех — 62%;

— гласность, откровенность, дальнейшая демократизация общественной жизни — 41,6%;

— большее участие людей в принятии важных политических решений, дальнейшее развитие самоуправления — 13,9%.

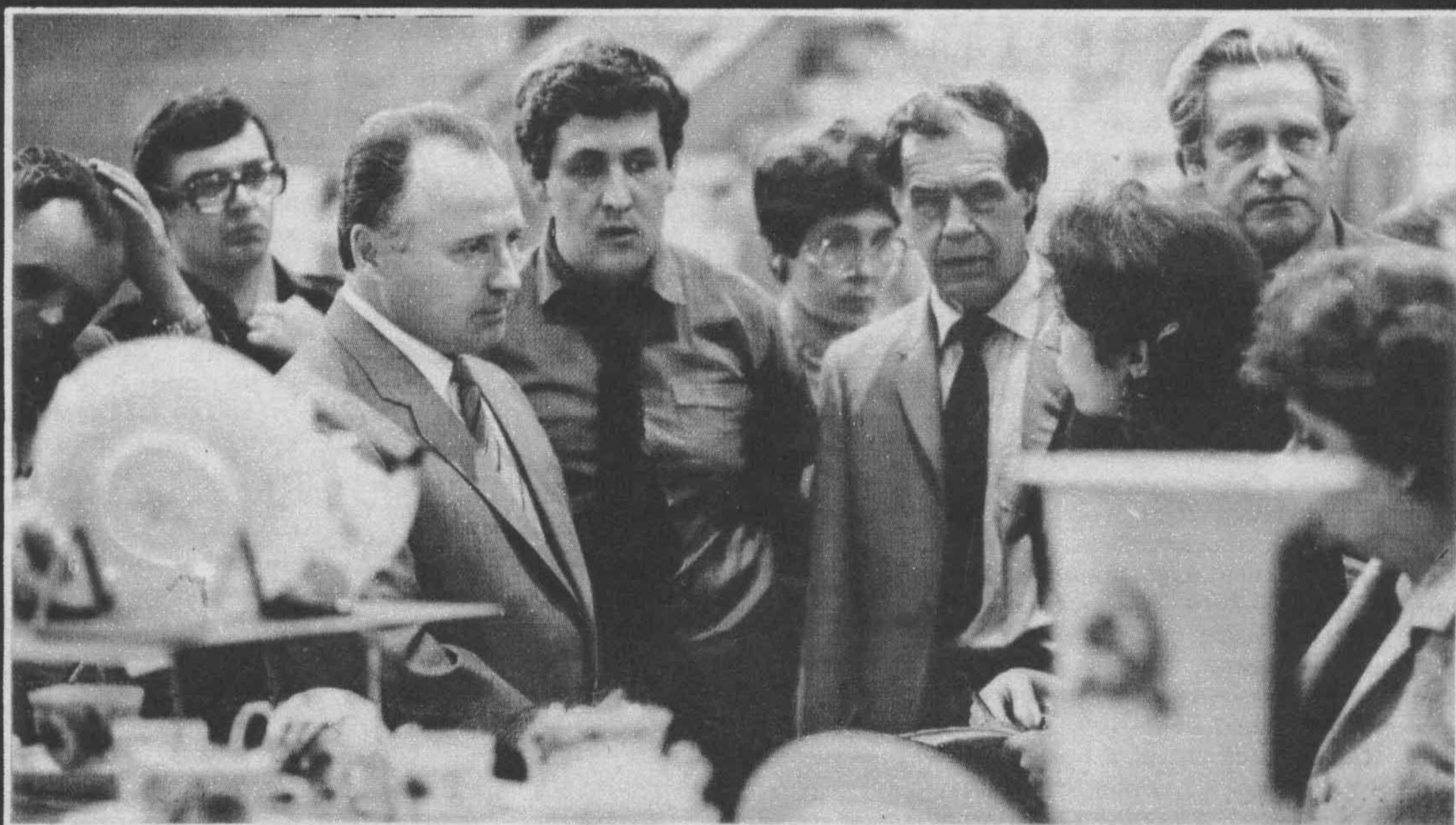
В республике создана традиция встреч, пресс-конференций, заочных референдумов с привлечением всех средств массовой информации, «телескоды» населения по наиболее волнующим людей вопросам проходили уже около 20 раз. В одном из них приняло участие 15 тысяч человек, включая тех, кто прислал письма, звонил в студию, был задействован в репортажах, отвечал на вопросы бесед-интервью. Многолетний телецикл «Галерея бюрократов» Гостелерадио СССР традиционно готовит вместе с Комитетом народного контроля республики. Студия «Диалог» освещает результаты исследований общественного мнения, обсуждает с общественностью эффективные средства и пути преодоления недостатков. В этой работе участвуют министры, партийные и советские работники, деятели науки и искусства — люди, которые несут прямую ответственность за положение дел в той или иной сфере. Регулярно проводятся телеселекторные совещания Госагропрома, где его руководители отвечают на вопросы телезрителей.

Рубрики: «Вопрос не должен оставаться без ответа», «Общественное мнение: факты, суждения, резонанс» — давно обосновались в республиканских газетах «Коммунисти», «Заря Востока» и других.

Открытый разговор о наркомании начался на грузинском телевидении в 1979 году. Совместные акции телевидения и МВД СССР стали традицией. Когда в 1983 году преступники захватили гражданский самолет с целью угона, партийное руководство республики приняло решение сообщить об этом по телевидению. О происшедшей железнодорожной катастрофе люди узнали из выступления прокурора республики вечером того же дня. Там, где царит гласность, слухи и сплетни сильно падают в цене, справедливо считают в органах пропаганды, а те слухи, что продолжают будоражить народ, лучше обсудить открыто. Поэтому появилась на ТВ передача «Слухами земля полнится...», а в одной из газет — рубрика «Слухи и реальность». Острые вопросы задаются руководителям различных сфер в телецикле «Актуальное интервью». «Дни ТВ» проводятся на предприятиях. Кстати, об этих «Днях ТВ» заведующий отделом пропаганды ЦК Н. А. Попхадзе рассказывал однажды гостившему в Грузии иностранному журналисту. Тот заинтересовался, и Попхадзе предложил ему побывать на таком мероприятии прямо сегодня на большом заводе в городе Рустави. Приехали на завод, где 400 человек участвовали в обсуждении телепередачи и где западных гостей, конечно, никто не ждал. А он никак не мог поверить, что этот открытый разговор идет взаправду.

— И газетные, и телевизионные материалы, которые публиковались по данным наших исследований, всегда привлекали читателей и зрителей своей смелостью, — говорит Нугзар Акакиевич Попхадзе. — Сегодня смелость перестала быть оригинальной, и это хорошо. Но она не должна становиться для журналистов погоней за «жареным» фактом. В ее основе должен лежать глубокий анализ достоверных данных. Тогда гласность станет истинной опорой в перестройке.

ПРИЛАВОК

НЕ ПЕРЕЛОМИТСЯ...

В 1988 ГОДУ ПРИЛАВКИ
ХОЗЯЙСТВЕННЫХ МАГАЗИНОВ
ОТ ОБИЛИЯ ТОВАРОВ
НЕ ПЕРЕЛОМАЮТСЯ, НЕ РУХНУТ...
НЕВЕСЕЛЫЙ ЭТОТ ВЫВОД
СДЕЛАЛ Я
ПО ЗАВЕРШЕНИИ КРУПНОГО
ОПТОВОГО ТОРГА,
ВЫЯВЛЯВШЕГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ,
КОТОРЫЕ
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ
ПРЕДОСТАВИЛА
ОПТОВОЙ ТОРГОВЛЕ.

Константин БАРЫКИН,
Дмитрий ДЕБАБОВ
[фото]

И тоговое заседание ярмарочного комитета подтверждало такое наблюдение. Поделился им с заместителем министра торговли СССР Анатолием Даниловичем Чепиком. Он согласился: да, ситуация именно такова. Спрос значительно превышает предложение.

— Мы не смогли истратить несколько миллиардов рублей, — заметил директор ярмарки В. С. Гудин. — И хоть ярмарка закрылась, предстоит большая работа с теми министерствами и объединениями, которые не смогли или не захотели услышать торговлю. Не исключаю и проведения еще одной ярмарки — рынок должен быть насыщен товарами.

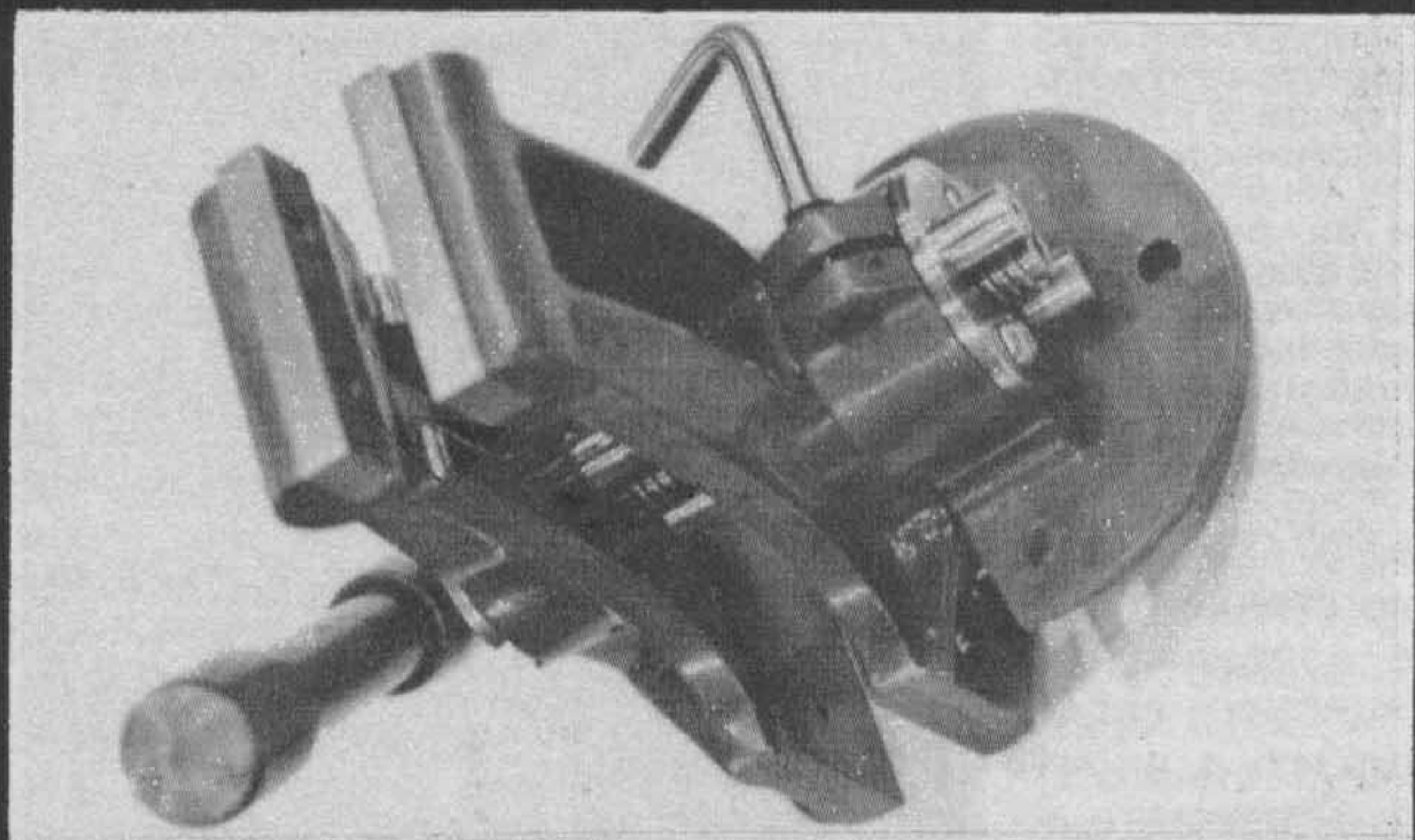
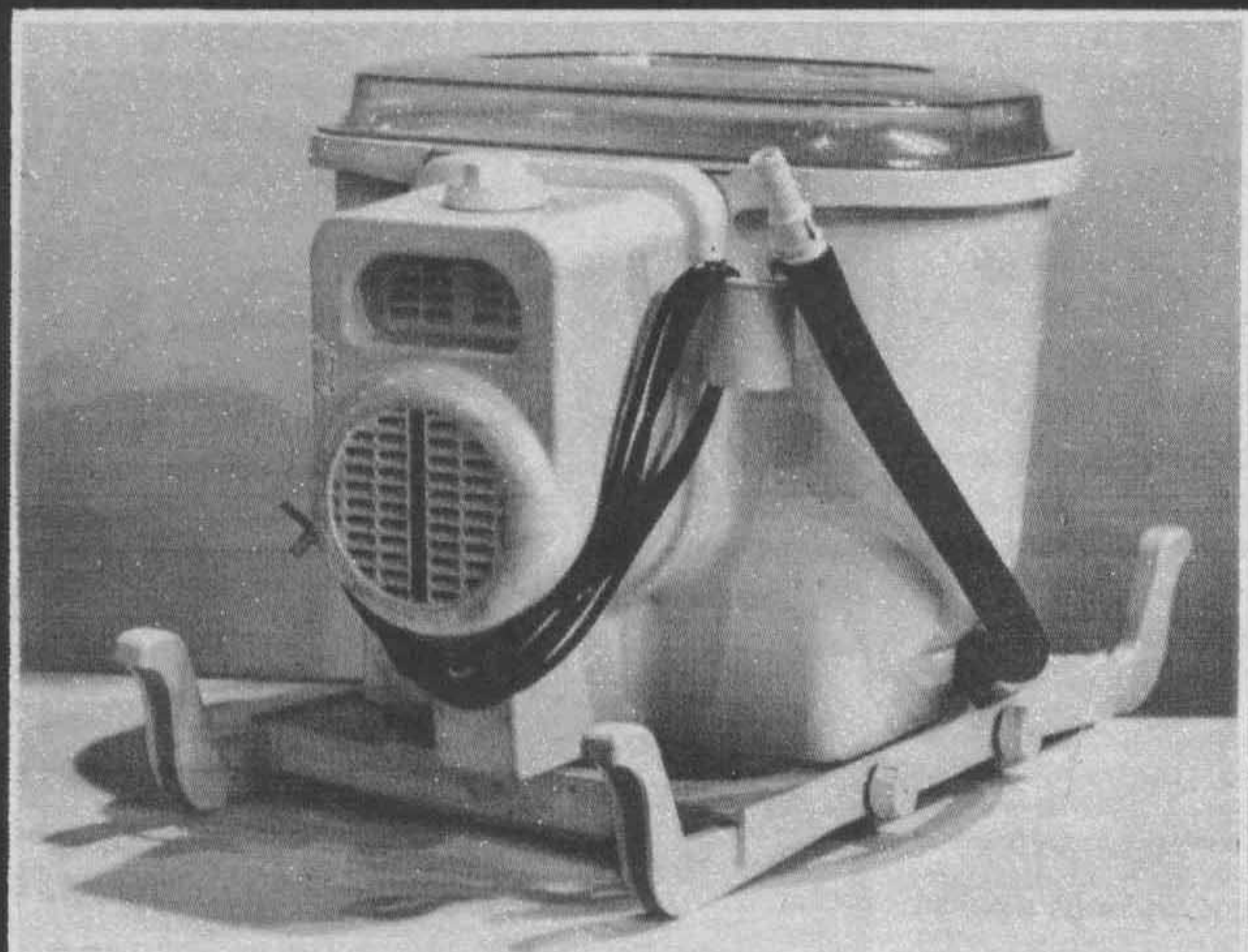
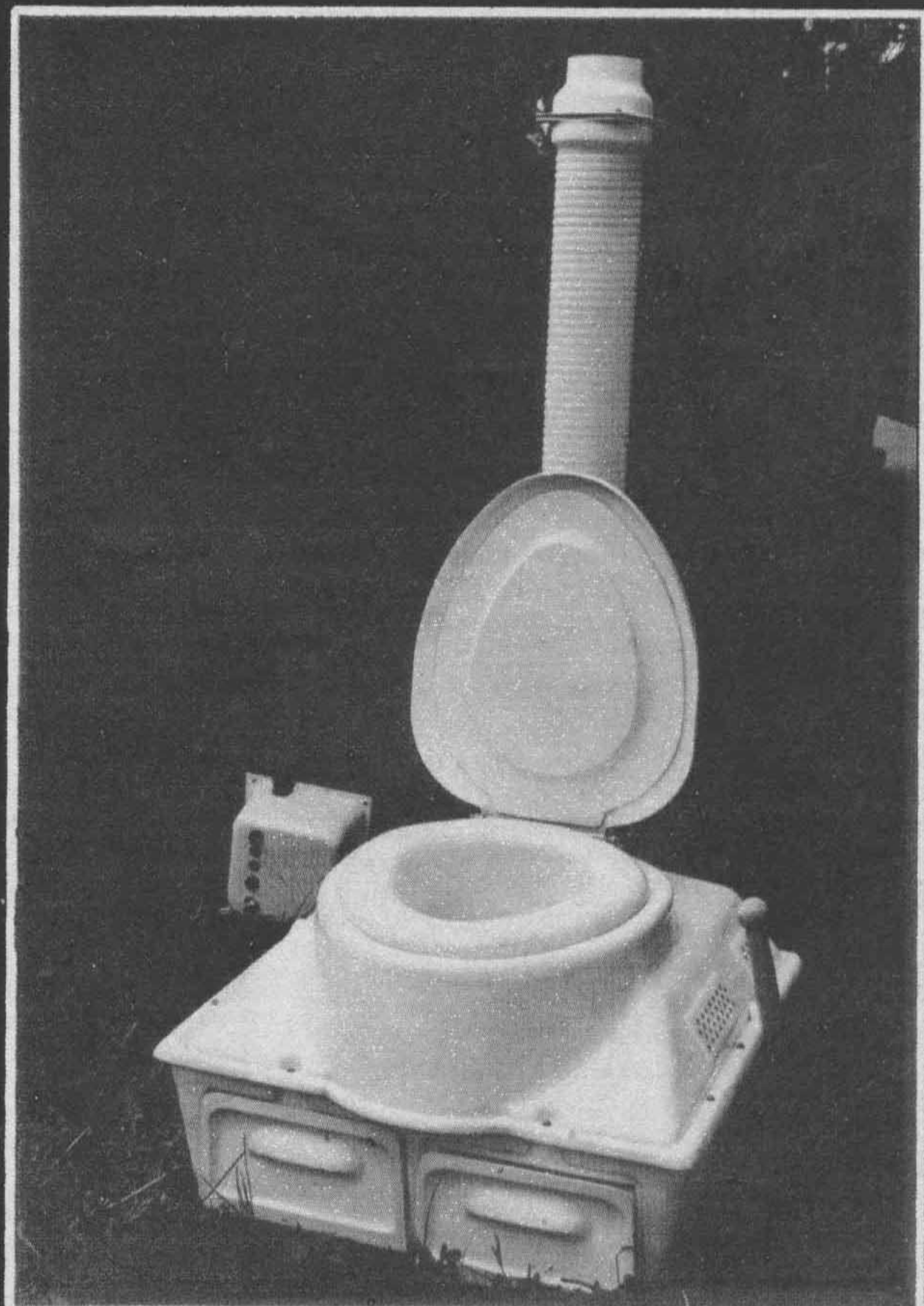
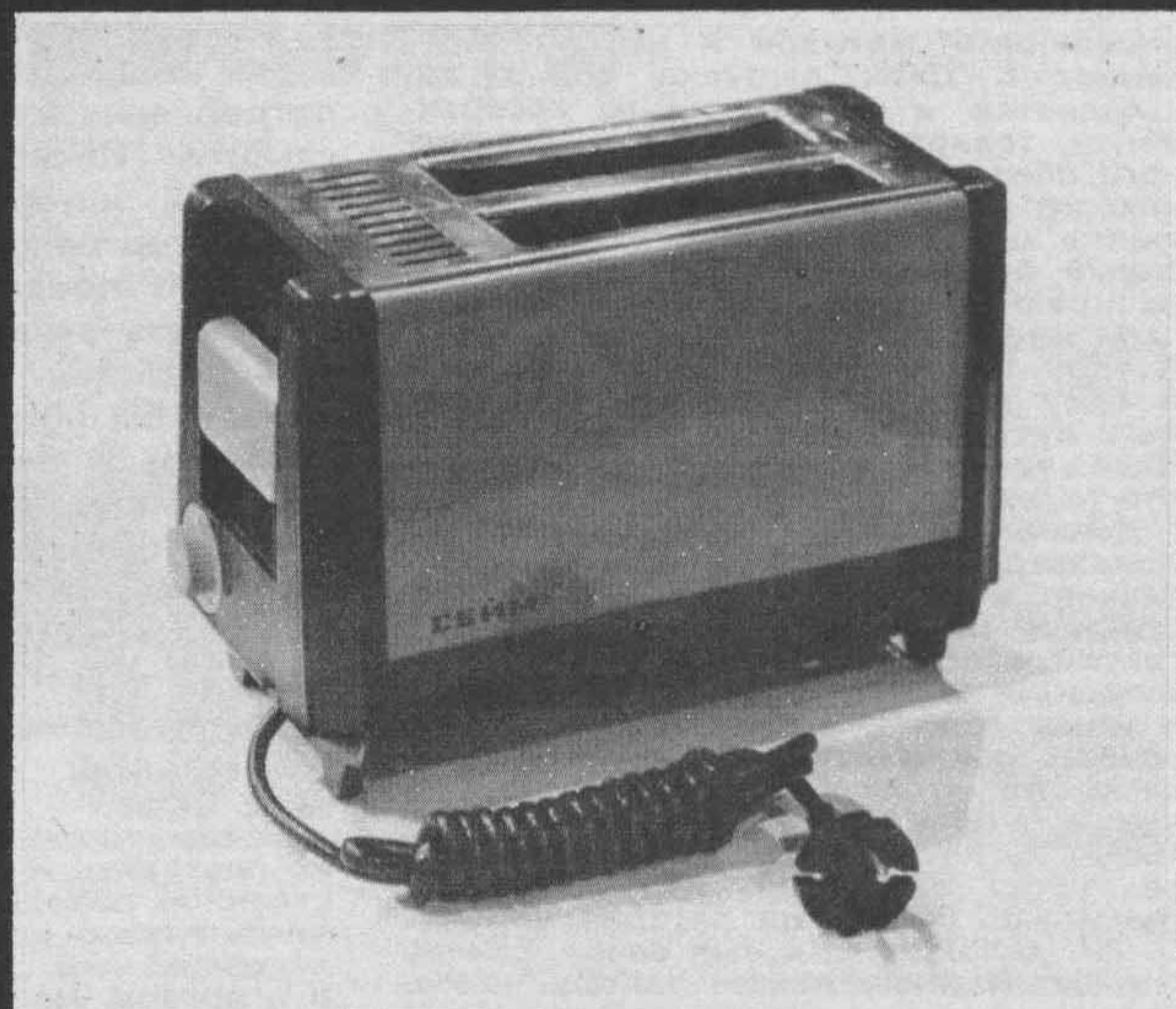
— Требования к товару растут быстро, а вот удовлетворения спроса пока нет, — сказал мне видный наш экономист, директор института конъюнктуры и спроса профессор Андрей Владимирович Орлов.

Мы беседовали с ним в большом ярмарочном павильоне, переходили от стенда к стенду, рассматривали холодильники и пылесосы, стиральные и швейные машины, искали хозяйственные мелочи, пытались выявить товар, который можно было бы назвать новинкой.

Неутешительная вырисовывалась картина. 44 тысячи образцов не перекрывали и не могли перекрыть брешь, образовавшуюся в торговле изделиями хозяйственного назначения.

ПСЕВДОНОВИНКИ

Не определяем ли мы завтрашний рынок вчерашними мерками и запросами? На ярмарке практически не было новых товаров. Манящее слово «новинка» мелькало часто, но смысл его был неузнаваемо трансформиро-

ван. Прimitивная, давно известная гладильная доска объявлена новинкой. Незаслуженное это наименование скреплено двумя грифами—Смоленского автоагрегатного завода и общесоюзного объединения «Союз-промвндрение». На проспекте так и выведено: «Гладильная доска. Новинка!» Заводского масштаба? Или цехового?

К лику новых товаров причислен и надплитный фильтр—воздухоочиститель. Вы, может, видели такие? Выпускают их много лет, и хорошо, что выпускают. Поначалу не мог определить, в чем новизна фильтра, представленного Средневолжским объединением «Трансформатор» из Тольятти. Потом догадался: он стоит 70 рублей, а те, что я встречал в магазинах, продавались за шестьдесят...

Не знаю, раскупили ли «новые» гладильные доски, но вот хорошую печку, предложенную «Могилевлифтомашем», брали неохотно. А такая печь обогреет садовый домик, грибы высушит, быстро вскипятит воду... Может, оттого обходили оптовики этот товар, что представлен он как-то робко, незаметно, без таблички «Новинка»? А может, и потому, что цена на печь невелика, для выполнения плана такие надо продавать десятками, сотнями. А нынешняя торговля норовит товар подороже отыскать, хотя тщательно скрывает такую направленность своего поиска.

Подороже! Это становится подхлестывающим мотивом и для промышленности. План выпуска подчас составляется в рублях, не по ассортименту, товарооборот растет—без полного обеспечения товаром. Из этого и исходят ведомства. Я наблюдаю повышение цен уже много лет. Был красивый бокал, стоил 80 копеек, затем по краю его провели золотой ободок, цена сразу подскочила почти вдвое... В одну речку нельзя войти дважды? А одну и ту же вещь можно продать чуть не вдвое дороже, это факт. Надо только артикул переменить и что-то «улучшить».

Дешевый товар «вымывается» из производственных планов, значит, исчезает и из магазинов. Идет этот опасный процесс при молчаливом согласии торговли. Действо ловко замаскировано, спрятано в протоколах и иных деловых бумагах, а подчас вообще документально не зафиксировано. Не проследишь за ним, не выразишь. Обнаруживается все только тогда, когда придешь в магазин. Туфли, точно такие же, какие покупал год назад, сейчас на пятерку дороже. В чем дело? Бантик был слева, сейчас справа. Чайные ложки теперь наловчились золотить сверху донизу. Цены тут же вздули так, что не дотянешься. Ленинградцы показали новые кухонные весы. 50 рублей? «Так ведь они с часами!»—с укором ответили на мое замечание. Не часы я покупаю, а весы. «Но с часами-то удобнее». Собеседник все решил за меня, он определил, какие мне нужны весы и за сколько...

Привел этот пример, но следовало бы прежде похвалить ленинградцев. Они ответственно отнеслись к выпуску новых товаров. Измеритель температуры и влажности в теплице. Удобный приборчик, который надежно, быстро сквашивает молоко, превращая его в кефир, простоквашу, ряженку. Хорошие тиски, фиксатор гаражных дверей, наборы отличных ножей и вилок, красивая посуда, мини-сеялка для садового участка либо для огорода.

Надежными партнерами зарекомендовали себя белорусские участники ярмарки. Общее впечатление от их стендов я определил вовсе не экономической категорией: заботливые люди. Пример по одной Витебской области. Главный товаровед Иван Степанович Плясунов показал мне недорогие, «копеечные», но крайне нужные товары. Мы насчитали 41 наименование таких мелочей, привезенных впервые; их не было на прошлогоднем торге. Инструментальные ящики, какие-то особые гвозди, мини-рубаночек, незаменимый, когда нужно что-то подправить, аккуратно подстрогать. Можно пользоваться и для того, чтобы очистить стекло от краски; а кому удавалось

так покрасить оконные рамы, чтобы капли краски не попадали на стекло? Ответственно, деловито и в то же время скромно работают белорусская промышленность и торговля. Вот бы представителям других регионов не гоняться за белорусским товаром, а поучиться у них, как дело вести.

ВО САДУ ЛИ, В ОГОРОДЕ

— Строю садовый домик,— поделился новостью приятель.— Почти на опушке леса...— И пошли перечисления: сборные щиты, дорожка; уже распланировал участок, выделил место и для дощатой будки-туалета.

От такой архитектурной «доминанты» освобождает новинка, которую включает в свою производственную программу Одесское производственное объединение тяжелого краностроения. Это биотуалет. Необходимейшая вещь для каждой сельской усадьбы, в каждом доме, не подключенном к канализации.

— Биотуалет в корне меняет представления о сельском быте, об устройстве сельского дома,— сказал мне начальник объединения «Росхозторг» В. Г. Козельков.— Мы заказали сто тысяч, но, видимо, могли бы реализовать и больше.

— Нынешняя ярмарка—второй тур изучения спроса на биотуалет,— напоминает конструктор Минстройдормаша СССР И. П. Гохват. Он работает в координационном научно-техническом центре по товарам народного потребления и вопрос знает не понаслышке. Иосиф Петрович отмечает большой интерес, проявленный оптовой торговлей к новинке, и полагает, что предприятия отрасли смогут учесть заявки с возможно большей полнотой.

Надо бы поскорее определить потребность в биотуалетах. Видимо, их захотят приобрести не только владельцы садовых участков, но и многие коренные селяне. Дать бы новинке статус социально-перспективного товара, сказать, что он на порядок повышает комфорт негородского дома...

И еще об одной разработке, ее можно поставить в этот же ряд. Производственное объединение «Салаватнефтемаш» готово начать производство малогабаритных автоматических... садов и огородов. Не обычных, а вертикальных. Уже разработаны и испытаны установки «Сад», «Лоджия», «Земляника».

Прошу заведующего лабораторией объединения Раиса Галимзяновича Ризванова рассказать о новинке, но он предлагает:

— Вы прежде клубнику отведайте... Срываю краснобокую, сочную ягоду. Она вызрела тут же, в Лужниках, на асфальте, можно сказать. Из такой варенье—лучше не придумаешь. С молоком можно или со сливками. Компоты были бы хороши.

Отмечу прежде всего—ягода совершенно чиста, не обработана, не на земле растет. Вертикальные «грядки» к тому же экономят землю: для довольно большого по дачным понятиям ягодника нужно два-три квадратных метра, а не сотка... И затраты труда в несколько раз меньше, чем при обычном способе выращивания клубники. Одна «грядка» — подвесной контейнер с 32 щелями, в них и укореняется растение... Что в контейнере? Вермикулит, перлит, пемза, туф или керамзит, которого на некоторых стройках — сотни ненужных тонн.

Уфимцы работают в тесном контакте с крымскими учеными и практиками садоводства.

— Очень большую помощь оказывает профессор Василий Константинович Штефан. Без его консультаций мы едва ли так быстро шли бы к цели. А некоторые проблемы вообще могли застопориться.

Привезенной из Уфы конструкторской группой заинтересовались химики из Череповца, из объединения «Аммофос». Они готовы разработать удобрения для плантаций. Это и есть кооперация.

А в том, что «вертикальные огороды», подвесные клубничные грядки очень нужны, не сомневайтесь. За час, что мы с фотокорреспондентом провели, беседа с разработчиками, десятками людей спрашивали: где купить?

СТАНКАЧКИ ГРАНЕНЫЕ

На одном из заседаний ярмарочного комитета встала представительница «Союзторгоборудования» и пообещала: «Я расскажу о назначении общепита». Ее прервали. Репликой из зала, выдав короткое определение, которое, кажется, всех устроило: «Накормить людей, и чтобы они жи-вы остались...»

Как бы то ни было, но накормить-напоить без посуды не удастся. И разгорелся спор вокруг граненого стакана, придуманного, может, еще в прошлом веке. Это тот самый стакан, который до недавнего времени исправно служил алкашам. Когда я захожу в кафе и вижу такой стакан, знаю: и «кофе» тут будет на таком же уровне. Давно—впрямую и подспудно—стакан формирует и определяет качество напитков. Граненый стакан образца 1887 (может, дата и неточна) года просто несовместим с хорошим какао, с хорошим чаем, наконец, с хорошим соком. Все в таком стакане дурного качества, так уж повелось. Один из моих знакомых организаторов общепита называет этот граненый сосуд «стаканом на понижение». Есть уже и такое расхожее понятие: обслужить на уровне граненого стакана!

Порадовался, узнав, что взбунтовались оптовики, отказались закупать эти мутностеклянные изделия. Но их тут же припугнул замминистра промышленности стройматериалов РСФСР Евгений Васильевич Паушкин: «Не закупите граненые стаканы, будем вынуждены демонтировать производственные линии. Через два года дешевый стакан исчезнет из продажи».

И замминистра торговли СССР А. Д. Чепик тут же категорически приказал подчиненным: «Если такой товар будет отсутствовать, строжайше накажем! Граненые стаканы должны быть закуплены в полных объемах».

Посветлело лицо замминистра стройматериалов. Поскумел, обреченно вздохнул мой сосед по залу, представляющий оптовую торговлю крупной областью.

...Не спорю, а подтверждаю: дешевые стаканы должны быть во всех посудных магазинах. Но почему им, таким стаканам, определено оставаться отпугивающе грубыми, словно это униформа для столь же унылого общепита? Опыт художников лучших стекольных заводов показывает, что подобный стакан может быть даже изящным, оставаясь недорогим. Превосходного дизайна стаканы показывали мне финские мастера стекольного дела. Но выдала наша торговля индульгенцию на граненый стакан прошловекового уровня, и вступает такой стакан во второй век своего незвонкого существования.

Особенно неказистым он показался здесь, среди отличных поделок из хорошего стекла, из хрусталя, из фарфора и фаянса. Промышленность показала в этой группе изделий великолепные образцы. Начнется год, отправлюсь в магазин, может, что окажется на прилавке.

...Снова перелистываю блокнот, вспоминаю беседы возле стендов, где видел и превосходные изделия. Тут и новый бытовой кондиционер, аппарат, который не надо врезать в оконный проем; его можно разместить в любом уголке комнаты. Гаражные ящики Вильнюсского завода электроизмерительной техники, автомобильные холодильники «Кроха» и «Холодок», термokonтейнер — «холодильник наоборот», позволяющий всю зиму и весну хранить на балконе до 200 килограммов картошки, овощей и фруктов...

Много такого, что придумано и разработано, что должно бы попасть в магазины. Если, конечно, спрос будет определять предложение. Сейчас же, сужу и по результатам ярмарки, спрос жестко контролируется предложением.

От руки сильной промышленности и от нерасторопности торговли страдаем прежде всего мы с вами, покупатели.

СЕГОДНЯ
В ЭФИРЕ

ПАМЯТЬ
ГЕОНИ

«Песенная летопись страны» — так называется передача, которая с начала этого года звучит по первой программе радио дважды в месяц. У нее нет четкой периодичности, каких-то конкретных вторников или четвергов. Всякий раз ее позывные в эфире выпадают на дни, запомнившиеся самыми разными событиями в истории нашей страны.

Есть история официальная, с флагами и фанфарами, гимнами и парадами, а есть и задушевная, которую вспоминают с родными и друзьями, за накрытым столом, по-домашнему, которую каждый знает по-своему, но которая становится потом народными песнями и звучит среди людей, знающая всем, рождая слезы. Должно быть, всю историю нашу можно пропеть от начала до конца этими песнями.

Так, наверное, и родилась идея этой передачи — вспомнив историю песен, помянуть и события, с ними связанные, вдохнуть еще раз того ветра, который в них гуляет, — то предгрозового, то весеннего, раздольного, то зимней выюги, а то и лихого народного праздника. Написать летопись, но летопись особую, понятную и любимую всеми — песенную.

А поскольку в этом году советский народ отмечает 70-летие нашей революции, то и передача приобретает особое значение. Ведь, помимо старинных, народных песен, люди давно уже поют новые, сложенные и вдохновленные строительством социализма.

Кажется, что может рассказать песня? Между тем она несет на себе сильнейший отпечаток времени, передавая не только радость, воодушевление, раздумья народные.

Песни эти любят, помнят, поют, просят передать по радио, им посвящаются целые концерты, одним словом, они живут среди нас. Удивительно, что совсем еще недавние, они звучат наравне со старинными народными песнями, идущими из глубины веков. В чем секрет такой вот песенной народности? Почему так глубоко западают они в душу? Не от того ли, что много с ними связано, много вместе пережито?

«Последнее время,— говорит автор передачи, журналист Петр Акаёв,— с эстрады, по радио и ТВ звучит огромное количество современной музыки, песен, которые, однако, живут очень недолго. Это относится и к современной эстраде, и к рок-музыке, отечественной и западной. Все это,

как правило, песни-однодневки. К тому же нетрудно заметить, что их никто и не поет. А тем временем остается все меньше возможности послушать настоящие народные русские песни. Их уже и не различишь в шуме электроаппаратуры. Печально и то, что молодежь, ударившись в рок, совершенно отвернулась от народных песен.

Все это и подтолкнуло нас сделать эту передачу. Думаю, что она нарочно получается как бы противовесом современной эстраде — ведь настоящие песни, как и настоящие книги, не стареют, они нужны нам и прекрасны всегда.

Мы надеялись также, что, рассказав историю некоторых песен, поразмыслив об их судьбе, послушав их еще раз, нам удастся каким-то образом толкнуть на них молодежь, заинтересовать ее, пробудить, видимо, дремлющее историческое сознание, ту любовь к Родине, на которой всегда стояла русская земля».

Действительно, интересно само сопоставление современной песни, по большей части недолговечной и какой-то, скажем, нетрадиционной с песнями не столь уж давнего прошлого, но прочными и надежными по ощущению. Кажется, что мы как раз и присутствуем при некоторой смене эпох, что она произошла вот-вот, несколько лет назад. Конечно, из большого количества, например, послевоенных песен время отобрало несколько десятков, а сейчас звучит огромное множество неравноценных современных песен, и что из них запомнится, пока неизвестно, но даже этот факт не ослабляет ощутимой конфронтации песенных стихий.

Страсти вокруг музыки сейчас кипят, однако это вовсе не значит, что она при этом выигрывает. Мы почему-то давно уже склонны ставить вопросы лишь в самых крайних их положениях. И в данном случае звучат требования: либо все народное, традиционное, либо все новейшее. А ведь это даже не компромисс — нам нужно и то, и другое. Нам действительно это нужно.

Уверен, что народной музыке ничто не угрожает, нет оснований за нее опасаться, так же, как и много лет назад, по одной простой причине — эта музыка народна, и пока жив народ, она будет жить. Мир может сходить с ума, сипнуть и хрипнуть, но если какая-то песня раз пришлась по душе людям, если ее помнят и любят в народе, она не пропадет. Пусть музыканты, молодежь ищут новые ритмы, стили, тембры и эффекты — без этого не обойтись, но дух земли будет существовать именно в народной песне.

Не так давно меня пригласили на один из брейк-фестивалей в подмосковный город Жуковский. Удивившись распространенности этого танца, я был еще больше удивлен московскими брейкерами в автобусе по дороге обратно. Утомившись выступлениями, довольные своей победой, ребята развалились на сиденьях, болтали, смеялись, а потом стали петь. Они пели почти то же самое, что пел когда-то и я, возвращаясь из пионерских лагерей и в институте по дороге «на картошку», — то, что обычно поют в самых разных заказных автобусах по пути на самые разные мероприятия самые разные люди. Это были и «Ой, мороз, мороз», и «Вот кто-то с горочки спустился», и другие песни, которые знают все.

Кстати, с тех пор у меня пропала некоторая, сохранявшаяся до того времени отчужденность к этим разодетым, распущенным и шумным ребятам. И за народную песню я не боюсь.

И хорошо, что звучит она по радио. Люди слушают и задумываются, что-то вспоминают — как жили, как будут жить, и души их размягчаются, теплеют. Пусть вспоминают. Пусть помнят.

Вадим КИРЮХИН

В СССР СОЗДАН ПРИНЦИПИАЛЬНО НОВЫЙ ВИД ТЕХНИКИ. ЧТОБЫ ДО КОНЦА ОСОЗНАТЬ ЭТОТ ФАКТ, ПРЕДСТАВЬТЕ, ЧТО ДВИГАТЕЛЬ ВНУТРЕННЕГО СГОРАНИЯ, ЭЛЕКТРОДВИГАТЕЛЬ ИЛИ РАДИО, НАКОНЕЦ, ЛАЗЕР — ВСЕ ЭТИ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ ВИДЫ ТЕХНИКИ — КЕМ-ТО, НЕИЗВЕСТНЫМ ПОКА ШИРОКОЙ ПУБЛИКЕ, ОТКРЫТЫ (ИЗОБРЕТЕННЫ) ВЧЕРА, И МЫ ОБ ЭТОМ ПОКА НИЧЕГО НЕ ЗНАЕМ. ЗДЕСЬ У МЕНЯ ВЫХОДИТ НЕКОТОРАЯ ЗАМИНКА... ВСЕ ДЕЛО В ТОМ, ЧТО СОЗДАН ТО ЭТОТ ВИД (Я ЕЩЕ РАЗ ПОДЧЕРКИВАЮ ТЕРМИН, ПОТОМУ ЧТО РЕЧЬ ИДЕТ НЕ ОБ ОТДЕЛЬНОМ ИЗОБРЕТЕНИИ) БОЛЕЕ 20 ЛЕТ НАЗАД, ВНЕДРЕН КОЕ-ГДЕ, НО ШИРОКОГО ПРИМЕНЕНИЯ И ИЗВЕСТНОСТИ НЕ ПОЛУЧИЛ. И ЕЩЕ ЦИФРА «20» — НА СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ В ОБЛАСТИ ИМПУЛЬСНО-ВОЛНОВОЙ ТЕХНИКИ (ПОРА ОБОЗНАЧИТЬ ЕЕ НАЗВАНИЕ) МЫ ОПЕРЕЖАЕМ США ИМЕННО НА СТОЛЬКО ЛЕТ. НАЗЫВАЮ ЭТУ СТРАНУ, ПОТОМУ ЧТО ИМЕННО ТАМ БРОШЕНЫ ВЕСЬМА ЗНАЧИТЕЛЬНЫЕ ДЕНЬГИ И НАУЧНЫЕ СИЛЫ НА Форсирование разрыва.

МЕЖДУ ВЗРЫВОМ И УДАРОМ

ФИРМА
«ВНЕДРЕНИЕ»

Юрий СУРХАЙХАНОВ

Когда я позвонил в лабораторию импульсно-волновой техники, трубку снял ее руководитель и создатель И. А. Левин. После того как Игорь Анатольевич коротко сказал о том, что техника эта разработана, испытана и внедрена в авиастроении, я спросил:

— Где ее можно применять?

— Везде, где работают отбойным молотком, кувалдой, импульсно-волновой удар их успешно может заменить.

— А зачем? Уж чего другое, а кувалды у нас в стране выпускают хорошие.

— Знаете что, — неожиданно всплеснул Левин, — мне уже приходилось слышать примерно эти же слова от хозяйственного руководителя большого ранга. А вы знаете, во что превращает кувалда железнодорожный саморазгружающийся бункер для цемента?

— В гармошку! — догадался я.

Лаборатория занимает небольшой особняк в центре Москвы, место тихое — переулок. Я не без зависти сказал об этом Левину, войдя в его кабинет, на что он заметил:

— Между прочим, наша лаборатория давно прекратила бы свое существование, не будь у нас своего помещения. Эту «собственную жилплощадь» мы заработали — ею с нами расплатился Моссовет за эффективную защиту целого ряда зданий от сосулек. Давайте пройдем в другую

комнату, мы подготовили демонстрацию маленького опыта, который вы проведете сами.

На деревянной подставке укреплен кусок водосливного козырька крыши с заранее замороженным пластом льда. Под него подведены голубые провода от небольшого металлического ящика размером с коробку из-под туфель. От него тянулись еще два электрошнура, один заканчивался вилок для включения в сеть, другой — конической трубкой с кнопкой на конце.

— Это пускатель, — пояснил Левин. — Включайте прибор, когда загорится вот эта лампочка, нажимайте пускатель!

Нажал, раздался резкий, какой издаст пастушеский кнут, звук удара. Наледь буквально взорвалась осколками, весь лед обрушился на пол к моим ногам. Я, признаться, в первую минуту оторопел от неожиданности. Левин пояснил действие импульсно-волнового излучателя: это что-то среднее между взрывом и ударом, производимым радиоволной.

Никогда не предполагал, что встречу со столь близкой мне темой. Я вспомнил, как, будучи студентом, подрабатывал вместе с однокурсниками. В моей трудовой книжке тогда появилась запись: «Техник по эксплуатации артезианских скважин», — поскольку специальная штатная единица для чистки льда нигде не предусмотрена. За 75 рублей в месяц на троих мы приезжали по вызову начальника АХО (по мере нарастания льда). Двое по очереди лазили на крышу, где с помощью лома и лопаты «эксплуатировали» артезианскую скважи-

ну», а третий, с повязкой на рукаве, находился внизу и зычно предупреждал прохожих: «Граждане, сойдите с тротуара — опасная зона!» Даже среди студентов охотников до этой работы сыскать трудно. А импульсно-волновая установка для одного дома стоит всего 100 рублей. Рано утром, когда нет прохожих, нажал кнопку — и то, что намерзло за ночь, сваливается. С этой работой справится кто угодно.

Но появление импульсно-волновой техники связано с нуждами самолетостроения, конкретнее — с проблемой защиты самолетов от обледенения, в авиации она имеет огромное самостоятельное значение. Дело в том, что корка льда на внешних поверхностях крыльев изменяет аэродинамику; это сразу влечет массу неблагоприятных последствий: повышается расход горючего, снижается скорость и даже возникает опасность падения самолета, — в принципе это известно и десятикласснику. Но мы, находясь в полете, не наблюдаем этого явления, потому что самолеты эффективно защищают.

— Традиционный метод борьбы с обледенением, — рассказывает Левин, — это подогрев горячим, порядка 200 градусов, воздухом, то есть отбирается тепло от двигателей, по специальной системе труб подается к внешним поверхностям крыльев, и лед не намерзает. Еще будучи студентом МАИ, я был несколько покорблен этим варварским, примитивным способом, недостойным авиации, которую я боготворил и боготворю. Ведь практически один из четырех двигателей работает не по

назначению, все равно что выходит из строя. Я тогда так и говорил: «Четвертую часть авиационного топлива мы тратим на нагрев верхних слоев атмосферы».

Свой метод защиты от обледенения я предложил в студенческом, последнем по счету, курсовом проекте. Было это в 1961 году. Конечно, как я понял потом, это был сырой проект, по сути, он содержал лишь идею разбивать лед импульсом, а не конкретное воплощение ее. Я попал по распределению в фирму Сергея Владимировича Ильюшина. Сразу предложил коллегам по отделу свою идею. Меня тут же спросили: «А у американцев это есть?» Естественно, отвечаю: «Нет». И тут же следующий вопрос: «Ты что, умнее американцев?»

Это не попутное воспоминание о делах двадцатилетней давности и не булавочный укол. Здесь дело принципа. Я оставляю в стороне некорректность постановки вопроса. Но мы упрекаем молодежь в поклонении перед, имея в виду экстравагантные причуды и прочее, а сами подчас не в состоянии оценить отечественную экстравагантную техническую идею.

И позже множество раз, в других уже «конторах», мне приходилось слышать: «А как с этой самой техникой вашей обстоит на Западе?» Я отвечал: «Никак! Нет у них такой техники». И сразу получал отлуп: «Раз у них нет, значит, невыгодно».

Короче говоря, занимаясь своим непосредственным делом на работе, дома я продолжал работать над идеей. Спустя два года решил прийти на прием к Генеральному конструктору. Сергей Владимирович взял на одну ночь тетрадь с моими чертежами и расчетами и уже на следующий день узаконил разработку импульсно-волновой установки. Если я сейчас начну восхвалять дальновидность Ильюшина, то тем самым сделаю комплимент и себе, только это меня и удерживает. Но авиационникам это качество Генерального конструктора известно. Впоследствии, когда фирму возглавил академик Генрих Васильевич Новожилов, он тоже активно поддерживал наши работы, потому что предвидел перспективы самолетостроения...

Я не буду распространяться о том, как мы собрали наконец первые приборы, испытывали их при всех температурах на земле и в воздухе на летающей лаборатории. Потом переоборудовали системы защиты Ил-18 на импульсно-волновую, летали на Тихий океан, Баренцево море, словом, испытывали в самых агрессивных для самолета условиях. Доводили конструкцию, в основном работая над уменьшением ее веса, а мощности она потребляет приблизительно как утюг. На все это ушли многие годы. Преимущество и необходимость импульсно-волновой техники для защиты от обледенения ни у кого не вызвали уже сомнений, и она была внедрена.

Но самое главное, что разработка нового метода защиты была завершена к моменту создания советского аэробуса Ил-86. Дело в том, что и размеры его, и вес таковы, что при традиционном методе — подогреве — чуть ли не все двигатели должны будут отдать весь свой горячий воздух, то есть это застрахует от обледенения самолет, но он при этом не взлетит, мощности может не хватить. Все наши аэробусы защищены импульсно-волновым методом.

— Игорь Анатольевич, а как с этой проблемой справились американцы на своих аэробусах?

— Американцы решили вообще не ставить систему подогрева на поколение аэробусов, решив, что это варварство — так расходовать тепло, понадеялись, что мощности двигателей

хватит, чтобы летать со льдом на крыльях. Но у них было несколько крупных авиакатастроф лет десять — двенадцать назад, в основном при взлете. Все поколения зарубежных аэробусов оказались без надежной защиты от обледенения, а французские авиафирмы быстренько купили у нас лицензию на импульсно-волновой метод.

В 1982 году восемь американских авиастроительных фирм, группирующихся вокруг крупнейшей — «Боинга» — и исследовательского центра НАСА, основали концерн по освоению нашего метода собственными силами. Это, конечно, мягко говоря, хулиганство. Наши разработки защищены патентами в США, Англии, Франции, Японии...

Когда мы начали патентовать нашу технику в середине 70-х, к нам обратились корабельщики, энергетики с просьбой помочь в решении сходных задач — борьбой с обледенением, примерзанием... А нас изъедало горячее желание взять Минэнерго, мотивируя тем, что оно нуждается в нашей технике для борьбы с примерзанием вагонов. И по решению ГКНТ СССР нас передали этому министерству. Там создали мощную лабораторию — 40 человек, — и едва начав работы с вагонами, мы стали умнеть, кругозор наш расширился, едва мы провели «разведку на местности».

Мы обнаружили, что никаких эффективных средств очистки, способов борьбы с прилипанием, обледенением попросту не существует. Везде колотят — ломками, лопатами, молотками, кувалдами, и все без ощутимого результата, кроме приведения в негодность всевозможных емкостей, бункеров, вагонов.

А поскольку нашей технике все равно что очищать, крыло самолета или железный бак, мы со всем пылом кинулись решать эти проблемы. Принцип оставался единым — импульсно-волновой удар, а приборы начали создавать самые различные, в зависимости от предназначения. Провели очень эффективные работы по защите кораблей от обледенения, очищали вагоны и бункеры от угля до последней соринки. И появились первые успехи в борьбе с сосульками...

— Извините, Игорь Анатольевич, а не слишком громко сказано: «Борьба... с сосульками»?

— А я считаю эту работу едва ли не главной, — с этими словами Левин подал мне газету с отчеркнутыми строками.

13 февраля 1987 года, «Ленинградская правда»: «В минувшие дни несколько ленинградцев пострадали от падения с крыш сосулек и наледей. Есть случаи со смертельным исходом. Органами прокуратуры возбуждены уголовные дела...»

— Вы думаете, это только в Ленинграде и только «в минувшие дни»? И чаще всего страдают дети. Вы думаете, зазря нам Моссовет это помещение «подарил»?

Так вот. Нас довольно быстро заметили в других ведомствах, и в Минэнерго посыпались заявки на нашу технику. Это сразу вызвало переполох: вот новая забота удовлетворять чьи-то запросы. И решили от нас избавиться, а поскольку обледенение — это явление климатическое, то отфутболили в метеорологию...

Вы не удивляйтесь некоторой комичности всей этой истории, в жизни смешное часто сосуществует с печальным. Нас потом и в микробиологию отдавали. Был такой факт биографии. Очевидно, мотивировали тем, что нас все министерства в упор не видели, как не видят бактерий.

Госкомитет по метеорологии нас взял, у них в то время появилось новое научное направление — активное воздействие, и там решили, что борьба с обледенением — это их профиль. Создали нам отдел, дескать, рабо-

тайте. Однако производственной базы нам не давали, так что мы делали все установки своими руками. Правда, народ подобрался толковый: сами идеи вырабатывали, сами чертили и своими же руками изготавливали приборы и устанавливали. И параллельно, по собственной инициативе, начали борьбу с прилипанием. Что это такое? Все сыпучие вещества: крахмал, сахар, соль, щебенка, песок, металлургический и стеклянный порошок, цемент... всех не перечислишь, да и не только сыпучие, но и бетон, раствор, асфальт... — при хранении и транспортировке в бункерах, вагонах, грузовиках очень плотно спрессовываются. Мы столкнулись с колоссальной проблемой: то, что должно само сгущаться, сыпаться, превращается в монолит, при разгрузке налипает на стенки, и все это вручную, кувалдой сбить попросту не успевают. В результате по железной дороге бесцельно перевозят ежегодно тысячи и тысячи, а может быть, и миллионы тонн угля, цемента, руды... а это влетает в копеечку государству. Проблема эта известная, наболевшая, но никто не вспомнил о нашей технике, а ведь она полностью решает задачу одним нажатием кнопки — и уголь, и цемент, да все что угодно, сваливается к вашим ногам. Причем стоимость импульсной установки для вагона ли, автомобиля меньше годовой зарплаты одного рабочего.

— Игорь Анатольевич, а насколько надежна, долговечна ваша техника? Все-таки это электроника...

— Не стану утверждать, что вечная, но практически из строя не выходит. Я приведу вам лучше пример.

В 1978 году мы в порядке эксперимента провели работу в сушильной камере на молочном заводе в Иваново. Сушильная камера предназначена для изготовления сухого молока. Представьте себе металлический полый цилиндр высотой с трехэтажный дом и диаметром пять метров. В него непрерывно распыляется обычное молоко при температуре в камере 200 градусов и оно оседает уже в виде порошка, при этом на самих стенках довольно толстым слоем и, естественно, пригорает, как в кастрюле. И камеру периодически надо чистить. Как это делается? Установку через каждые 2—3 дня останавливают на сутки или больше, в нее входят рабочие и скребками, щетками драят до блеска. И двадцать—тридцать тонн молока ежегодно сливается в канализацию...

Мы снабдили ее нашим импульсным прибором, который автоматически в заданном режиме бьет по этим стенкам радиоволной. С тех пор стенки зеркальные, ни соринки не нагорает, камеры останавливать нет нужды, экономия считайте сами. И если вам удастся узнать количество молокозаводов в стране, перемножьте эти цифры... На днях приезжал представитель завода из Иваново. Спрашиваем: «Ну как, работает?» «Работает, один раз предохранитель поменяли». Кстати, обычный, как от телевизора.

Должен сказать, что документов всевозможных и фотографий я пересмотрел в лаборатории целую гору. Всех писем — их около полутора тысяч с просьбами продать приборы — я не читал, лишь некоторые.

— Предлагают любые деньги, — говорит Левин, — сумму, какую назначим, а платить готовы и наличными, и по безналичному расчету. Отвечаем, что денег не берем, не имеем права. Тогда предлагают рассчитаться с нами продукцией, вот недавно телескопами хотели расплатиться.

Знаете, что самое обидное? Возьмем один из главных вопросов повестки дня всей страны — это автоматизация, механизация производственных процессов. Здесь мы в чем-то вроде как преуспели: автоматизировали целые участки в цехах. Я за

эти годы побывал на многих заводах, фабриках. Абсолютно везде имеют дело с сыпучими веществами, везде остро стоит проблема очистки. Идешь по цеху, скажем, кондитерской фабрики, кругом автоматические линии, электронное оборудование лампочками подмигивает, жужжит таинственно, а в промежутках между линиями ходят женщины и лупят молотками, чтобы сыпалось и сваливалось... Не говорю уже о том, что это человека перед машиной унижает. Зачем железо крушить, если можно нашу технику поставить, тем самым полностью автоматизировать процесс?

Недавно нам предложили изучить потребности в импульсно-волновых установках и подсчитать экономический эффект в случае их внедрения. Пошли по министерствам, изучали технологию, брали только то, что лежит на поверхности: самые рутинные, трудоемкие работы — очистка, разгрузка. Успели изучить только 26 министерств; время было ограничено, а нас ведь немного в лаборатории осталось, разбежался народ, платим мало... Так вот, выяснили: 60 тысяч установок на самое первое время дадут немедленный экономический эффект в несколько миллиардов рублей.

— Мне не совсем понятно, почему ваша техника в таком случае давно уже не получила, как говорят, «путь в жизнь». Может быть, дефицит материалов, из которых она делается.

— Практически все детали, из которых она собирается, можно купить в любом магазине радиотоваров. Из чего мы, лаборатория, черпаем материалы? Из неликвидов, из неходового «бракованного» товара. А единственные наши инструменты — это паяльник, отвертка, нож. Мы же незаконнорожденные, нас так и называют. Не сталкивались с проблемой незапланированности? Все дело в том, что появление импульсно-волновой техники не значилось в государственном плане, а следовательно, ее нет и быть не может. Мы — миф.

— Каким же чудом вы вообще сохранились как лаборатория, неужели только благодаря собственной жилплощади?

— От «физической» гибели нас спас только председатель Госкомитета СССР по делам изобретений и открытий Иван Семенович Наяшков. Вот даже ремонт нам делают. У нас это пока единственная примета перестройки.

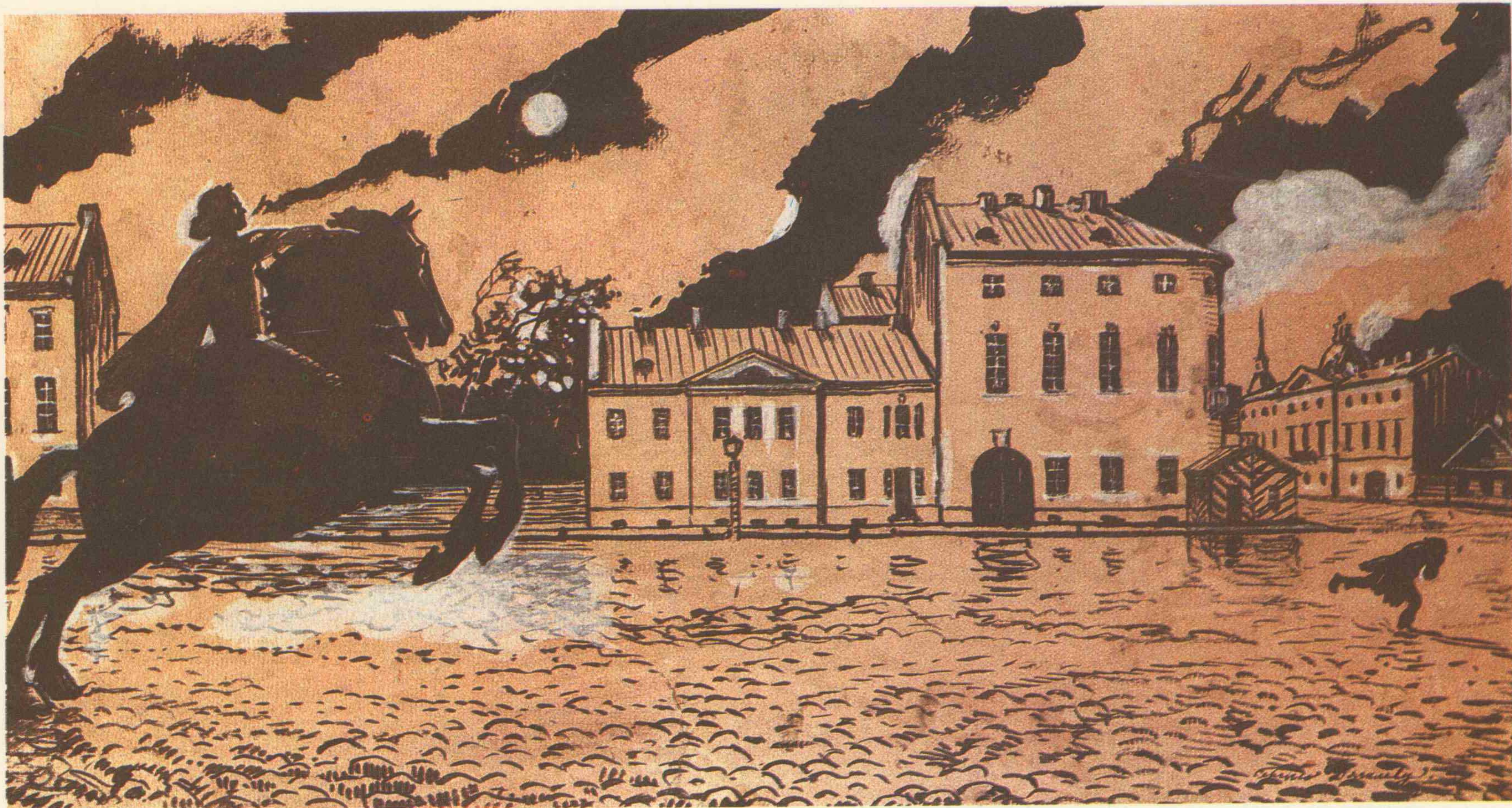
Мы считаемся подразделением НИИ патентной информации Госкомизобретений. Но институтское начальство на нас уже косится: говорят, что не наше это дело — вводить, мол, бросьте свои паяльники и пишите, пишите, пишите... методические указания... по внедрению.

— Ну, это уже формализм какой-то!

— Совершенно верно. Нас ведь и Госкомгидромет, знаете, под каким предлогом изгнал? Пришло новое начальство и объявило: «Не наше это дело — бороться со стихией (обледенением то есть), наше дело — предсказывать...» Может быть, они и правы, но дело опять пострадало.

* * *

Многое я оставляю за бортом этого материала. Но совершенно ясно одно — кандидат технических наук, автор сорока одного изобретения и ста зарубежных патентов, которые уже давно дают экономический эффект и в рублях, и в валюте, Игорь Анатольевич Левин вместе со своими соратниками создал принципиально новый вид динамической машины. Импульсно-волновые установки могут создавать усилия и в тысячи тонн, и минимальные. Самый маленький прибор весит 50 граммов, стоит копейки и генерирует удар в полтонны... Но какой силы должен быть удар, чтобы пробить стену формализма?

СБЕРЕЧЬ ДЕЛО ЖИЗНИ

СЕГОДНЯ НЕТ, ПОЖАЛУЙ, ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ БЫ НЕ ЗНАЛ, ЧТО В МОСКВЕ СОЗДАЕТСЯ УНИКАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ, ПЕРВЫЙ В МИРЕ,— МУЗЕЙ ЛИЧНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ. ХОРОШИЕ ВЕСТИ В НАШЕ ВРЕМЯ ВООБЩЕ РАЗНОСЯТСЯ ОЧЕНЬ БЫСТРО. БОЛЬШОЙ ИНТЕРЕС К МУЗЕЮ ЛИЧНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ УЖЕ СЕЙЧАС ПРОЯВЛЕН ЗА РУБЕЖОМ. СОЗДАТЬ МУЗЕЙ ПРЕДЛОЖИЛ ИЛЬЯ САМОЙЛОВИЧ ЗИЛЬБЕРШТЕЙН.

Видный советский ученый, основатель издания «Литературное наследство», автор книг и множества статей по вопросам литературы и искусства, доктор искусствоведения, лауреат Государственной премии СССР И. С. Зильберштейн 23 января 1985 года выступил в «Литературной газете» со статьей «Невосполнимое? О судьбе личных коллекций». Речь шла о гибели многих превосходных собраний картин и других произведений искусства, которые после смерти их владельцев разграблялись, распродавались, а то и тайно переправлялись на Запад. Илья Самойлович предлагал создать в Москве специальный музей, куда коллекционеры могли бы передать свои сокровища — разумеется, безвозмездно. «И если станет наконец реальностью идея создания такого музея,— заключал И. Зильберштейн,— я первым передам туда полностью русскую и западноевропейскую части моего собрания, поисками и находками для которого занимался на протяжении свыше шестидесяти лет. Убежден, что таким же будет решение и многих других коллекционеров нашей страны. Нет сомнений и в том, что к подобному выводу придут и некоторые наши бывшие соотечественники, в силу различных обстоятельств давно оказавшиеся за рубе-

А. Н. БЕНУА
(1870—1960).

ИЛЛЮСТРАЦИЯ
К ПОЭМЕ А. С. ПУШКИНА
«МЕДНЫЙ ВСАДНИК».

В. Л. БОРОВИКОВСКИЙ
(1757—1825).

ПОРТРЕТ
ГЕНЕРАЛ-АДЪЮТАНТА
П. А. ТОЛСТОГО.

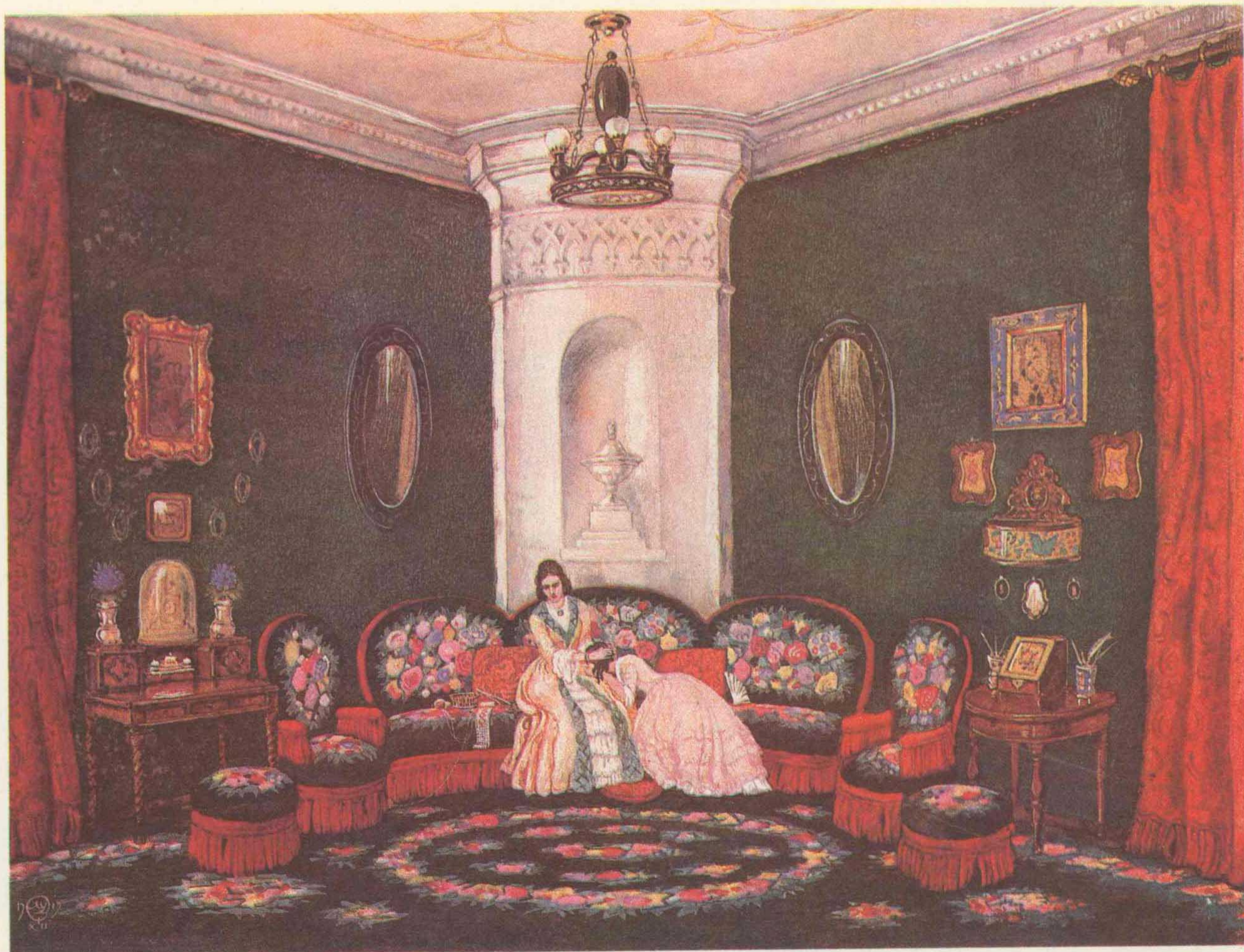
**М. В. ДОБУЖИНСКИЙ
(1875—1957).
ЭСКИЗ ДЕКОРАЦИИ
К ПЬЕСЕ И. С. ТУРГЕНЕВА
«МЕСЯЦ В ДЕРЕВНЕ»**

жом и ставшие завзятыми коллекционерами».

В марте 1985 года, накануне 80-летия И. С. Зильберштейна, в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина была открыта выставка из собрания русской части коллекции замечательного ученого. Экспонировалось всего 400 вещей, но и они вызвали огромный интерес — за месяц выставку посетило 115 тысяч человек.

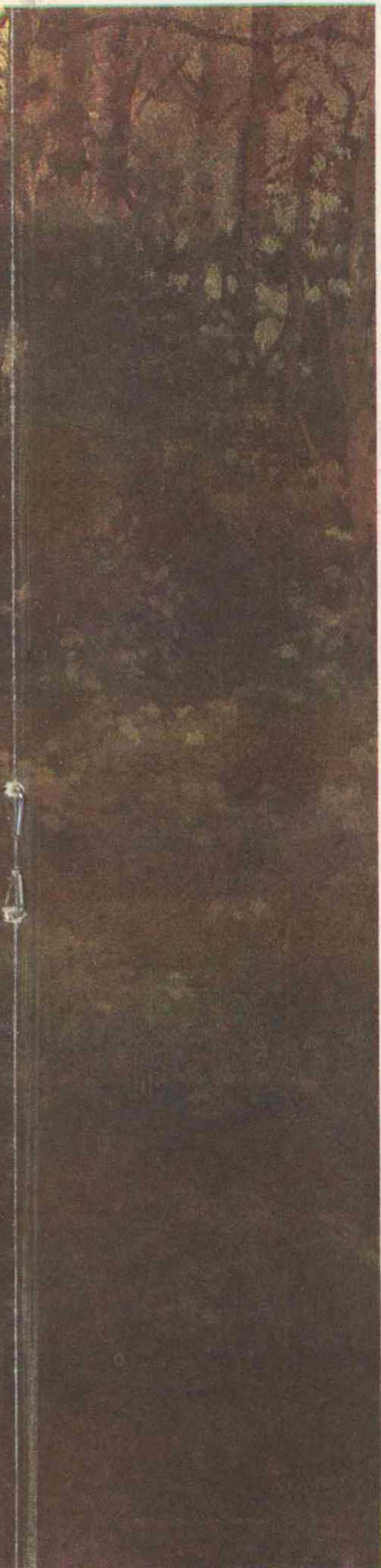
Через год, 11 марта 1986 года, исполком Моссовета принял решение «согласиться с предложением о передаче на баланс Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина Министерства культуры СССР строения № 6 по ул. Волхонке, 14/1, общей площадью 3035 кв. м, принадлежащего всесоюзному объединению «Автоэкспорт» Министерства внешней торговли СССР, для размещения в нем собрания частных коллекций музея». Таким образом, вопрос о здании будущего музея был практически решен. А дальше? А дальше самое интересное.

— Илья Самойлович, прежде чем мы расскажем нашим читателям о том, что же все-таки происходит вокруг вашего предложения о создании Музея личных коллекций, я бы хотел,

Б. М. КУСТОДИЕВ
(1878—1927).
ПОРТРЕТ
Ф. И. ШАЛЯПИНА

И. Е. РЕПИН
(1844—1930).
ЛЕТНИЙ ПЕЙЗАЖ
(В. А. РЕПИНА
НА МОСТИКЕ)

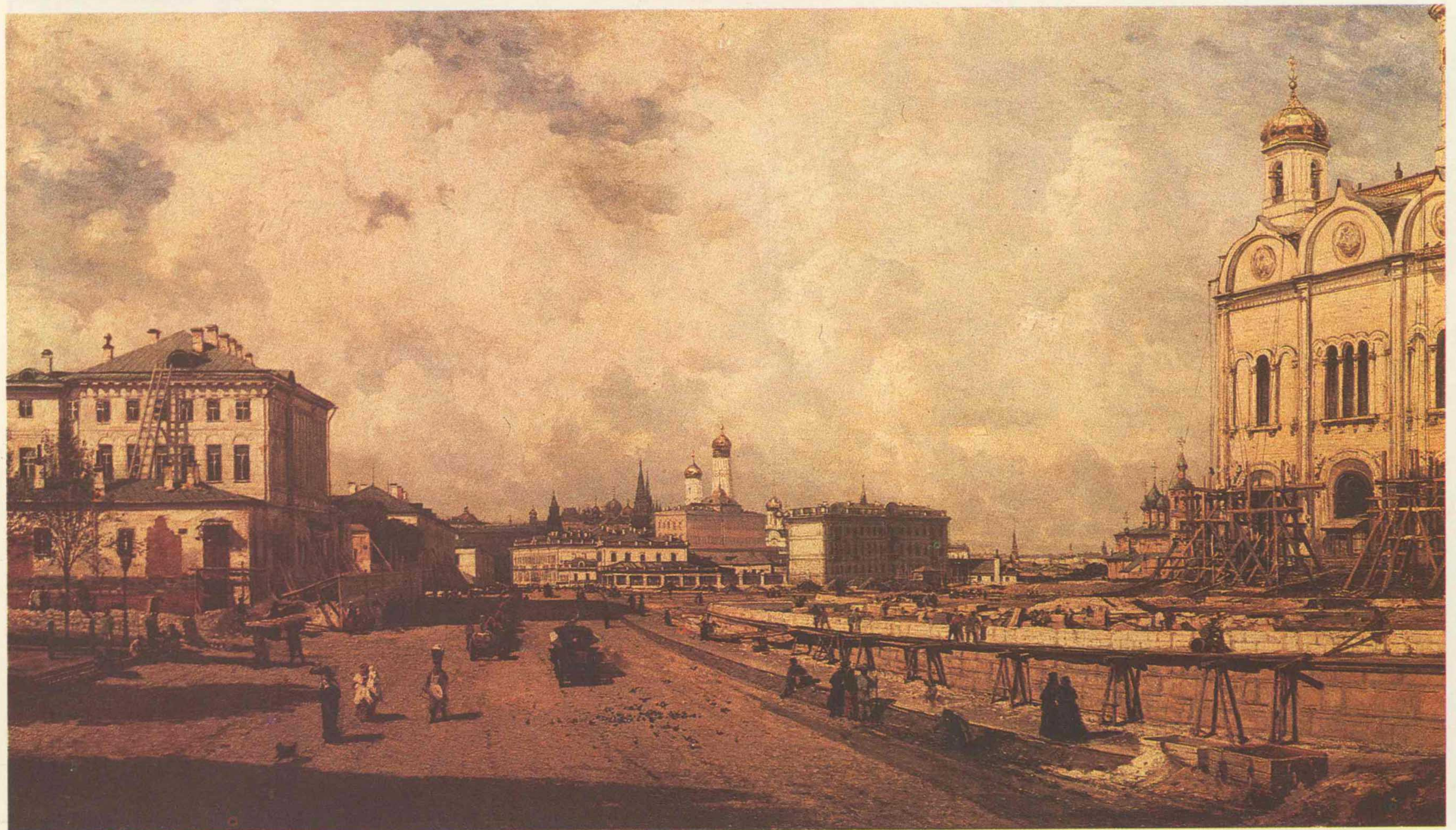

С. А. СОРИН (1878—1953).
ПОРТРЕТ ВАНДЫ ВЕЙНЕР

К. А. КОРОВИН (1861—1939).
НАТЮРМОРТ

А. П. БОГОЛЮБОВ (1824—1896).
ХРАМ ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ

чтобы вы сказали и о своей коллекции, и о коллекционерах...

— «Истинное собирательство есть творчество», — говорил академик И. Э. Грабарь. Смею думать, что это творчество необходимо людям и обществу. Из частных собраний выросли Третьяковская галерея, Музей В. А. Тропинина в Москве, многие другие музеи в самых разных городах нашей страны.

С весьма молодых лет я полюбил нашу литературу и наше искусство.

Школьником я буквально пропадал в лавках одесских букинистов. Они меня не любили: я обычно смотрел всякие картинки, а покупать не покупал, денег у меня совсем не было. И только один из них, Б. Ходоров, был необыкновенно добр ко мне. Однажды в его лавке появились полные комплекты журналов «Старые годы» и «Аполлон». Я робко спросил, сколько же они могут стоить. В ответ вдруг услышал, что он готов постепенно передавать мне годовые комплекты этих и других изданий, если я соглашусь помогать его двенадцатилетней дочери, сплошной двоечнице, выполнять домашние задания. Эти журналы сделались для меня настоящей школой искусствоведения. Когда же я наконец стал хоть как-то зарабатывать, то первым делом пошел на Дерибасовскую и купил два превосходных рисунка Бориса Григорьева. Заплатил за них десять рублей. С того времени я потерял покой. Каждый рубль, каждую десятку я держал под спудом, чтобы опять пойти в антикварный магазин и что-нибудь купить. Для меня это была самая большая радость в жизни. Чудесные люди отделились с великой теплотой к этой моей страсти. Без них, наверное, я бы мало что сумел.

Сегодня в моей коллекции более двух тысяч произведений искусства. В русской части представлены работы Боровиковского, Брюллова, Венецианова, Александра Иванова, Тропинина, Крамского, Репина, Серова, Сильвестра Щедрина, Кипренского, Шишкина, Александра Бенуа, Добужинского, Врубеля, Бакста, Кустодиева, Судейкина — почти ста мастеров. В коллекции западноевропейского рисунка и живописи — рисунок Рембрандта «Авраам и Исаак на пути к жертвеннику», работы П. Гонзага, К. Пуленбурга, Л. Браме-ра, И. Мушерна, А. Схельфута, Ж. Лепотра, Л. Лагрена, Ф. Вердье, О. Фрагонара, П. Барбье, Дж. Кваренги. Перечислять можно много и долго, и все равно, боюсь, всего не упомяну.

Самая величайшая редкость — это, конечно, рисунок Рембрандта. Долгое время он находился в коллекции Ильи Семеновича Остроухова. Тут у нас в арбатских переулках был его дом. После его смерти рисунок Рембрандта в рамке с прибитой к ней медной дощечкой попал к его сестре. Николай Павлович Пахомов помог мне приобрести этот маленький шедевр. В начале шестидесятых годов в Москву приезжал Отто Бенеш, директор знаменитого музея рисунков в Вене «Альбертино». Он был известен как автор вышедшего в Лондоне пятитомника «Рисунки Рембрандта». Три тома занимали подлинники Рембрандта, в один том Бенеш включил листы, которые столетиями считались работами Рембрандта, но исследователь отнес их всего лишь к работам учеников гениального художника, а в пятый том были включены подделки под Рембрандта. Прodelав эту работу, Бенеш решил объехать всю культурную вселенную, чтобы узнать, что же он пропустил. Я показал ему свой рисунок Рембрандта. Он попросил меня вынуть рисунок из рамы, долго изучал. И наконец сказал, что это подлинник...

У меня есть альбом молодого Брюллова. Он еще писал свою фамилию «Брюлло». Там листов сорок.

Каждый из них имеет большую ценность. У меня 24 рисунка Федотова. Кажется, столько же в Третьяковской галерее. По одному листу мне продавала их Михайлова, родная сестра Константина Андреевича Сомова. Их отец, директор Эрмитажа Андрей Иванович Сомов, был автором первой большой работы о Федотове. А Бакст? Когда Луначарский писал, что художники «Мира искусства» произвели настоящую революцию за рубежом, он особенно выделял Бакста. Ныне на Западе Бакст — один из самых популярных русских художников, может быть, самый популярный, во всяком случае, за его работы дают умопомрачительные цены. У меня есть недавний каталог аукционов в Лондоне, в нем изображена акварель Бакста — эскиз костюма для балета «Голубой бог». Сходная цена — 50—55 тысяч долларов. А как сообщил мне свидетель аукциона, наш зарубежный соотечественник, этот эскиз был продан за 95 тысяч долларов. Смею думать, что двадцать листов в моей коллекции много значительнее в художественном отношении, чем этот действительно превосходный эскиз костюма. А всего у меня 50 работ Бакста.

— И вы любите своего Бакста больше, чем своего же Репина?

— Нет. Репин — это часть моей души. В Репине мне интересно все. Очень больно и неприятно бывает, когда какие-то малограмотные комментаторы начинают трактовать жизнь и судьбу Репина на свой лад, так и сяк. Например, один «исследователь», комментируя письмо Стасова к Репину, где Стасов напоминал художнику, как десять лет назад они вместе читали «Исповедь» и Репин вдруг «зажегся», написал очень быстро картину «Отказ от исповеди», утверждал, что здесь имелась в виду «Исповедь» Льва Николаевича Толстого, но ведь выдающийся художник резко отрицательно отнесся к этому произведению Льва Николаевича. Мне повезло, я нашел подлинный первоисточник: на самом деле Стасов и Репин читали стихотворный отрывок «Последняя исповедь» с подзаголовком «Посвящается казненному», опубликованный в 1879-м в русской подпольной революционной печати, в «Народной воле». Это диалог между осужденным на казнь революционером и священником. Революционер не только отказывается от исповеди, но и обличает священника как слугу самодержавия, а проповедь христианства гневно именует «пустой ложью».

У меня лучший пейзаж Репина. «На мостике». Совершеннейший шедевр. Есть и один из эскизов к «Аресту пропагандиста».

Очень люблю несколько вещей Врубеля, его «Анна Каренина», находящаяся в моем собрании, — великолепный рисунок. У меня много работ Кустодиева, в том числе и известные эскизы декораций к «Блохе». Александр Николаевич Бенуа в письмах ко мне, опубликованных в книге «Александр Бенуа размышляет...», спрашивал: «Сколько же и какие мои «дети» есть в вашей коллекции?» И был очень рад, что у меня есть шесть листов его иллюстраций к «Медному всаднику», он сам их очень ценил. Кроме того, в моем собрании есть фронтиспис «Пиковой дамы», чудная акварель Бенуа, я ее обожаю. Это Пиковая дама, «Венера московская» (как называет ее Германн) в молодости. В руках у нее розы. И вторая половина карты: она уже в старости, от розы осталась только сухая ветка.

— Илья Самойлович, в своей статье «Воспоминания и мысли о собирательстве», предпосланной каталогу Выставки западноевропейской живописи и рисунка, которая в 1973 году экспонировалась в Государственном музее изобразительных искусств имени Пушкина, вы подробно писали о том, что ни один истинный коллекционер не может быть безразличен к дальнейшей судьбе своего собрания. И вы же писали, что «подавляющая часть

личных коллекций, к тому же нередко первоклассных, существовавших в наше время в Москве и Ленинграде, подверглась бездушному и жестокому распылению, так как они неизменно... превращались для родственников лишь в ценность материальную»...

— Я хорошо знал Екатерину Васильевну Гельцер и Лидию Андреевну Русланову — великую балерину и не менее знаменитую исполнительницу русских народных песен. В состав коллекции Гельцер входили картины Врубеля, Серова, Репина, Головина, Сапунова, Коровина. Но более всего Екатерина Васильевна любила Левитана, она была знатоком его живописи и имела у себя дома свыше тридцати его работ. Там были такие шедевры, как «Весна в Альпах», подаренный Марии Николаевне Ермоловой, знаменитый «Букет васильков», преподнесенный художником в 1898 году Варваре Ивановне Турчаниновой (об этих двух замечательных картинах и их цветные воспроизведения см. в моей статье «Подарки Левитана». «Огонек», 1950, № 31). После кончины Е. В. Гельцер ее собрание, ставшее по праву наследия собственностью ее племянницы, постепенно распылялось по белому свету. Когда в 1966 году вышла монография А. А. Федорова-Давыдова «Исаак Ильич Левитан. Жизнь и творчество», то в списке работ Левитана здесь были отмечены всего лишь 22 его работы, находящиеся в собрании Гельцер, причем о трех из них уже тогда говорилось: «Местонахождение неизвестно». В дальнейшем племянница так же лихо распорядилась и этими 22 работами, тогда, в 1966 году, еще у нее оставшимися. Простыл след и «Весны в Альпах», и «Букета васильков». Горько думать, что многие из них, по всей вероятности, «ушли» за границу.

У Лидии Андреевны Руслановой не было детей. Ее падчерица, к которой, надо сказать, Лидия Андреевна относилась резко отрицательно, пошла к некоторым знакомым Руслановой и просила их засвидетельствовать, что Русланова хотела подарить коллекцию именно ей. Некоторые, в том числе и мой хороший знакомый Виктор Ардов, сказали, что все это, мягко говоря, вымысел и никаких писем в защиту «законных прав» падчерицы Руслановой они никогда не подпишут. Но свет не без добрых людей! Кто-то из круга Лидии Андреевны по добrote сердечной, не понимая, конечно, к чему эта их добротка приведет, письмо подписал. Иди проверь, когда Лидии Андреевны нет в живых!

Печальные примеры, я их уже не раз приводил в своих статьях и выступлениях, рассказывал об этих трагедиях, где только мог, в надежде, что подобное никогда больше не повторится. Но ведь мы же ни чему не научились. Коллекции уходят от нас просто с каждым днем. Моя беда, мое горе, что я ничего не могу сделать, не могу весь этот ужас остановить.

Вот последний пример. Не так давно скончался один из самых блестящих корабелов Ленинграда, дважды лауреат Государственной премии СССР, профессор Виктор Владимирович Ашик. Через несколько месяцев умерла его вдова, Муза Михайловна. Вся жизнь у них не было ни дачи, ни машины, ни цветного телевизора. Кому-то, наверное, это покажется нелепым, но Виктор Владимирович и Муза Михайловна жили совсем дружными интересами и были абсолютно счастливыми людьми. Ашики собрали уникальную, единственную в стране коллекцию русских медалей, всех известных по каталогу Смирнова 1908 года, ей поистине нет цены. Картины и рисунки — Кипренский, Брюллов, Кваренги, К. Коровин, Бенуа, Сомов, Кустодиев, Ле Пренс, Петров-Водкин, Нестеров. Редчайшие иконы, книги, миниатюры, печатки, акварели, старинный фарфор, редчайшее худо-

жественное стекло, произведения нумизматики... Слухи о «миллионном состоянии», которое фактически осталось без присмотра, быстро возбуждали аппетиты у всякого рода проходивцев. Опись коллекции Ашиков была сделана преступно недобросовестно. В ней «забыли» упомянуть произведения Кустодиева, Брюллова, К. Коровина, Бенуа, Петрова-Водкина и многие другие картины. Папки с графикой, которые оценивались в 300 и 500 рублей, на самом деле «тянули» на семь-восемь тысяч. Собрание экслибрисов было оценено в одну тысячу рублей, а потом выяснилось, что его цена — не менее 25 тысяч! Бесследно исчезли миниатюры, ибо в описи их лишь 82, а всего было 230, весь раздел нумизматики доекатерининского периода, которым особенно гордился Ашик, самый ценный с исторической и материальной точки зрения. Обо всем этом подробно рассказали «Известия» в октябре 1985 года. Статья называлась «Судьба одной коллекции, которую собирали полтора века, а растеряли в три дня».

Виктор Владимирович обращался в Эрмитаж, затем в Русский музей с предложением принять в дар, безвозмездно его сокровища. Ставил единственное условие: чтобы в экспозиции был бы зал Ашика. Создание такого зала, по сути дела, единственная гарантия, что коллекция не будет разрознена по разным фондам и, самое главное, по запасникам, ведь собиралась она не наобум, имела свою систему — историческую и научную. Тем не менее ни тот, ни другой музей предложение Ашика не принял, от дара отказались. Допускаю мысль, что выделить зал было действительно не просто, но ведь и отказаться тоже проще всего... Тогда Ашик обратился в Третьяковскую галерею. Здесь о зале он уже не просил, понимал, что бесполезно, и предложил музею принять от него в дар всю его коллекцию медалей и жетонов. «От этих слов», — пишут «Известия», — представитель Третьяковки пришел в сильное волнение и принялся уговаривать Ашика, чтобы тот отказался от своих намерений насчет дарения. Доверительно пояснил: иначе, мол, придется создавать новый отдел — нумизматический, а штаты им, конечно, не добавят, скажут — за счет сокращения других отделов, но сокращать-то некого, людей и без того не хватает.

Мог ли воспитанный профессор домогаться таких страшных жертв? Вот и пошла коллекция по миру...

Можно привести и другие трагические примеры, их много, неправдоподобно много, возникает даже своего рода неотвратимая закономерность, по которой стаи родственников слетаются и съезжаются, как только появляется реальная возможность разбогатеть. Деньги нужны всем. Этих людей ничто не останавливает и не остановит. Очевидно, что, помимо чисто корыстных интересов, которые в людях определенного типа и воспитания всегда были сильны, все это свидетельствует еще и о том, что у нас почти утрачена культурная преемственность, потеряны какие-то реальные нити и традиции, связывавшие духовный мир вчерашнего дня с эстетическими потребностями дня сегодняшнего. Раньше дети считали, что продолжать дело своих отцов и дедов — их долг.

А если не продолжать, то хотя бы сохранить, сберечь дело их жизни, относиться к нему с уважением. Сегодня это уходит. Уходит на глазах. Уважение становится редкостью. Не только в нашем деле — во всем. На примере судеб личных коллекций особенно отчетливо прослеживается то реальное снижение уровня культуры, о котором все мы сегодня так много говорим и пишем. Это не может не беспокоить. А какие-то вещи нас всех сегодня просто ужасают.

Например, беда, случившаяся на Крымском валу, 10, когда сотни ценнейших экспонатов, художественных произведений живописи, оказались перед лицом гибели только потому, что новое здание Государственной картинной галереи СССР, на строительство которого ушли десятки миллионов народных денег, оказалось совершенно непригодным. Не просуществовав и трех лет, здание на Крымском валу будет вот-вот закрыто на капитальную реконструкцию, которая потребует многих лет и многих миллионов новых денег. Все это произошло не только из-за преступных ошибок в строительстве. Это в принципе стало возможным из-за наплевательского отношения к духовным сокровищам нашей культуры. Людям безразлично не только, что они делают, но и во имя чего они это делают. Я пожилой человек, прожил жизнь, так вот, я беру на себя смелость утверждать, что все случившееся с «новой Третьяковкой» стало возможным только сегодня, еще двадцать—тридцать лет назад, когда строительство не было таким бездушным, как сейчас, и дома, которые возводились, не были в большинстве своем такими бездушными, как эти ужасные современные «коробки», похожие друг на друга как две капли воды, ничего подобного не произошло бы. Строительство всегда было прежде всего актом духовным, частью культуры. И эти новые дома-коробки тоже по-своему представляют нашу культуру сегодня. От этого горько.

Теперь скажу. Все, чем обернулось мое предложение о создании в Москве Музея личных коллекций, свидетельствует о том же. Об этом не хочется говорить: так это больно. Но говорить надо. Только тогда есть надежда, что драматическая история борьбы за здание для будущего музея станет еще одним уроком для общества...

— Что же все-таки произошло с Музеем личных коллекций, почему он до сих пор не открыт?

— Я бы мог, пожалуй, написать книгу о том, как он создавался, да так и не создался. Это будет горькая книга. Случилось то, на что я, по совести, после принятия всех высоких решений о создании музея уже и не рассчитывал. Мне казалось, что вопрос решен.

После того как в Музее изобразительных искусств закрылась выставка русской части моего собрания, которую, как я уже говорил, за месяц посетило 115 тысяч человек, я передал всю свою коллекцию, почти две тысячи двести произведений, в качестве первоосновы Музея личных коллекций.

«Уважаемый Илья Самойлович! — писал мне в те дни министр культуры. — Министерство культуры СССР благодарит Вас за переданную в дар государству коллекцию — исключительное по своему историко-художественному значению собрание произведений русских, советских и западноевропейских художников... Ваше собрание занимает особое место среди личных коллекций нашей страны и дает широкое представление о развитии отечественной и зарубежной культуры... Ваш дар является актом высокого гражданского сознания, благодаря которому Ваша коллекция стала достоянием советского народа, источником эстетического наслаждения и нравственного воспитания для посетителей вновь создаваемого музея. Мы надеемся, что принятое Вами благородное решение послужит началом нового этапа в деле художественного коллекционирования в нашей стране».

10 июня 1985 года первый заместитель министра культуры СССР подписал приказ: «В связи с передачей доктором искусствоведения

И. С. Зильберштейном в дар Государственному музею изобразительных искусств имени А. С. Пушкина коллекции... создать Музей личных коллекций, переданных в дар государству, на правах отдела ГМИИ им. А. С. Пушкина...» В интервью «Литературной газете» он же сказал: «...Хочу еще раз подчеркнуть чрезвычайную важность и актуальность выступления «Литературной газеты», активизировавшего поиски решений непростой задачи».

Итак, вопрос решен. Дело за зданием.

Нам было предложено открыть Музей личных коллекций в здании бывшей церкви св. Антипия на улице Шапошникова.

Церковь св. Антипия — это склеп. Хранить и выставлять картины здесь невозможно. Через полгода от них ничего не останется, ибо даже неспециалисту ясно, что здесь невозможно обеспечить устойчивый уровень температурно-влажностных показателей и возникает реальная угроза заражения картин грибковыми микроорганизмами, что, к слову скажу, и произошло с произведениями живописи на Крымском валу. Нельзя размещать художественные ценности где попало!

Тем не менее Моссовет стоял на своем. Я ходил, доказывал, объяснял — ничто не помогало. Меня чаще всего встречали равнодушные и скучающие лица. По-настоящему до нашего музея никому не было дела.

Шло время, вопрос оставался открытым. Музей был, но только на бумаге. Коллекции, как это случилось с коллекцией Ашиков, уходили прямо на глаза. Нужно было что-то делать, почти все крупные коллекционеры — пожилые и очень пожилые, как я, люди. Непоправимое могло случиться каждую минуту. Но надежды, что решение вопроса о здании сдвинется с мертвой точки, оставалось все меньше и меньше.

Я предложил предоставить Музею личных коллекций дом 14/1 на Волхонке, находящийся рядом, буквально в десятке метров от Музея имени А. С. Пушкина. Выбор этого здания объяснялся двумя причинами. Во-первых, между ним и Музеем имени Пушкина можно было бы без особых усилий создать подземный или наземный переход, объединив их в единый архитектурный ансамбль. Во-вторых, это ведь совсем не простой дом, он одна из старинных московских достопримечательностей. В XIX веке здесь находились гостиница

и меблированные комнаты «Княжий двор», тут жил Василий Иванович Суриков, о чем свидетельствует мемориальная доска у входа, останавливались многие знаменитые петербуржцы — Горький, Бунин, Репин, Леонид Андреев...

Только спустя два месяца, 11 марта, исполком Моссовета принял постановление: «Во исполнение поручения директивных органов» строение № 6 по улице Волхонке, 14/1, общей площадью 3035 квадратных метров, принадлежащее «Автоэкспорту», передать на баланс Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

Однако «Автоэкспорт» выехать не захотел.

В Оружейном переулке близ площади Маяковского этой организации был предложен другой дом, более удобный и большой, в нем — 4700 квадратных метров. Казалось бы, разве это не решение вопроса? На всякий случай Моссовет нашел для «Автоэкспорта» и другие свободные дома в центре Москвы: хозяин — барин, у него всегда есть право выбора. Но нет. «Автоэкспорт» всеми правдами и неправдами стал оттягивать переезд. Сначала было сказано, что он переедет в 1988 году, потом — в 1989-м. А потом... Потом обсуждение вопроса о здании для нашего музея было перенесено в кабинет товарища В. Т. Сайкина, председателя исполкома Моссовета. Собралось минимум двенадцать человек, представители Фонда культуры во главе с Г. В. Мясниковым, других заинтересованных организаций и обществ. Здесь же находился и кто-то из руководства «Автоэкспорта». Надо отдать им должное: они ни за что не хотели сдавать собственные позиции. В самом деле, переезд — дело хлопотное, трудоемкое. «Автоэкспорту» лишние хлопоты не нужны. В. Т. Сайкин поинтересовался, какие помещения, кроме выделенного мною «Автоэкспорту», изначально предлагались Музею личных коллекций. Ему ответили: церковь св. Антипия. В. Т. Сайкин в тот же день посетил здание этой бывшей церкви и решил, что наш музей может разместиться и здесь.

Так мы вернулись к тому, с чего начинали почти два года назад. Они, эти годы, ушли впустую.

Итак, снова церковь св. Антипия. Что это значит? А то, что Музей личных коллекций нет и не будет, потому что нет такого коллекционера, который отдал бы свое собрание с тем, чтобы оно, просуществовав всего

лишь год, а то и меньше, погибло, как это произошло на Крымском валу, пусть даже и под «маркой» музея.

Затем последовало новое предложение В. Т. Сайкина — передать для Музея личных коллекций находящееся напротив Музея изобразительных искусств двухэтажное здание Дома культуры. Но ведь это так же смешотворно, как и первое предложение, — устроить наш музей под кровом св. Антипия! Дом культуры — это прежде всего огромный зрительный зал да еще несколько крошечных комнат. А главное — это здание давно заражено грибом!

Горестно, невыносимо горестно уходить из жизни, а мне, между прочим, уже 83-й год, с мыслью, что дело шестидесяти лет твоей жизни, необходимого людям, обществу, поддержанное сотнями людей, не может быть реализовано в музее, то есть дойти до своего исторического результата только лишь потому, что все еще очень сильны рецидивы бюрократического отношения к делу, волкиты и бездушия.

Да, до всего руки не доходят, да, от ошибок никто не застрахован, да, какие-то вопросы приходится решать мимоходом, наспех, не имея достаточного опыта, ибо нельзя же иметь равный опыт во всех сферах жизни большого города сразу... Но от этого ведь не легче.

Еще в 1911 году А. М. Горький в письме к Н. Е. Буренину утверждал: «Искусство действует как солнце, оно возбуждает энергию». В дальнейшем, сетуя в 1917 году на то, что по стране идет грабеж художественных ценностей, Алексей Максимович писал: «Дело в том, что Россию грабят не только свои русские, а иностранцы, что гораздо хуже, ибо русский грабитель остается на родине вместе с награбленным, а чужой — улетывает к себе, где и пополняет, за счет русского ротодействия, свои музеи, свои коллекции, т. е. — увеличивает количество культурных сокровищ своей страны, сокровищ, ценность которых — неизмерима, так же, как неизмеримо их эстетическое и практическое значение. Они не только воспитывают вкус и любовь к изящному, не только возбуждают уважение к творческим силам человека, но и служат возбудителями стремления к созданию новых вещей, новых форм красоты и, таким образом, влияют на развитие художественной промышленности. А вместе с неизбежным изменением социальных условий, вместе с приобщением демократии к культуре, воспитательная роль художественной промышленности будет огромна и развитие ее быстро». Завершал Горький следующими словами: «Мы и тут поплетемся сзади других, а мудрецы наши будут охать, высказывая запоздалые и бессмысленные сожаления».

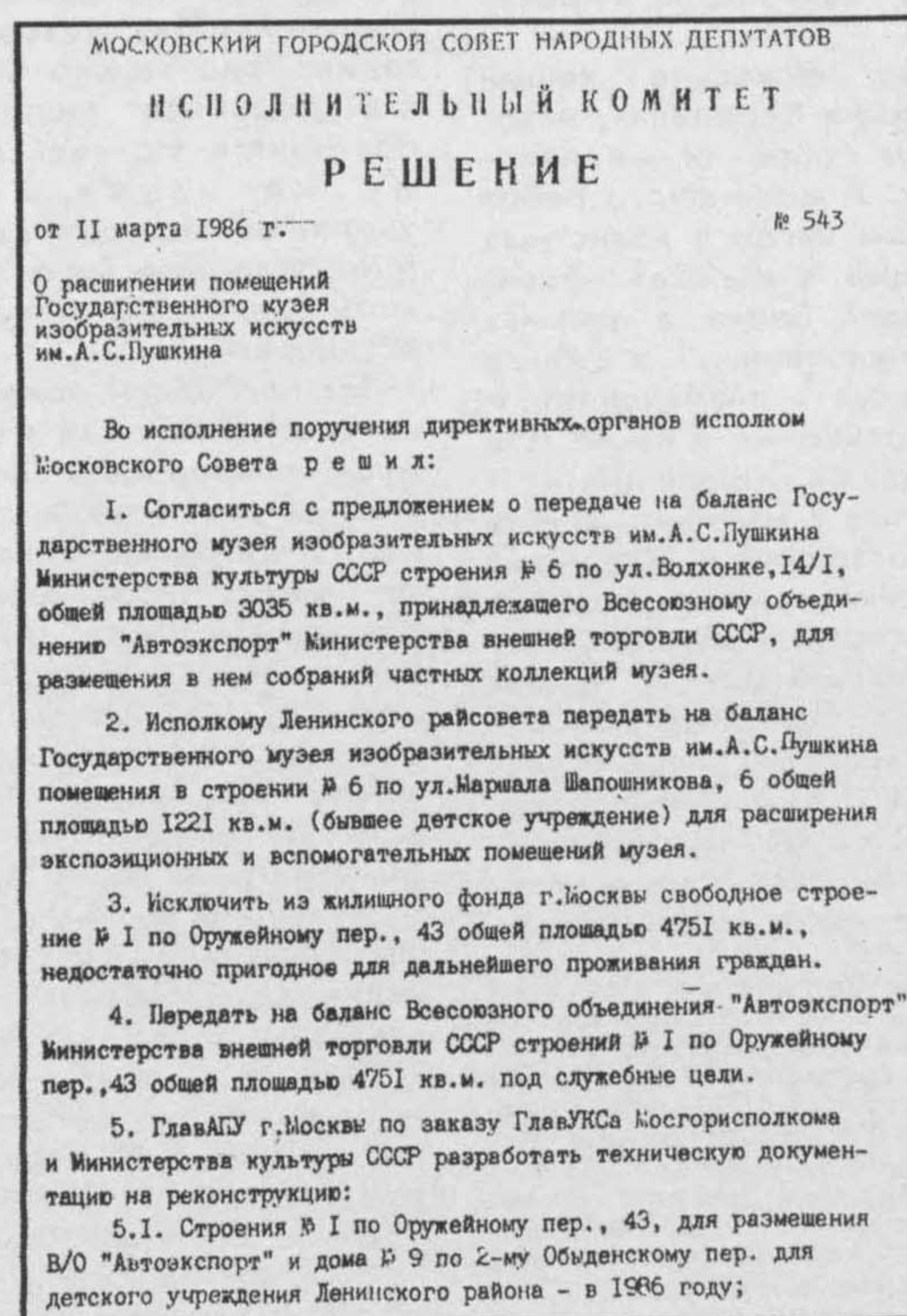
— Ведь сколько было у нас в России прекрасных вещей величайшего значения, и художественного, и научного, а вот — все исчезло! Так жаль, что не догадались своевременно собрать их, устроить музей — как бы хорошо было это!

Поохают и — успокоятся.

А, между тем, время еще не ушло, и можно бы сохранить много ценного и необходимого для культуры России».

Как злободневны эти слова сегодня!

12 ноября прошлого года в Колонном зале Дома союзов состоялась Учредительная конференция Советского фонда культуры. Был рад, что на этой Учредительной конференции я был избран членом президиума правления Советского фонда культуры. Центральная пресса в связи с созданием этого фонда призывала «сохранить и преумножить сокровища бессмертных творений», и это в полной мере отражает то, что мы,

многие и многие деятели нашей культуры, горячо поддерживаем. Да, необходимо делать все невозможное, чтобы народным достоянием становились богатства отечественной и мировой культуры. Так почему же, когда мы, весьма почтенного возраста коллекционеры, просим принять от нас то, что собирали долгие десятилетия, а хотим лишь одного — предоставить здание, достойное столичного Музея личных коллекций, то в ответ, несмотря на «поручение директивных органов», мы наткнулись на явный саботаж...

Я оказался в ложном положении. Имея на руках приказ Министерства культуры СССР о создании музея, я, не теряя времени, обратился к многим своим коллегам, и прежде всего за рубежом. Как я и ожидал, целый ряд наших соотечественников сразу же сказали о своей готовности передать свои коллекции или большие части своих коллекций, составленные из произведений русского искусства, в безвозмездный дар нашей стране. Читателям «Огонька» не нужно представлять Эдуарда Александровича Фальц-Фейна, обладателя уникальной коллекции русских икон, произведений самых разных отечественных мастеров XV—XIX веков, найденных, спасенных и купленных им за рубежом. Узнав об открытии Музея личных коллекций, точнее, о том, что это открытие вот-вот состоится, Эдуард Александрович написал мне, что хотел бы передать в него многие свои сокровища, и — как гарантия того, что он свое слово обязательно сдержит, — сразу же прислал две замечательные работы: «Портрет Екатерины II» школы Д. Левицкого и небольшой бюстик работы молодого Антокольского, что особенно ценно, ибо в нашей стране осталась только одна работа молодого Антокольского. Сейчас я получаю от Фальц-Фейна открытку: «Когда же откроется наш музей? Что я могу ответить? Все как есть? Что «Автоэкспорт» не уступает здание?

Никита Дмитриевич Лобанов и его жена, живущие в Лондоне, в течение 20 лет собирали русское декорационное искусство. У них 1200 работ наших лучших мастеров — Бакст, Добужинский, Бенуа... Я говорил с Лобановым, он готов передать часть своей коллекции в музей, ждет этого, постоянно спрашивает меня, как идут дела. Николай Александрович Бенуа, сын Александра Бенуа, сам великолепный художник, уже сделал первый дар — передал 80 эскизов к «Мазепе» Чайковского. Еще совсем недавно мы могли бы иметь выдающуюся по своей ценности коллекцию Сержа Лифаря. Впрочем, если музей так и не будет открыт, мы не получим вообще ничего.

Я дал слово: если я буду жив, за год «приведу» в музей минимум десять крупных личных собраний наших соотечественников за рубежом. Смею думать, что, кроме меня, это в таком объеме не сделает уже никто. Но музея-то нет. Получается, что я беру все для себя, а не для нашей страны, не для наших людей. Ни один настоящий коллекционер не отдаст свое собрание в запасы, и это для всех нас абсолютно естественно...

— Что же дальше, Илья Самойлович, что будет с вашей коллекцией?

— Не знаю. Ума не приложу. Уверен, что время работает на нас, а не против нас, что здравый смысл рано или поздно победит. Но сами понимаете, что одной этой уверенности мало.

И все-таки я надеюсь. Перемены, происходящие сегодня в стране, обнадеживают и дают силы. Так что будем считать, что мне просто не повезло...

Вели беседу К. АНДРЕЕВ,
А. ПАХОМОВА.

В публикации
Татьяны Копыловой
«Судьба дома Гагариных»
(«Огонек» № 9, 1987)
рассказывалось о том,
как на родине космонавта
недавно был снесен дом,
подаренный Советским
правительством родителям
Юрия Гагарина в честь подвига
их сына в 1961 году,
а спустя 23 года переданный
Анной Тимофеевной Гагариной
в дар Мемориальному музею.

Редакция получила множество откликов. «Как только могли додуматься до такого кощунства? Снести родительский дом! Дом, с которого и начинается весь современный город Гагарин! — пишет военнослужащий А. Агафонов из Казахстана. — Дом был одним из интереснейших мест на Смоленщине. Мне до мельчайших подробностей помнится экскурсия в 1973 году, когда нас, школьников-семиклассников, очень просто, по-человечески встретила Анна Тимофеевна у своего дома, рассказывала о сыне... До глубины души возмущен преступно-халатным отношением руководителей Смоленской области». «Это же безобразие — стараться убрать из нашей памяти подлинные сведения о жизни и быте семьи Гагариных!» — негодует ветеран труда педагог З. В. Морохина из г. Апатиты Мурманской области. «Нужно немедленно восстановить дом Гагариных за счет виновных и организовать в нем музей!» — считает участник Великой Отечественной войны ленинградец А. Донченко.

Читатели единодушны в своих чувствах: возмущаются свершенным надругательством над памятью и историей, требуют исправить ошибку в соответствии с гласностью, назвать инициаторов сноса, строго спросить с них.

Об этом в письмах Н. И. Кагальницкого (Калмыцкая АССР, пос. Комсомольский); К. И. Ведерниковой, Т. Б. Карповой, Г. Я. Короткевича (Москва); Н. М. Копьева (Красноярский край, Партизанский район, дер. Ивашиха); П. И. Теплова (Московская область, г. Мытищи); Н. С. Попова (Чимкентская обл., Тьюлкубасский р-н, с. Ванновка); Н. А. Горева (Киров); Т. С. Самхарадзе (Тбилиси); О. А. Савельева (Алма-Ата); А. А. Курбьева (Читинская обл., рудник Ново-Акатуй); С. Радомской (Мурманск); семьи Лифановых (Ставропольский край, с. Калиновское); восьмиклассников средней школы (с. Широкое, Запорожская обл.); пятикурсников Ишимского пединститута (Тюменская обл.) и многих других.

Среди писем, которые получила редакция, есть такие, которые мы решили опубликовать полностью.

«От всей души благодарю за то, что вы подняли на страницах журнала такой наиболее важный вопрос, как сохранение памяти о первом космонавте планеты Ю. А. Гагарине. Статья Татьяны Копыловой очень ярко и злободневно говорит о печальной судьбе дома Гагариных в городе Гагарине. Недобрая рука так безжалостно расправилась с домом, где жили родители Юрия Алексеевича, куда он часто приезжал, где 23 года жила его мать, скромная, мудрая и добрая женщина. Она сама заслуживает того, чтобы была сохранена теплая память о ней.

Мне не раз пришлось бывать в этом уютном и гостеприимном доме, в одной из комнат которого висел огромный портрет (во всю стену) Ю. А. Гагарина. Когда на праздновании 80-летия Анны Тимофеевны ей вручали ключ от квартиры в новом комфортабельном доме, в голову не могло прийти, что старый дом будет сломан,

ВОЗРОДИТСЯ ЛИ ДОМ ГАГАРИНЫХ? — ВОЛНУЮТСЯ ЧИТАТЕЛИ «ОГОНЬКА»

что памяти о Ю. А. Гагарине и его матери будет нанесен такой непоправимый ущерб. Но зло свершилось. Почти 20 лет прошло со дня трагической гибели первопроходца Вселенной — нашего советского человека, а уже сейчас шаг за шагом равнодушные и недобрые люди стирают память о нем, и каждый такой шаг заслуживает самого гневного осуждения. Так и хочется им сказать: «Остановитесь! Не обкрадывайте потомков!»

Лауреат
Государственной премии СССР
В. ШИТОВ.

«К вам обращаются родственники Ю. А. Гагарина со словами самой глубокой благодарности за публикацию статьи Т. Копыловой «Судьба дома Гагариных». Нам очень больно, что в нашем городе так небрежно относятся к увековечению памяти Ю. А. Гагарина: прошло почти 20 лет с момента гибели первого космонавта, а у нас в городе нет мемориала, достойного отражающего его жизнь и деятельность. Мало того, что за столько лет ничего не было построено, так ухитрились сломать то, что имели.

После публикации статьи нам стали звонить знакомые и незнакомые люди. Ведь тот небольшой домик на улице Гагарина, где жила наша мама и бабушка, помнят многие люди страны. Двери его были открыты для всех, кто приезжал на родину первопроходца космоса, их всегда приветливо встречала Анна Тимофеевна. И первый вопрос, который сейчас задают люди: «Кто до такого додумался, чтобы снести дом родителей космонавта?»

В феврале 1987 года у нас в городе прошла учредительная конференция ветеранов войны и труда, в решении которой есть и пункт о немедленном восстановлении дома родителей Ю. А. Гагарина на старом месте за счет тех, кто снес этот дом. Наши ветераны настроены очень серьезно в этом вопросе и обещали, что непременно добьются выполнения своего решения.

Примите от нас, пожалуйста, самые сердечные слова благодарности за то большое дело, которое вы сделали для сохранения памяти о нашем Юре. У нас появилась реальная надежда, что вопрос будет изучен и решен.

В. ГАГАРИН — брат космонавта,
З. БРУЕВИЧ — сестра космонавта,
Т. ФИЛАНОВА — заведующая
Мемориальным музеем
имени Ю. А. Гагарина,
племянница космонавта.

«Нас, космонавтов, не могла не взволновать статья «Судьба дома Гагариных», опубликованная на страницах вашего журнала.

Дом этот был скромный. Многие из нас там бывали и при жизни Ю. А. Гагарина вместе с ним, и уже после его гибели. Всегда для всех находилось в нем место, теп-

лое слово, родительское внимание Анны Тимофеевны и Алексея Ивановича. Это было последнее подлинное строение на родине космонавта, связанное с его жизнью. Тем большая должна была быть проявлена забота о его сохранности и неприкосновенности.

В публикации указано, что в городе Гагарине четыре года назад был выстроен трехэтажный «Дом космонавтов». В одном крыле была выделена квартира матери Юрия Гагарина, в остальных помещениях оборудованы люксы, где, предполагалось, будут останавливаться приезжающие на родину первого космонавта его друзья.

В связи с этим со всей определенностью должны заявить: ни руководство, ни политотдел Центра подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина никогда, ни к кому с просьбами о строительстве особняка не обращались. Более того, считаем, что возведение подобных зданий наносит большой ущерб нравственности. Невольно внушает мысль, что космонавтам требуются какие-то особые условия. Никогда космонавты на такие привилегии не претендовали.

Сохранение в целостности дома семьи Гагариных необходимо. Он прекрасно показывает скромность, простоту, трудолюбие и нетребовательность в вопросах личной жизни как самого Гагарина, так и его родителей.

В заключение считаем необходимым высказать свое мнение: необходимо полностью восстановить дом родителей Юрия Гагарина на прежнем месте; новое строение, которому необоснованно присваивается наименование «Дома космонавтов», передать под экспозицию Мемориального музея; весь музейный комплекс передать в ведение Министерства культуры СССР.

Хотим поблагодарить редакцию журнала «Огонек», поднявшую важную тему уважения и сохранения памяти о нашем друге и командире, имя и дела которого дороги всем людям Земли.

Начальник Центра подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина
дважды Герой Советского Союза,
летчик-космонавт СССР,
генерал-лейтенант авиации
В. ШАТАЛОВ,
начальник политического отдела
Центра подготовки космонавтов
дважды Герой Советского Союза,
летчик-космонавт СССР,
генерал-майор авиации
П. КЛИМУК.

* * *

Вот уже несколько месяцев не отвечают на вопросы, поставленные в публикации, работники Министерства культуры СССР, руководители Смоленской области. Редакция ждет ответа, чтобы познать с ним читателей, которые продолжают нам присылать письма, полные возмущения.

ВСТРЕТИМСЯ У ТРЕХ ЖУРАВЛЕЙ

АФГАНИСТАН: ДНЕВНИК РЕПОРТЕРА

Артем БОРОВИК Фото автора

Никогда не знаешь точно, сколько времени проходит с момента ранения до того, когда начинаешь чувствовать боль.

Иногда — секунда.

Иногда — час.

Иногда — больше чем вечность.

Командир минометного взвода лейтенант Слюньков замерил этот промежуток точно. Получилось, как он говорит, «строгое пять секунд».

«Духи»¹ начали обстрел эрэсами². Слюньков мигом глянул на часы, чтобы засечь время между вспышкой от пущенного второго снаряда и подоспевшим звуком. В тот самый момент он почувствовал удар в плечо. Удар, но не боль.

В суматохе Слюньков не обратил на него внимания. Он продолжал следить за стрельбой, чтобы помножить потом секунды на 333³ и получить дальность огня. Однако помножить не смог: боль бросилась на него с ревом локомотива, врывающегося в туннель.

— Мне повезло, — сказал он, — плечевое ранение — романтическое ранение.

В доказательство он растегнул ворот и оттянул тельняшку.

Романтики там было мало.

Иногда боль вливается в тебя одновременно с осколком. А случается и так, что она вообще не приходит. Это как далекая-далекая гроза: молния вспыхнула, а громыхнуть забыла. Только вдруг услышишь хлопанье в ботинке — точно ноги промочил. Хотя вокруг пустыня без конца, края и воды.

Или почувствуешь, что тельняшка, став сырой и тяжелой, плотно облепила грудь, спину, бока — вроде как вспотел. Только сильнее обыч-

ного. Лейтенанту Манееву пуля попала в живот, а он это заметил, лишь когда солдат, смущаясь, сказал: «Товарищ лейтенант, а у вас вроде дырочка...»

— Классический случай внутреннего кровоизлияния, — улыбается Манеев. — Но пусть уж лучше боль приходит вслед за ранением. Хуже — если смерть.

Говорят, не дано услышать свист пули, которая тебя убьет. Но это лишь говорят. На самом деле дано.

Шли ожесточенные бои близ кишлака Малям-Гулям, что под Ханабадом. Был получен приказ выйти к «зеленке»⁴ и замкнуть кольцо вокруг банды. Но головной взвод напоролся на «духовский» опорный пункт: ни укрыться, ни окопаться — окрест лишь затопленные рисовые чеки. Командир взвода лейтенант Лобачевский получил ранение прямо в сердце.

— Веришь — нет, — сказал мне майор Новиков, к которому были обращены последние слова лейтенанта, — Лобачевский связывается по рации с КП и докладывает: «Разрешите выйти из связи. Я убит».

Я верил.

История была слишком невероятной, чтобы не верить.

Смерть на войне — дело обычное. Не менее банальное, чем тушенка в сухпайке или мозоли на ногах. О ней говорят запросто. Порой — с юмором. («Что жизнь после смерти! Ты ответь мне лучше, есть ли жизнь до смерти?»)

Будь Смерть наделена разумом и всеми сопутствующими ему атрибутами типа гордыни и самолюбия, она обязательно бы возмутилась от столь панибратского к ней отношения. Вой-

Перед высадкой десанта на вертолетах в горы.

на срывает с нее ореол таинственности. Загляните в наш медсанбат, и вы сами убедитесь: смерть — это надрывные крики раненых; смерть — это безмолвный стон в глазах тех, кто уже не в силах кричать; смерть — это запах промедола, спирта, крови и чего-то еще, что живой мозг не может определить.

— Смерть — сука, — скажет вам майор Новиков.

И будет прав.

— Понимаешь, — уточнит полковник Заломин, стиснув средним и большим пальцами виски, — она ведь берет лучших наших ребят...

— И все-таки, — почти про себя шепнет полковник Пешков, — о ней надо думать. Нельзя откладывать этот вопрос до последних дней, на крайний случай. Мысль о смерти не должна застать тебя врасплох, когда ты будешь измучен или слаб.

— А что мне ее бояться, — ухмыльнется лейтенант Лукьянов, громыхнув аппаратом Илизарова, — чему быть, того не миновать. Лично для меня она никакой рояли не играет: пока я есть — смерти нет, когда она придет, меня уже не будет...

— Моя смерть, — пояснит прапорщик Белоус, умеющий излагать мысли компактно и драматично, — может огорчить кого угодно. Только не меня.

...Разговаривая с этими людьми, я не переставал поражаться той громадной внутренней работе, которую проделали душа и мозг каждого из них, чтобы прийти к такому вот спокойному и даже деловитому отношению к смерти. Я поражаюсь до тех пор, пока не понял: привычка думать о смерти как о естественном, обычном и в конечном итоге том единственном, в чем человек может быть абсолютно уверен, уничтожает всякий страх перед нею.

¹ «Духи» — душманы.

² РС — реактивный снаряд.

³ 333 м/сек. — скорость звука в воздухе.

⁴ «Зеленка» — зона зеленой растительности.

Раннее-раннее утро. Часов пять. Быть может, самое начало шестого. Дорога Кундуз — Багланы ужом извивается между сопкок, обвивает их, ползет вверх, скользит вниз, прячется от моих глаз; вдруг опять где-то совсем далеко сверкнет на солнце ее мокрая спина.

Вдоль горизонта тянется вереница гор. Сахарные пики тех, что повыше, отрезаны от оснований тонкими блинообразными облаками, медленно, словно жидкое тесто на сковороде, растекающимися по небу. Почти пасторальная идиллия: еще чуть-чуть, и поверишь, что это высокогорный курорт где-нибудь в Швейцарских Альпах.

Кстати, в дорожном атласе, изданном тридцать лет назад в Кабуле специально для иностранных туристов, путешествующих на автомобиле, провинция Кундуз так и названа — «Афганская Швейцария». Карта досталась мне прошлым летом в подарок от одного старого журналиста-англичанина, приехавшего в Кабул недели на две с группой западных репортеров. Кроме карты и любви к виски, он обладал пышной шевелюрой еще гнedyх волос, делавших его похожим на классического британского льва. Атлас этот помогал ему ориентироваться здесь в пятьдесят каком-то году, когда он с семьей разъезжал по Афганистану в белом «ягуаре». Карта прохудилась на сгибах и, ко всему еще, была усыяна рыжими кляксами не то чая, не то виски. Однако это лишь красило ее, придавая какой-то дополнительный смысл. Словом, прелесть что за карта. Особенно теперь, когда она никому не нужна. Карта-реликт. Карта-призрак. Любопытно было бы увидеть моего британского коллегу в его белом «ягуаре» с этим атласом на коленях сейчас, путешествующим из Кундуза в Багланы вот по этой самой дороге. Интересная получилась бы картинка.

Часов в семь, когда солнце становится яростней, облака покрываются едва заметной золотистой корочкой, а еще не успевшая подсохнуть дорога блестит, точно размотанный в длинную ленту рулон фольги. И если ты посмотришь на нее сквозь бинокль, глаза мигом защиплет от проступивших слез.

Но стоит проехать по ней первые пять метров, тут же поймешь, что она, как и все трассы Афганистана, израненная дорога. Ее изувеченное минами и снарядами тело спазматически корчится между сопками.

Если бы дороги могли выть от боли, я предположил бы стать глухим на отрезке Кундуз — Багланы.

Наши две брони¹ движутся медленно, не более 25 километров в час. Мы старательно объезжаем воронки, некоторые из которых больше похожи на кратеры: «духи» здесь поработали от души. Тяжелые бронированные машины раскачиваются, как два катерка в сеимбалльный океанский шторм, вот-вот готовые черпнуть бортом воду из вьющейся справа реки Баглан.

Наш механик-водитель, устав крутить баранку, норовит свернуть на левую обочину — она не столь изрыта минами и ехать здесь можно быстрее. Ничто так не действует на нервы русскому солдату, как по-черепашьему медленная езда. Тогда подполковник Артеменко кладет свою широкую ладонь на ежиковатый, прогретый солнцем и рыжий от дорожной пыли затылок водителя и поворачивает его направо: машина мгновенно вырывается на самую стремнину дороги: здесь вроде бы побезопасней, засунуть мину под асфальт не так-то просто. Впрочем, «духи» поднапорели и по этой части. Да и вообще безопасность в Афганистане, как нигде, подчинена не столько законам обычной военной логики, сколько везению: не захочешь, а станешь суеверным.

Проскакиваем расположение 507-го национального полка. Еще год назад он сражался на стороне контрреволюции, но недавно примкнул к народной власти, потребовав от правительства выполнения ряда условий: не призывать его бойцов в регулярную армию, снабдить полк боеприпасами и оружием, выделить территорию, которую он бы защищал от посягательств душманов. Правительство выполнило все требования, хотя зачастую такие шаги сопряжены с серьезным риском: случилось, что, пополнив за государственный счет свои арсеналы и получив передышку для восстановления сил, подобного рода военизированные формирования потом опять начинали боевые действия против регулярных афганских войск и советских подразделений.

Часам к двенадцати дорога подсохла, и теперь мы тащим за собой шлейф густой клубящейся пыли метров в тридцать длиной. Брони, идущие позади, не разглядеть. Слышен лишь рев ее движков. Лица наши вроде как загорели, но стоит провести по лбу носовым платком, и весь «загар» останется на нем в виде рыжей пудры.

Вдоль обочин бредут безразличные ко всему в этом мире ослы, нагруженные так, что видны лишь их уши, следом — погонщики с тоненькими прутиками в руках. Разглядывая этих навьюченных многопудовыми мешками с рисом, связками дров, каким-то немыслимым домашним скарбом животных, я не переставал дивиться их отстраненному, почти созерцательному отношению к жизни. Ни гром четверки истребителей, пролетающих в двух десятках метров над их ушами, ни рычание БТРов, теснящих их на обочины, ни грохот разорвавшейся поблизости мины — ничто не может вывести животных из молчаливого спокойствия. Быть может, они познали что-то, чего не ведаем мы, но просто дали обет молчания?

— Все, Багланы, залезай в броню! — командует Артеменко, и я быстро выполняю его приказ.

Впрочем, он мог этого не говорить: и без чужой подсказки понимаешь, что ты на подступах к Багланам. Здесь уже четвертые сутки подряд наши бок о бок с подразделениями 20-й афганской дивизии, тремя оперативными группами МГБ и цараном держат в плотном блоке отряд Гаюра, к которому примкнули остатки разгромленных бандформирований, обстрелявших недавно таджикский городок Пяндж. По данным разведки, в окружение попало около трехсот пятидесяти душманов, превративших Южный Баглан в свой базовый укрепленный, оборудованный по всем законам современной фортификационной науки.

В прошлом году Гаюр отправился в Пакистан, а в феврале этого года вместе с несколькими большими караванами вернулся, доставив в провинцию Кундуз, точнее, в город Южный Баглан, несметное количество боеприпасов и оружия. Сейчас он ведет огонь из двадцати ПЗРК китайского производства, пяти безоткаток. У него на вооружении — двадцать РПГ², 8 минометов, пулеметы, 76-миллиметровые пушки, одна 122-миллиметровая гаубица.

Второй наш БТР обстрелял пулемет, но мы этого не заметили, потому что частые астматические залпы почти в зенит работающей артиллерии заглушают все остальные звуки.

Сквозь щель для стрельбы из БТРа видны равные облака дыма, плавающие над городом. Вдоль обочин дороги безжизненно застыли подорванные на минах КамАЗы, несколько афганских автобусов. С грохотом прицельного артиллерийского огня, вспышками взрывов совершенно не вяжутся несколько сгорбленных фигур крестьян, пахущих еще не успевшую иссохнуть серо-желтую землю в седловине между двумя горами. И уж совершенно фантастически выглядит цирюльник с деревянным гребнем и длинным лезвием в коричневых старческих руках. Он сидит на коврике под тощим эвкалиптом у самой дороги.

² РПГ — ручной противотанковый гранатомет.

Каждая звездочка на самолете под фонарем означает, что летчик-истребитель совершил десять боевых вылетов.

Он застыл в ожидании клиента. Он провожает нас тихим, все понимающим взглядом.

Если на дороге затор и мы останавливаемся, к нам мигом подбегает целый выводок легких, поджарых ребятишек (на местном жаргоне наших солдат — «бачат») — мал мала меньше. Они размахивают сумочками с американскими противогазами и кричат: «Командор, Гаюр — газы! Гаюр — газы!»

— Это они нас предупреждают, — орет мне прямо в ухо Артеменко, пытаюсь перемочь рокот двигателей, — что у Гаюра на складах химические мины! Понял?

Я что-то кричу изо всех сил в ответ, а глаза автоматически рыщут по кабине в поисках хоть одного противогаза.

— Но, может быть, — дерет мне ухо своей щетиной Артеменко, — Гаюр подкупил бачат игрушками, чтобы посеять панику среди солдат! Понял?

Тем временем подъезжаем к нашему КП. Он расположился на небольшом холме в кирпичном домишке, обмазанном глиной. Здесь раньше обитал губернатор провинции Кундуз, решивший подыскать для жилья более безопасное место. Вокруг холма спиралью закручена дорога, ведущая прямо к дверям. Вместо стекол, выбитых вчера взрывной волной, в окнах натянут дымчатый целлофан. Потолок и стены отделаны плетеной соломой и грубыми досками, видимо, от снарядных ящиков. При каждом близком разрыве гранаты сухая глиняная пыль осыпается сквозь щели прямо за воротник. Стоит деревянный стол с разложенными на нем картами. Рядом — посережние от времени лавки.

Напротив меня сидит полковник Шеховцов. Это рано поседевший, крепко сложенный человек. За его плечами уже порядочный боевой опыт, о котором свидетельствуют не только минимальные потери в подразделениях (хотя, конечно, даже потерю одной человеческой жизни вряд ли можно назвать минимальной), молниеносное окружение гаюровской банды или недавняя операция по уничтожению группировки Ортабулаки, но и serene спокойные глаза, внушающие уверенность в успехе дела. Он говорит тихо, ровно, почти не повышая свой слегка хриловатый голос. Точно так же он отдает лаконично-емкие приказания по телефону, при этом не выпуская потухшей сигаретки из прямого, с бледными губами рта. В углу приютился лейтенант. На его голове защитный шлем вертолетчика, служащий одновременно и как каска, и как рация.

— Среди всех банд, орудующих в провинции Кундуз, Гаюрова оказалась наиболее ожесточенно настроенной против национального примирения, — говорит Шеховцов, оторвавшись от телефона. — После 15 января он резко увеличил число обстрелов наших и афганских застав, мирных кишлаков в районе Пули-Хумри. Поэтому сразу после того, как мы закончили разгром группировки Ортабулаки, обстрелявшей эрсами Пяндж, было принято решение двинуться дальше на юг и блокировать Гаюра здесь, в Южном Баглани. Он трудный противник, хорошо знающий нашу тактику. — Шеховцов на секунду задумался. — Впрочем, как и всякий бывший друг, оказавшийся предателем. Ведь раньше Гаюр был на стороне революции. Более того, он учился в Союзе. Потом переметнулся в стан душманов и с восьмидесятого года начал активные боевые действия на территории Афганистана. Воюет он подло: под страхом смерти запрещает выходить мирным жителям из окружения, держа их в качестве заложников. Но все равно и наши, и афганские агитотряды продолжают работать: в результате под прикрытием огня нам удалось вызвать оттуда всех женщин, стариков и маленьких детей. Тогда он вооружил пацанов, начиная с десятилетнего возраста, заставив их воевать. Но дети поверили нам, а не ему и за две ночи, сдав оружие, вышли через фильтрационные пункты блока.

Резко открывается входная дверь, и сквозь нее слышен нарастающий томительный вой мины. Она пролетает мимо и падает где-то позади КП, чуть левее. В грохоте взрыва можно разобрать дробный шум осколков и комьев грязи, ударившихся о стены бывшей резиденции губернатора.

Вбегает, чуть согнувшись, майор и, едва отдышавшись, обращается к Шеховцову:

— Золотаренко срочно просит танк с тралом. — Возьми, — говорит Шеховцов, не отрывая глаз от «пятидесятки», — но не больше чем на час.

Майор убегает, а Шеховцов просит телефониста соединить его с «Сонатой».

— «Соната», как слышишь? У тебя слишком большие разрывы между блоками — стань плотней. — В другую трубку, зажав ее плечом и головой, как скрипку, говорит: — Продумай, Петрович,

¹ Броня — бронетранспортер (БТР).

группировку артиллерии, минометов, чтобы можно было вести беспокоящий огонь по камышовой и зеленой зонам. Понял, да? Давай действуй!

Незаметно для себя на КП я прикончил полпачки сигарет.

Шеховцов выходит меня проводить. Все чуть пригнулись к земле, лишь он стоит прямо, глубоко затягиваясь свежим воздухом.

— Не бойтесь гаюровских снайперов? — спрашиваю его.

— А ну их к черту — унижаться еще! — шурится на солнце Шеховцов. — Сейчас бои идут с десятой на девятую и с третьей на четвертую улицы: начинаем помаленьку сжимать клещи. А в 17.00 после артподготовки начнем брать пятую и восьмую улицы. Пока что между тисками блока два с половиной километра, а надо сблизиться до одного: тогда Гаюру некуда будет деваться...

В это время трещит телефон внутри, и Шеховцов скрывается за дверью.

Внизу, прямо у нашего БТРа, танцует волчок из пыли и песка. Он вращается все быстрее, закручивая уже мелкие камешки и сухие ветки. Он пляшет на одной ноге, вертается вокруг своей оси, как прима-балерина, завораживая зрителя, увлекая его и все вокруг в свой головокружительный танец. Это «афганец». Мы прячемся в БТР. Если не от кумулятивного снаряда, то уж от ветра машина нас защитит.

Гаюр здорово изуродовал своим огнем Баглан. Стоят дома-обрубки, лежат дома-трупы. А от этой глинобитной хижины не осталось вообще ничего. Одно лишь воспоминание.

Над головой грязным, сырым холстом висит расстрелянное небо. В нем молча, с остервенением дерутся два белых орла. Птицы тоже привыкли к войне.

Близ развалин одной из лачуг молится мальчик лет семи: подошло время намаза. Он делает это истово, вернее, неистово. Быть может, так молятся лишь в детстве.

Подъезжаем к одному из фильтрационных пунктов, входящих в блок. Он состоит из БТРа и звуковещательной станции. Вылезаю из брони, чтобы сделать несколько снимков, и ощущаю себя черепахой, которую вытащили из панциря.

Один из офицеров местного управления МГБ рассказывает мне, что основная масса жителей, покидающих блокированную зону, выходит именно через этот фильтрпункт.

— Мы проверяем очень тщательно документы и наличие оружия. Но дело это сложное, — говорит он и щиплет свои роскошные усы. — Под видом местных крестьян из блока стараются выйти бандиты Гаюра. Вот эти двое, — он показывает на бородатых рыжеволосых парней лет двадцати, сидящих на обочине, — напялили на себя женскую одежду и попытались проскочить.

У парней вид довольно безобидный. Я говорю об этом офицеру.

— Безобидный до тех пор, пока они не начнут в вас стрелять, — отвечает он. — Впрочем, переодевание — хитрый, но уже порядком избитый прием: они рассчитывали на то, что с женщины не снимешь чадру. Однако мы предвидели такой вариант и специально пригласили двух девушек из местного управления МГБ, чтобы в таких щекотливых случаях они помогали. Впрочем, этих-то мы и сами быстро раскусили: даже женщины очень крупные не носят ботинки, — офицер кивнул на ноги «духов», — сорок третьего размера.

Гляжу на носки здоровенных пыльных башмаков, выглядывающих из-под длинных, до самых щиколоток, дамских платьев, и думаю о том, что некоторые из исторических предшественников этих парней были более везучими.

Я провёл на фильтрпункте около двух часов, хотя работы у афганских чекистов уже почти не было: практически все мирные покинули Южный Баглан. Двое солдат, позевывая, сторожили неудачливых «духов», а трое других начали жечь заросли камыша, чтобы ночью бандиты не смогли подойти незамеченными вплотную к пункту. Камыш был еще сырым после ночного ливня, и огонь занимался нехотя. Впрочем, и его хватало, чтобы погреться.

Минут через сорок в пятистах метрах от нас дорогу начала переходить отара длинношерстных овец. Животные непрестанно блеяли; следом за ними шли пастухи. Их было чуть меньше, чем овец в стаде, — человек девять: что-то многовато для такой отары. Вместе с майором МГБ Саидом Исмаилом, начальником фильтрационного пункта, человеком с печальным, но пронизывающим насковзь рентгеновским взглядом, мы подошли к стаду, даже не захватив автоматов: па-

стухи шли без оружия. На длинных рубахах каждого из них краснели значки «XXVII съезд КПСС». Они приветливо улыбались и что-то очень быстро говорили Саиду. Тот внимательно проверил их документы, а потом подозвал трех своих солдат, безуспешно поджигавших злосчастный камыш. Те подошли и молча отсекали пастухов от стада. Овцы удивленно глазели по сторонам, а Саид, быстро развернувшись, схватил одну из них и зажал промеж коленей.

— Хочешь и ее документы проверить? — вяло пошутил я.

В ответ он распорол ножом две толстые ворсистые бечевки, которыми спереди и сзади была опоясана овца, и вытащил у нее из-под брюха новенький автомат.

— Проверь-ка вон эту! — крикнул он мне, кивнув на соседку только что разоруженной овцы.

Я оказался не столь ловок и поймал ее лишь со второй попытки. Обняв овцу за «талию», я нащупал два автомата без магазинов и связку из трех гранат. «Моя агница побогаче», — подумал я.

Все остальные овцы тоже оказались беременны оружием, а на брюхе у самой большой мы обнаружили РПГ.

«Пастыри» всем своим видом изображали удивление, а один из них долго возмущался коварством душманов, решивших в «своих преступных целях использовать наивность мирных пастухов».

Дорога на заставу капитана Захарова была запружена транспортом и людьми. И поэтому пять или шесть километров, отделявших ее от фильтрационного пункта, мы одолели лишь минут за тридцать.

Небо, с каждой минутой все больше мрачнела, в который раз за этот день грозило проливным дождем. Мимо тащились пестрые автобусы, битком набитые крестьянами. За день люди устали, и с обычно веселых афганских лиц исчезли улыбки. Я хотел до наступления ночи обязательно добраться до заставы и повидать Захарова. В провинции Кундуз его имя овечно легендой и известно в любом кишлаке.

Застава расположена в стратегически важном для «духов» месте — на стыке нескольких караванных путей. Контролируя этот нервный центр, Захаров перекрыл Гаюру кислородную трубку — наиболее короткий путь доставки из Пакистана боеприпасов, оружия, медикаментов и продовольствия.

Еще год назад Гаюр объявил Захарова своим личным врагом номер один, пообещав за его голову около пяти тысяч афгани. Не помогло. Тогда он послал на заставу под видом «доброжелателя» своего агента с предложением: «Переходи, Захаров, на мою сторону. Озолочу тебя и всех твоих жен. Гаюр».

Захаров поблагодарил лазутчика за лестное предложение, но Гаюру просил передать следующее: «Золото твое низкой пробы. Захаров».

— Гаюр рассвирепел, — смеется Захаров и с удовольствием почесывает свою круглую голову с коротко остриженными волосами, за которой столь долго и безуспешно охотится Гаюр.

Мы сидим в солдатской хлебопекарне и пощипываем горячий кисло-сладкий хлеб. У Захарова такие здоровенные руки, что он свободно может взять одной из них буханку и спросить: «Ну-ка, отгадай, что у меня в кулаке?» От печи исходит нежное тепло, пахнущее уютной избой, спокойствием. Еще чуть-чуть — и мы окончательно перенесемся с ним в его родной поселок под Майкопом, про который он вспоминает, пойдя купаться на речку, потом растопим... Артиллерийская канонада возвращает нас в Южный Баглан, на заставу.

В прошлом месяце Гаюр попытался взять Захарова обманом: золото не помогло, выручит хитрость!

Приходит на заставу очередной «доброжелатель» и сообщает, что завтра в пяти километрах отсюда пойдет большой караван с оружием. Если Захарову дороги мирные жители окрестных кишлаков, он должен его уничтожить.

— Я быстренько проверил эту информацию через другие каналы, — рассказывает Захаров. — У меня много друзей среди местного населения — есть кого расспросить. Я очень хорошо живу с крестьянами здешних кишлаков. Никогда их не обманываю, делюсь продовольствием, раздаю сольерку. Если кто меня попросит выделить охрану, чтобы крестьяне могли спокойно вспахать землю, всегда иду навстречу. Словом, верные мне люди сообщили, что информация насчет каравана — ложь. План Гаюра стал ясен: он хотел,

чтобы я основные силы роты отправил в засаду, а он тем временем взял бы меня голыми руками. Нет, думаю, не пройдет! Я щедро поблагодарил гаюровского «доброжелателя» и вечером симитировал уход роты на засадные действия. Но лишь стемнело, все ребята вернулись обратно. И я оказался прав — интуиция не подвела: ночью Гаюр, подтянув сюда почти шестьсот до зубов вооруженных бандитов, атаковал заставу с четырех сторон. Ну и я его встретил соответственно — Гаюр драпал до самого Баглана без оглядки. Однако он мужик с выдумкой — на следующий раз решил действовать методом «от противного». Подсылает он «доброжелателя», который сообщает: «Многоуважаемый Захаров, завтра в пять часов дня Гаюр ударит по твоей заставе всеми своими силами — готовься». Я, как повелось, от всей души благодарю «доброжелателя», даю ему денег, муки, дров. А про себя смекаю: «Ага, ты, Гаюр, хочешь, чтобы я заперся в своей крепости, а сам тем временем проведешь караван, — нет, брат, опять не выйдет!» И точно: завтра ровно в пять дня идет караван из ста вьючных и десятка «тойотовских» пикапов — боеприпасов столько, что Гаюру бы на два месяца активных боевых действий хватило. Но мои ребята еще с ночи в засаде скучают — поджидают караван. Так вот и воюем мы с Гаюром — по принципу: кто хитрей, тот и выиграл.

27 мая Захарову исполнилось двадцать восемь. Приехал он сюда год назад. Первые четыре месяца ушли на изучение территории, обычаев и традиций местных крестьян, без чего здесь невозможно вести успешные боевые действия против «духов».

— Мне повезло с самого начала, — говорит Захаров, — бандам было не до меня: они все больше между собой цапались, а я под шумок караваны с оружием щелкал. Гаюр в очередной раз вернулся из Пакистана с приказом объединить в один кулак все враждующие отряды, а здешних жителей — агитировать уйти через границу, однако никто его и слушать не хотел. Тогда он, подлец, вот что придумал: чтобы вынудить их покинуть Афганистан, начал обстреливать мои позиции прямо из близлежащих кишлаков, чтобы вызвать туда наш ответный огонь. Provocations повторялись день за днем, но мы молчали — нельзя же бить по мирным. Кроме того, Гаюр во всю пользуется и тем, что я не могу минировать в этих местах ни тропы, ни караванные пути, опять же из боязни ранить кого-нибудь из крестьян...

Захаров минут на десять вышел из хлебопекарни посмотреть, что делается кругом. Я все так же сидел, прислонившись спиной к теплой стене, и курил. Снаружи было уже почти темно. От печи веяло пряным теплом. Приятно было вдыхать его, расслабив все мышцы тела. Сквозь маленькое оконце видна луна. Она похожа на единственный светящийся иллюминатор далекого судна, стоящего ночью на рейде. Если долго смотреть, покажется, что судно едва заметно перемещается.

— Опять диверсия на трубе, так ее и раззтак, — чертыхнулся Захаров, хлопнув за собой дверь.

Один из взводов захаровской роты охраняет довольно длинный отрезок двух ниток трубопровода, по которому мы качаем в Афганистан топливо. Пробить его ничего не стоит: кувалдой разок хорошенько вдарь — вот тебе и дырка. Зачастую «духи» заставляют это делать маленьких ребятшек, выплачивая за каждую пробоину по сто афгани. Но чаще они прибегают к иному способу. Несколько групп мятежников в разных местах выходят к трубопроводным нитям и подрывают их, устраивая большие пожары. При этом они минируют подступы к пробоинам.

— Сейчас это наверняка сделано для того, — объясняет Захаров, — чтобы отвлечь мои силы на тушение пожара и попытаться провести к Гаюру очередной караван. Так что давай отложим наш разговор до рассвета...

Пожар полыхал вовсю, освещая сонные лица солдат из ремонтной группы. Это давало возможность саперам работать без фонарей. В ночное небо уносились клубы дыма и копоти. Мин не нашли, и уже за это можно было благодарить «духов».

Один из солдат, стоявших рядом, протянул мне несколько хрустящих галет. Я облил их еще горячим чаем из фляги, чтобы они не крошились.

— Что-нибудь найдется перекусить? — спросил меня сидевший на корточках сапер.

Я протянул ему в руки, измазанные сольеркой, одну уже размякшую галетину, и он принялся ее жевать. В глазах его бушевало пламя.

Что-то бухнуло неподалеку, и по земле пробежала слабая судорога.

— 122-миллиметровая гаубица, — сказал вышедший из тьмы подполковник. Он только что приехал с КП полка. — Гаюр мечется по блоку в поисках щели. Мы взяли восьмую и пятую улицы. Афганцы сейчас их прочесывают. Расстояние между обеими блокирующими группами минимальное, и артиллерии трудно работать: как бы своих же не накрыть.

Он протянул руки вперед, грея их на огне. Я отглотнул из фляги и передал ее подполковнику. В этот момент что-то резко вспыхнуло, точно распахнули леток домны. Секунды через две сквозь шум дождя и огня донесся разрыв. Видимо, стреляла безоткатка метрах в семистах отсюда.

Подполковник сказал, что час назад с южной стороны к блоку подошла еще одна банда, пытавшаяся взломать окружение, чтобы вывести Гаюра и его охрану. «Духи» воспользовались пожаром, дабы проскочить незамеченными вплотную к блокировке. Потом они извне и изнутри одновременно ударили по одному из стыков, но этот участок сейчас укрепили, подтянув два взвода из резерва. Взято много пленных, а один на допросе сказал, что Гаюр убит.

Я поздравил подполковника.

— Это типичная «деза». — Он отпил еще раз из фляги. — Ее уже второй раз пускают за три дня, чтобы мы ослабили напор. Но черт Ваньку не обманет: Ванька сам про него молитву знает.

Часам к трем ночи пожар затушили, предварительно перекрыв ток соларки. Пробитую трубу пришлось заменить. Теперь ее оттащили к дороге.

Подполковник подкинул меня до КП, а на прощание кинул бушлат:

— На, не будешь мерзнуть.

— Кому мне его вернуть?

В ответ он махнул рукой:

— Бери себе. Теперь уж он никому не нужен...

Я влез в БТР, по днище увязший в сытой грязи, и закрыл за собой люк, чтобы капли дождя не попадали внутрь. На соседнем сиденье спал в позе эмбриона пулеметчик. В кабине горела одна яркая синяя лампочка. Солдат, защищаясь во сне от света, поправлял зеленую панаму, прикрывая ею глаза.

Хотя внутри было теплее, чем снаружи, прежде, чем лечь, я надел бушлат, застегнув все до единой пуговицы. Бушлат был с погонами, на каждом по четыре маленькие зеленые звездочки. Отныне я был капитаном.

Я долго не мог заснуть и лежал, слушая спокойное дыхание своего случайного соседа. Руки никак не хотели согреваться, и я засунул их в глубокие карманы куртки. В правом я нащупал коробочку и вынул ее. Это были английские таблетки «Пуритабс Макси». Аккуратно сложенная в несколько раз инструкция гласила, что каждая таблетка может продезинфицировать двадцать пять литров воды: видимо, владельцу бушлата часто и подолгу приходилось бывать на боевых¹. В этой же коробке лежало пять желтых профилактических пилюль от гепатита. Обычно ими для страховки пользуются те, кто уже перенес однажды болезнь Боткина. На дне кармана шуршал песок вперемешку с табаком. Я поднес к носу ще-

потку этого крошева. Она сладковато пахла «Амфорой» — трубным английским табаком, который не перепутать ни с одним другим. Красный целлофановый пакетик «Амфоры» можно запросто купить за триста афгани в любом дукане. Были бы деньги.

Постепенно в моей голове начал складываться образ Неизвестного Капитана. Конечно, очень расплывчатый, но кое-что я уже знал о нем наверняка. Это был спокойный, немногословный человек, любивший поразмышлять на досуге: людей много склада редко тянет к трубке. Рукава на локтях протерты, и в грубую материю ввелась земля: Капитан часто лежал в засадах. Сзади бушлат тоже сильно потрепан и слегка порван: его бывшему владельцу пришлось в досталь наездиться на броне. Карманы сильно оттопырены: он предпочитал держать руки там. Я представил походку человека лет двадцати восьми, засунувшего их глубоко в карманы в стылый, промозглый день, когда так и хочется поднять воротник, который, кстати, сзади оказался засален и изношен, а по бокам спереди протерт: у Капитана была жесткая щетина. Бушлат напоминал дом, навсегда покинутый его обитателями, в который ты случайно зашел и повсеместно находишь следы недавней жизни — разводы выкипевшего молока на конфорке или открытую баночку еще влажного гуталина на полу. Что сейчас с этим человеком, где он? И почему, думая о нем, я мысленно употребляю глаголы в прошедшем времени?

У меня возникла масса других вопросов, но ответов на них в правом кармане не было. Я не стыдился своего любопытства. В конце концов это такое же необходимое качество любого репортера, как умение печатать на машинке.

В левом кармане я обнаружил несколько засохших полевых цветков: был ли он сентимента-

лен? На самом дне лежал обрывок бумажки, мелко исписанной убористым почерком. Все строки размыты, но две я разобрал в синем свете фонарика: «...глупое мое положение — быть влюбленным до безумия в собственную жену. Тем более глупо, если учесть, что знаем мы друг друга уже пятнадцать лет. Я часто...» — и в самом конце: «...приезжает Степунин, так что пришли с ним банку селедки...». Эх, сюда бы, в БТР, Холмса с его приятелем Уотсоном: они бы мигом ответили на все мои вопросы. Впрочем, как говорят, прототип Уотсона, доктор Брайтон, был в этих местах в составе британского экспедиционного корпуса. Сияясь вспомнить даты англо-афганских войн, я почувствовал, как на меня медведем наваливается сон.

Сквозь броню были слышны приглушенные взрывы и далекая стрельба. Как будто уши заткнули ватными тампонами. Вскоре мир вне БТРа потерял для меня всякое значение, и я заснул с едва теплившейся мыслью о Неизвестном Капитане.

Пулеметчик разбудил меня в шесть утра. Я открыл люк и выглянул наружу. Было уже светло, хотя тяжелое небо, низко висевшее над Южным Багланом, словно дымчатый светофильтр, очень нехотя пропускало солнечные лучи.

Артиллерия молчала, но густая автоматическая стрельба отчетливо раздавалась позади нас. Пулеметчик притащил каску, полную ржавой горячей воды, которую он нацедил из радиатора «уазика». Мы умылись, и от лиц наших шел пар. Съев баночку колбасного фарша, я подошел к другому БТР, что стоял за насыпью под слабо натянутой, провисшей от дождей маскировочной сеткой. Двигатель его работал, и можно было погреться в сладковато-влажных выхлопах отработанного горючего. Сидевший на нем офицер с синяками копоты под глазами в ответ на мой вопрос сказал, что он как раз едет на шестую улицу. Еще ночью она была в руках «духов», но только что ее взяли, и сейчас там работают афганские саперы. Сам он направляется туда через пару минут.

Шестая улица состояла из одних воронок, до краев наполненных серой водой. На обочинах лежали несколько десятков уже обезвреженных противопехотных и противотанковых мин, китайские автоматы и английские винтовки, несколько гранатометов и два пулемета.

Сам город Южный Баглан представлял собой головоломный (но уже полуразрушенный) лабиринт, который можно встретить на обложке любого детского журнала с короткой подписью: «Найди, как выбраться отсюда зайчишке». Разобраться в нем почти так же трудно, как в истинных мыслях и настроениях его недавних обитателей.

Когда мы вошли в один из взятых блиндажей, на земляном полу еще дымились миски с бараньим пловом. Чуть в стороне лежали три трупа. Рука одного из них сжимала ложку. Тот, что был чуть поодаль, застыл, вцепившись пальцами в автомат.

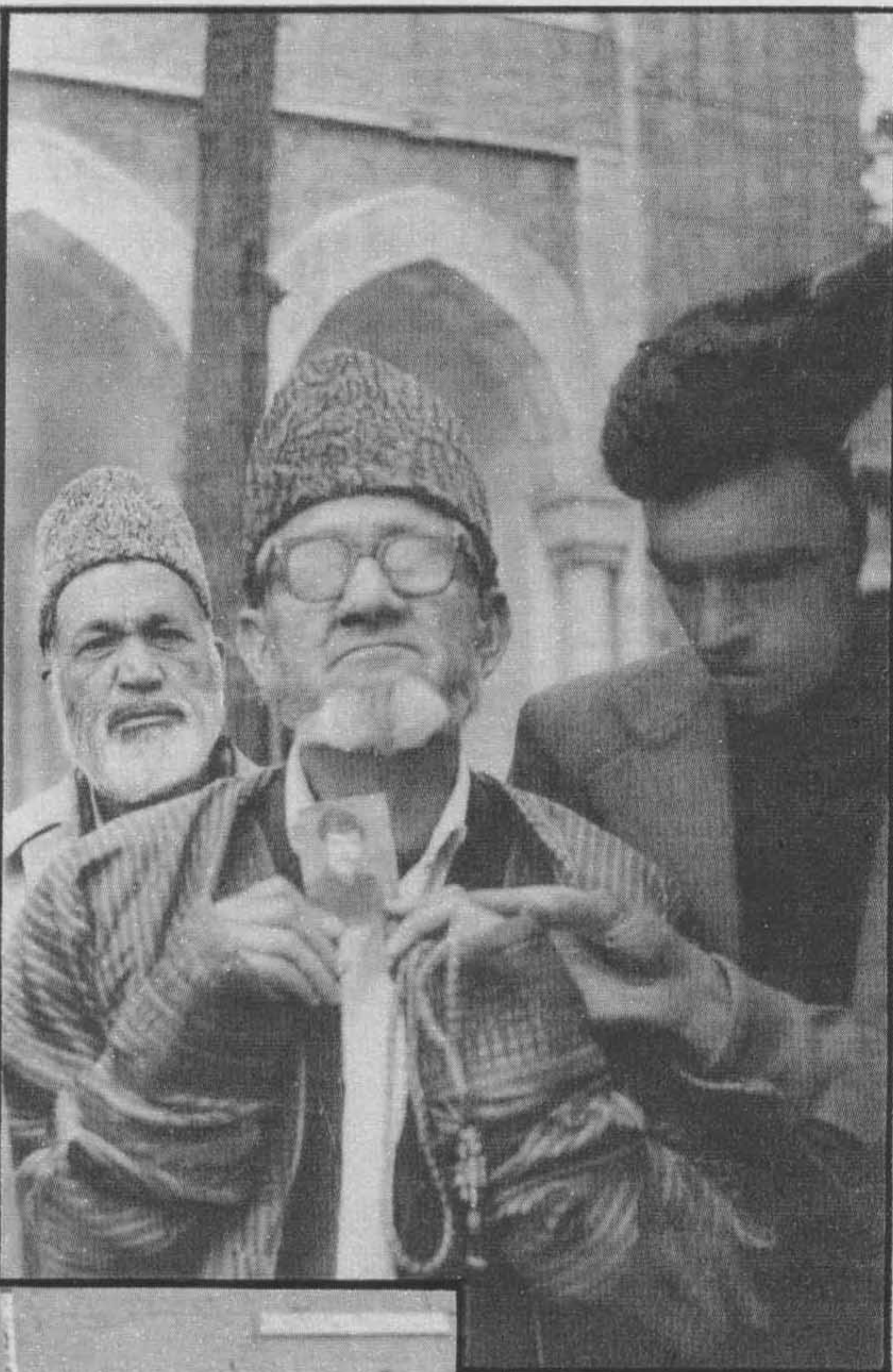
В углу стоял термос. Уже трофейный. Он был неестественно тяжелым, хотя жидкости в нем не оказалось. Валерий Павлович Заломин, одним из первых ворвавшийся на эту улицу, сказал, что с подобными «сувенирами» надо быть поосторожней — обычно это мины-сюрпризы. Именно так и оказалось. Открутив дно термоса, я увидел, что колба облеплена черным пакистанским пластиком повышенной мощности.

— Сегодня вечером ты бы узнал механизм действия этой штуковины. — Заломин помял в пальцах кусочек пластика. — После ужина наливаєшь ты в термос горячий чай, пластик моментально расширяется, и от повышения давления происходит взрыв. Так что это был бы последний чай в твоей жизни.

Во всех других укреплениях — дотах, дзотах, блиндажах в четыре наката, многоэтажных подземных складах оружия и госпитале — можно было искренне подивиться выдумке бандитов, богатству их неистощимого воображения: солдаты находили мины-зажигалки, мины-часы, мины-авторучки, мины-магнитофоны. Смерть-сюрприз пряталась и маскировалась столь виртуозно, что разглядеть ее во всех этих предметах мог лишь человек с наметанным на нее глазом.

Так завершились четырехсуточные бои за Южный Баглан. Однако среди убитых и раненых не удалось найти или опознать лишь одного человека — самого Гаюра. Между тем взятие его в плен было, как мне сказали, одной из целей операции.

Продолжение следует.

Отец погибшего афганского летчика, чей самолет был сбит душманами.

Саперы извлекли эти мины из-под асфальта дороги всего за один час работы.

¹ «Боевые» — на солдатском жаргоне, боевые действия.

ПОЭТИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ

РУССКАЯ МУЗА XX ВЕКА

ВЕДЕТ ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

Эту антологию я старался строить по принципу здания, где есть основные несущие конструкции и конструкции вспомогательные. Без вспомогательного нет основного. Здание русской поэзии мозаично, но если время из мозаики случайно или не случайно может выкрошить, выветрить отдельные камешки, то вся цветовая гамма изменяется. С этой точки зрения незначительных поэтов нет, если, конечно, это все-таки поэты. Быть поэтом — это означает добавить хоть собственные полслова к тому, что уже было до тебя. Из этого «полслова» могут вырасти великие будущие поэты.

Так, например, мало кто помнит, что первая книга Тихона ЧУРИЛИНА «Весна после смерти» оказала влияние на молодую Цветаеву, на ее ритмику и метафорический строй. Чурилин затем сблизился с футуристами, и его словотворческие опыты шли в одном русле поиска с Хлебниковым.

Елена ГУРО, художница и поэтесса, примыкала к группе кубо-футуристов, участвовала в их шумевшем сборнике «Садок судей». Ее дыхание было неотделимой частичкой того буйного ветра, который расшатывал «башни из слововой кости».

Бенедикт ЛИВШИЦ тоже начинал как футурист в сборнике «Пощечина общественному вкусу» и написал впоследствии прекрасные воспоминания об этом движении, о молодом Маяковском — «Полтораглазый стрелец». Впоследствии он отошел от формотворчества, посвятив себя переводам французских поэтов, но в эти переводы он вкладывал столько собственных неосуществленных возможностей, что их по праву можно считать его стихами. Незаконно репрессирован.

Павла РАДИМОВА мне еще удалось застать в живых. Седоусый автор уникальных русских деревенских гекзаметров и трогательно нежный живописец Подмосковья, он был похож на запорожца с картины Репина. Его гекзаметры были беззащитны перед ядовитыми пародистами, однако ничего подобного до него не писал никто.

Эта подборка разных поэтов фрагментарна и калейдоскопична, однако простите составителя, ибо им руководило желание наметить хотя бы пунктирно не только так называемую «столбовую дорожку» русской поэзии, но и ее тропинки, и ее, может быть, узкие, но зато неповторимые переулочки, не потерять даже тупик. Конечно, некоторые читатели в своих письмах справедливо упрекают составителя в скупости объема некоторых публикаций, но поверьте, что и сердце составителя иногда разрывается, когда ему приходится резать, что называется, по живому. Но что поделать — существует неумолимый размер журнала, а ведь он не только литературно-художественный, но и общественно-политический, и иллюстрированный. Однако не могу удержаться от радости и спешу проинформировать, что Госкомиздат СССР вынес решение опубликовать в ближайшем будущем в издательстве «Книга» расширенную антологию «Русская муза XX века» на основе этой рубрики «Огонька». А пока будем продолжать от номера к номеру наше обзорное путешествие внутри русской поэзии, вспоминая забытое и полужабытое и напоминая незабытое, но иногда в суете жизни забываемое.

ЕЛЕНА ГУРО 1877—1913

Сильный, красивый, богатый
Защитить не захотел...
Дрожала, прижавшись в худом платке.
Кто-то мимо проскользнул горбатый.

Город большой, — толку-учий!

Прогнали. Башмачки промокли.
Из водосточных вода текла.
И в каретах с фонарями проезжали
Мимо, мимо, мимо, — господа.
Он, любимый, сильный, он все может.
Он просто так, — не желал...
Наклонился какой-то полутемный,
Позвал пить чай, обещал:
— «Пойдем, цыпа церемонная,
Развлеку вечером!»

И тогда, как собачонка побитая, трусливо дрожа,
Поплелась за тусклым прохожим.
Была голодна.

Говорил испуганный человек:
«Я остался один, — я жалок!»

Но над крышами таял снег,
Кружились стаи галок.

Раз я сидел один в пустой комнате,
шептал мрачно маятник.
Был я стяннут мрачными мыслями,
словно удушенный.
Была уродлива комната
чьей-то близкой разлукой,
в разладе вещи, и на софе
книжки с пылью и скукой.
Беспощадный свет лампы лысел по стенам,
сторожила сомкнутая дверь.
Сторожил беспощадный завтрашний день:
«Не уйдешь теперь!»...
И я вдруг подумал: «Если перевернуть
вверх ножками стулья и диваны,
кувырнуть часы?...
Пришло б начало новой поры,
открылись бы страны».

Тут же в комнате прятался конец
клубка вещей,
затертый недобрым вчерашним днем,
порядком дней.
Тут же рядом в комнате он был!
Я вдруг поверил, — что так.
И бояться не надо ничего,
но искать надо тайный знак.

И я принял на веру; не боясь
глядел теперь
на замкнутый комнаты квадрат...
На мертвую дверь.

Ветер талое, серое небо рвал,
ветер по городу летал;
уничтожал тупики, стены.
Оставался талый с навозом снег
перемены.

Трясся на дрожках человек.
Не боялся измены.

БЕНЕДИКТ ЛИВШИЦ 1886—1939

РОМАН

А. Рембо.

Нет рассудительных людей в 17 лет! —
Июнь. Вечерний час. В стаканах лимонады.
Шумливые кафе. Кричаще-яркий свет.
Вы направляетесь под липы эспланады.

Они теперь в цвету и запахом томят.
Вам хочется дремать блаженно и лениво.
Прохладный ветерок доносит аромат
И виноградных лоз, и мюнхенского пива.

II

Вот замечаете сквозь ветку над собой
Обрывок голубой тряпицы, с неумело
Приколото к нему мизерною звездой,
Дрожащей, маленькой и совершенно белой.

Июнь! 17 лет! Сильнее крепких вин
Пьянит такая ночь... Как будто бы спросонок,
Вы смотрите вокруг, шатаетесь один,
А поцелуй у губ трепещет, как мышонок.

МАГАЗИН САМОУБИЙСТВА

М. Роллина.

«Вот — верный пистолет... отточенные бритвы...
Веревка... хлороформ... Надежней не найти!
Попробуйте — клянусь: ни папские молитвы,
Ни лучшие врачи не смогут вас спасти!»

«Вот — яды разных змей... Растительные... Я бы
Советовал вам взять кураре... Иль вот тут —
Напиток, сваренный из сока кучелябы:
В одно мгновение он скрутит вас, как жгут».

«За каждый проданный снаряд самоубийства
Даем ручательство, и это не витийство.
Но лучшее из средств покинуть дольний мир».

Он указал на дверь, заделанную в стену. —
«Ему научат вас за небольшую цену
Девиза Осьминог и госпожа Вампир».

Насущный хлеб и сух, и горек,
Но трижды сух и горек хлеб,
Надломленный тобой, историк,
На конченном пиру судеб.

ТИХОН ЧУРИЛИН 1885—1946

СМЕРТЬ ЧАСОВОГО

У гауптвахты,
Гау, гау, гау, — увяв... — ах ты... —
Собака воет глухо, как из шахты.
— Враг ты!
Часовой молодой слушает вой.
Молодой —
Скоро ему домой.
К жене.

А по стене... а по стене... а по стене...
Ползет, ползет, как тень ползет во сне,
— Враг.
Б-бабах.
— Выстрел — веселый вылетел пламень.
Бах —
Ответ,
Глухой.
Ой —
Светы...

Гаснет, гаснет светлый мой пламень.
Сердце твердо, как камень.
Пламень мой... пламень...
Потух, темно.
Снег скрипит... коня провели — к мертвым.
Ню! но...

1914.

ПАВЕЛ РАДИМОВ 1887—1967

пойло

Всякая дрянь напихалась за день в большую
лоханку:
Тут кожура огурцов, корки, заплесневший хлеб;
В желтых помоях, из щей образуемых с мыльной
водою,
Плавают корнем наверх вялый обмусленный лук;
Рядом лежит скорлупа и ошметки от старой
подшвы,
Сильно намочив в воде, медленно идут ко дну.
Всклянь налилась лоханка, пора выносить
пороссятам:
В темном они катухе подняли жалобный визг.
Старая баба Акулина, в подтыканной кверху
понева,
Взявши за ушки лохань и, понатужась, несет.
Вылила вкусное пойло она пороссятам в корыто.
Чавкают, грузно сопят, к бабе хвосты обратив.

БОМБА И ДЕТИ

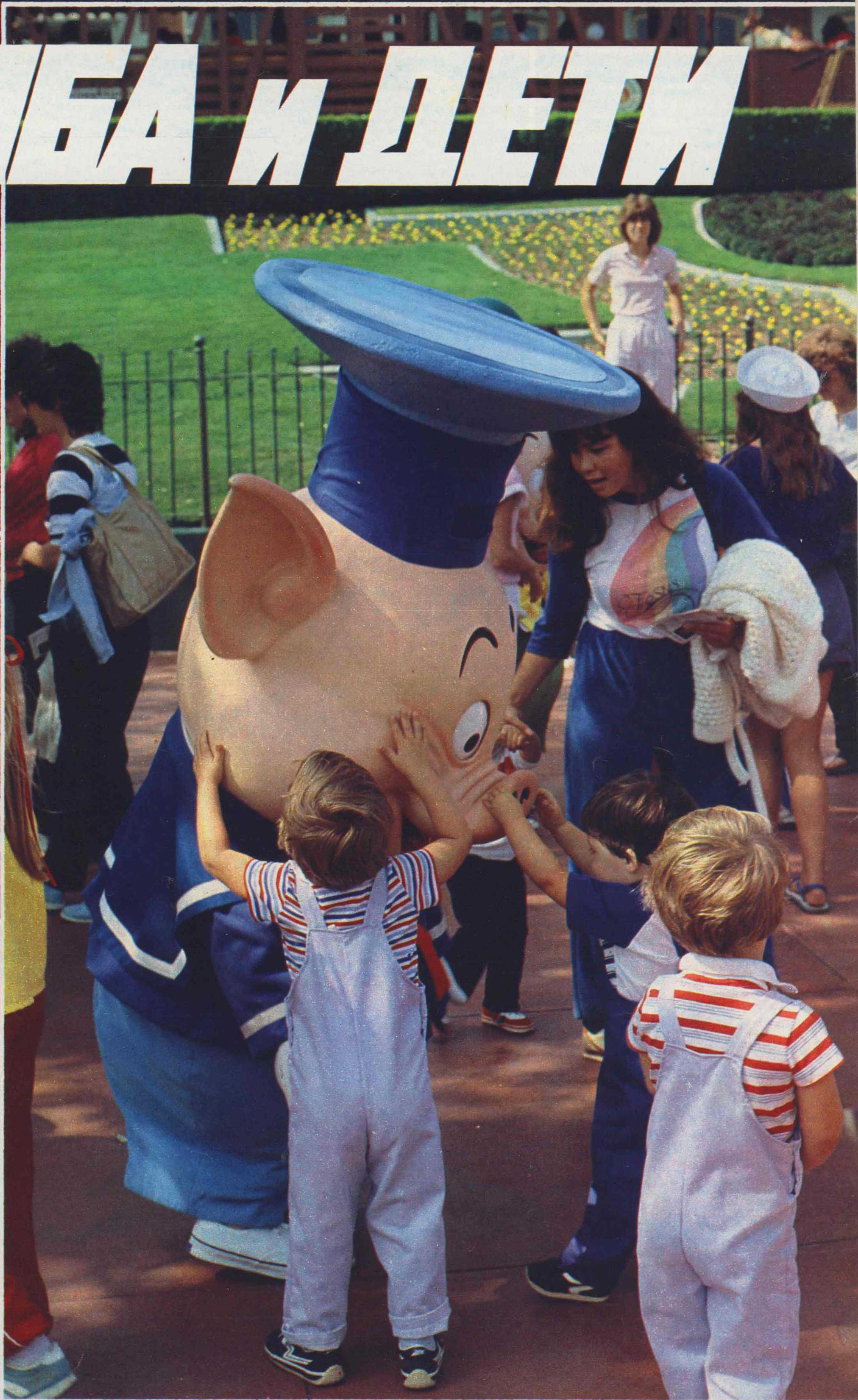
● «ДИСНЕЙЛЕНД» — СКАЗОЧНАЯ СТРАНА.

● УСПЕВАЕМОСТЬ И ЯДЕРНЫЕ ИСПЫТАНИЯ.

● ВОЕННЫЕ ЭЛЕКТРОННЫЕ ИГРЫ.

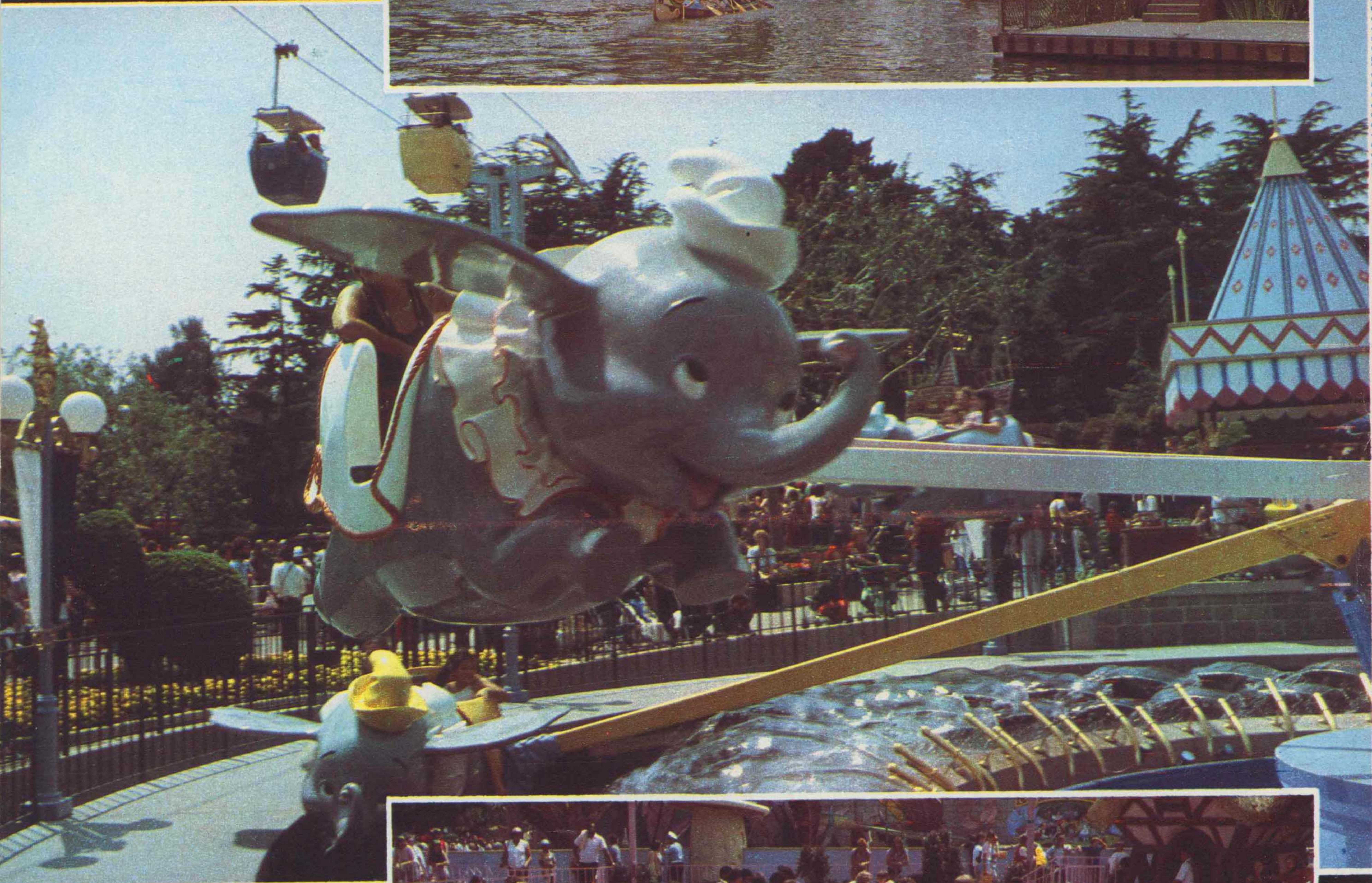

Недалеко от гигантского американского города Лос-Анджелеса расположился сказочный «Диснейленд», необозримый парк со множеством развлекательных центров и аттракционов. Задуман он как царство детей, но, побывав там, убеждаешься, что взрослых он привлекает не меньше. Если захочешь более или менее детально ознакомиться с достопримечательностями «Диснейленда», то на это уйдет не несколько часов, а несколько дней. Место это настолько необычное, что даже самое красочное описание не в силах передать его уникальность и очарование. Чтобы получить понятие хотя бы о его размахе, нужно представить себе большой и прекрасный дет-

ский парк, увеличенный примерно в тысячу раз. Причем этот коэффициент относится не только к занимаемой им площади, но и к неистощимой выдумке его создателей.

В «Диснейленде» вы можете побывать в джунглях. Через них протекает река. По ней вы плывете вдоль берегов и любуетесь лесными и речными обитателями, фотографируете их. Вот из воды появляется семейство бегемотов, они выбираются на берег и широко рас-

крывают свои огромные пасти, словно сияют о чем-то поведать. У кромки воды дремлют крокодилы. Прыгают по веткам и пронзительно кричат обезьяны. На водопой пришли слоны, из хобота каждого бьет мощный фонтан, и кажется, что они радостно улыбаются. В нависшей над рекой пещере нашло себе приют семейство львов. Величественно возлежат родители, а львята резвятся, как щенки. А птицы! Сколько здесь их! И какие они все яркие, разные и громкоголосые!..

Вернувшись домой, вы спокойно можете показывать всем сделанные вами в этих джунг-

лях фотографии зверей и птиц, их никто не отличит от настоящих, хотя все они — плод изобретательной конструкторской мысли.

«Джунгли» — это лишь одна из многих здешних достопримечательностей. Есть еще, например, свой «пиратский заповедник», особый мир из кораблей, пиратов, пещер, крепостей, пушек, виселиц... Здесь разыгрываются морские схватки, шипят, падая в воду, раскаленные пушечные ядра. А вот пьяные пираты веселятся и бесчинствуют в захваченной крепости, какого-то несчастного вешают, другого бросают в колодец, продают друг другу пленники... Эти сценки — тоже плоды инженерии и электроники.

Есть и такое развлечение — можно вместе с Карлсоном подняться над городскими крышами. Можно зайти в дом ужасов, полетать на космическом корабле, поплавать на подводной лодке, покататься на старомодном поезде или же по самой современной монорельсовой дороге...

Как счастливы здесь дети, как молодеют прямо на глазах взрослые! Фотографии на цветной вкладке дают хотя бы отдаленное представление об этом чуде. Да, американцы создали его на своей земле для своих детей. Но они же сами сделали для них и кое-что другое.

Итак, о другом.

В Соединенных Штатах каждый год выводится средний индекс успеваемости школьников по стране. До последнего времени он обычно колебался, но в известных пределах. И вот неожиданно этот индекс начал год за годом снижаться. Такая тенденция, естественно, обеспокоила общественность, многие начали искать вызвавшую ее причину. Перегрузили школьные программы? Дурное влияние телевидения? Повысили требовательность учителя? Школьники стали легкомысленнее относиться к учебе? Или стали просто слабее здоровьем, физически и духовно?

Двое американских ученых, физик Э. Стернгласс и психолог С. Белл, подошли к решению этой загадки по-своему. Они изучили динамику этого индекса не только в целом по стране, а по всем ее штатам. Оказалось, что он резко начал снижаться в трех штатах — Нью-Мексико, Неваде и Юте, а это и повлияло на общий индекс. В чем же дело? В том, что именно в этих регионах проводились испытательные ядерные взрывы. Среди прочих вредоносных осадков, образующихся в результате, есть радиоактивный йод-131, который губительно действует на щитовидную железу детей, особенно младенцев, что замедляет их умственное развитие.

И еще кое-что об играх, развлечениях, но не о «Диснейленде».

Известно, что в США происходит компьютерный бум, ему в немалой степени способствует распространение видеоигр. Они есть уже в миллионах американских семей, и повсюду, буквально на каждом шагу, можно встретить центры с этими электронными игрушками, многие такие заведения открыты круглосуточно. Увлечение видеоиграми среди детей носит повальный характер.

Во что же они играют? В войну! Вот как характеризует видеоигры нью-йоркская газета «Вилидж войс»: «Имя игры — выживание. Большинство видеоигр основано на военном конфликте, главным образом в масштабах космических... Никакой связи с враждебными силами нет и быть не может, поскольку в них нет ничего человеческого, они олицетворяют собой абсолютное разрушитель-

ное зло. Это чудовищные монстры с головами, как у гигантских насекомых, роботы, наконец, просто какие-то губительные геометрические фигуры и смертоносные частицы. У них одна задача — уничтожить вас. Они враги. Они вооружены ядерными бомбами, ракетами, лазерами. Поэтому каждый, кто играет, должен и сам превратиться на время в военную машину, отлаженную и бездушную, его пальцы и нервы должны стать частью этой машины. Человеческие чувства, эмоции, интеллект, культура не имеют ничего общего с задачей выживания перед лицом такой опасности. Это война не на жизнь, а на смерть». Выдав такую характеристику видеоигр, газета логично заключает, что американцам нет необходимости представлять себе, как может погибнуть весь мир в результате возможной ядерной войны, для них, пишет газета, «мир погибал уже много раз», когда они нажимали кнопки электронных автоматов. Примерно такие же игры используются Пентагоном для учебы и тренировок личного состава. А газета «Вилидж войс» обобщает все эти факты: «Видеоигры — продукт общества, стоящего накануне апокалипсиса, они предупреждают: люди, вы обречены!» И ко всему прочему, заключает газета, «многие из играющих сегодня могут завтра спокойно нажать настоящие кнопки».

И такая еще немаловажная деталь. Эти электронные военные забавы имеют ярко выраженную антисоветскую направленность. От советских бомб и ракет надлежит защищаться в играх «Ракетная команда» и «Красная тревога», а в «Днепровском фронте» играющий должен «действовать так, будто он легендарный генерал Манштейн», и «не дать русским прорвать оборонительные позиции в критических местах». Так же, в роли нацистских генералов, предлагается выступить американцам в видеоигре «Восточный фронт», и ставится задача «уничтожить как можно больше русских до наступления зимы». Вот инструкция к одной такой видеоигре: «Коммунистические мутанты из космоса атакуют Землю. США должны от имени Земли остановить пришельцев — марксистов с планеты Рускии, вооруженных облученной водкой, с помощью которой они задумали уничтожить на нашей планете демократию и систему частного предпринимательства». Даже газета «Нью-Йорк таймс» вынуждена отметить, что «милитаристская направленность видеоигр содействует нагнетанию атмосферы враждебности и насилия».

В Соединенных Штатах можно купить и другие игры в том же духе. Например, детям предлагается набор для пыток, при этом особенно подчеркивается, что, играя, ребенок может сам изобретать новые пытки, создавать различные их комбинации. Детям предлагают покупать... «кровь». Сделана она так, что ее не отличишь от настоящей. Когда нанесешь ее на тело, воинственная игра принимает всамделишный вид, тем более что детские пистолеты не отличишь от настоящих.

Нет, это не те развлечения, о которых мы вспомнили в связи с «Диснейлендом». В атмосфере, отравленной ядерной бомбой, зло, разжигающее ненависть и насилие, может в конце концов одолеть добро «Диснейленда». А этого люди, в том числе и американцы, допустить не имеют права.

Владимир НИКОЛАЕВ.
Фото Дм. БАЛТЕРМАНЦА.

ПРОШУ СЛОВА!

Александр
АРОНОВ

ЗАПОВЕДИ КАРАТЭ

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О ПОЛЕМИКЕ

ЧТОБЫ БЫСТРЕЙ ПРОБИТЬСЯ К ТЕМЕ ЭТИХ ЗАМЕТОК, ЛУЧШЕ ВСЕГО СРАЗУ ПОГРУЗИТЬСЯ В РЕАЛЬНУЮ РАЗНОГОЛОСИЦУ, СТОЛЬ НЕПРИВЫЧНУЮ ДЛЯ НАС И ПОТОМУ СТОЛЬ ПОРАЖАЮЩУЮ ОБЩИЙ СЛУХ СЕГОДНЯ. НАЧНЕМ ХОТЬ С КОНКРЕТНОГО ПИСЬМА НАШИХ ДНЕЙ.

«ОБОЖАЮ РИХТЕРА. ДОЛГО ЖДАЛА ПЕРЕДАЧИ, ПОСВЯЩЕННОЙ ЕГО ТВОРЧЕСТВУ. И ВОТ ОНА, НАКОНЕЦ, СОСТОЯЛАСЬ. НО — КАКОЕ КОВАРСТВО: ПАРАЛЛЕЛЬНО ПУСТИЛИ НАШУМЕВШИЙ ФИЛЬМ (...), ДА ЕЩЕ И ВПЕРВЫЕ НА ТЕЛЕЭКРАНЕ. И Я С СОЖАЛЕНИЕМ ВЫНУЖДЕНА БЫЛА ОТКАЗАТЬСЯ ОТ ВСТРЕЧИ С ЛЮБИМЫМ ПИАНИСТОМ — НЕ МОГЛА ЖЕ Я ПРОПУСТИТЬ ТОГО, О ЧЕМ ВСЕ ГОВОРЯТ. КТО, ПО-ВАШЕМУ, ДОЛЖЕН ОТВЕЧАТЬ ЗА ИЗДЕВАТЕЛЬСКОЕ, ИНАЧЕ НЕ НАЗОВЕШЬ, СОСТАВЛЕНИЕ ПРОГРАММ? НА ОТВЕТЕ НАСТАИВАЮ.

Я. Д., Москва».

Даже в интереснейшей сегодняшней редакционной почте такой характерный образчик встретишь не часто. Тут многое собрано как бы с нарочитой, экспериментальной точностью, как если бы жизнь захотела утереть нос самым лихим выдумщиком.

Начать хоть с качества любви. С одной стороны, «обожаю». С другой — «не могла же я» пожертвовать чем-то случайным, нашумевшим, внутренне мне безразличным. Что это за любовь? Каков химический состав этого рода верности и преданности? Вздрогнув, вспоминаешь Прутков: «Влюбленный в одну особу страстно — терпит другую толко по расчету». Второй любимой особе, разумеется, не позавидуешь, но и первой — посочувствуешь.

Однако на путях вздорного, требовательного самодовольства отстал наивный Козьма. Ему все-таки было не додуматься, что в сложностях своего выбора — страсть или расчет? — он, оказывается, мог обвинить какую-нибудь инстанцию! Составителей программ ЦТ, например. Хотя бы так, как наша корреспондентка: да, я не устояла. Соблазнилась чуждым, оторвалась от родственного. А кто виноват? Они! Составители! Для чего им так мучить мои нежные вкусы?

Вот что тут, пожалуй, самое мучительное для автора — и самое новое, интересное для нас. Ситуация выбора! Экономика дефицита научила нас кое-чему. Видишь очередь — встань. Узнать, что дают, успеешь, а хвост занять — можешь и опоздать. Раз люди стоят, значит, и ты должен.

Это простенькое, но в 99 процентах случаев безошибочно срабатыва-

ющее умозаключение во многом определило и своеобразие нашего, скажем так, эстетического восприятия. В общем-то всегда ясно, что включать. Если ты мужчина, скорее хоккей, чем детектив. Если дама, скорее детектив, чем хоккей: там уютнее, все сразу понятно, и про любовь тоже будет, обязательно. Вот и весь выбор.

Хорошо ли, худо, но так жить мы вроде бы умеем. И на улице, возле магазинов особых психологических сложностей пока не испытываем. Нам и реклама, в сущности, ни к чему: что она может, глянцева, яркая, равнодушная, по сравнению с молчаливой страстностью живой человеческой стрелы, упершейся в вожделенный Предмет, который раз упустить, год не встретишь? Не рассуждай много, бери, что дают!

Но если материальный, предметный дефицит так просто не одолеешь, а пока одолеем, так и привыкнуть сто раз успеем к новой ситуации, то с ценностями идеологическими, нравственными, социальными и художественными все обстоит неожиданно и оттого страннее. О, наши лаконичные, спартанские вывески, осевшие детство во одного поколения! «Мясо», «Молоко», «Хлеб». Потом еще того проще: «Продукты», «Промтовары». Вашей невозмутимой, каменной информативности уже не доставляет нам в сфере эстетических услуг.

И вышколенный потребитель теряется. Не то, чтобы вступил он так уж прямо в джунгли песенно-театрально-эстрадно-симфонически-циркового изобилия, но и две-три сосенки с непривычки могут ошарашить и капитально сбить с привычного шага. И ведь что должен чувствовать жи-

тель, допустим, пустыни, вламываясь в девственный лес или, беря сравнение роднее, человек тундры, чья дорога вдруг пошла сквозь тайгу?

Осторожность, вот что. Подозрительность. Пожалуй, и страх не повредит. Лучше пусть я больше побегу, чем меня из-за куста настигнет неведомый некто. Вот поют там что-то. И пляшут. И все как-то непривычно. К чему бы это, а?

Видимо, так и рождаются письма в редакцию следующего рода.

«Мне кажется, что происходит какое-то недоразумение, оно все тянется, и я боюсь, что оно окажется трагическим. Мы так обсуждаем и даже осуждаем эту молодежную музыку, как будто в музыке тут дело. Где наша бдительность? Перед нами довольно примитивно принаряженная настоящая классовая борьба — борьба против нас, против всего святого, а мы делаем вид, что не понимаем этого. Куда же дальше?»

Н. Г., преподаватель музыки, 49 лет, город Москва».

Так полемика вроде бы о музыкальных вкусах, чуть начавшись, с первого шага заходит в хорошо пристрелянные позиции. Более мощного способа обострять дискуссию у нас, на мой взгляд, не существует, и дальше — согласен с автором — действительно некуда.

Что же, в самом деле, предпринять, чтобы чувствовать себя в непривычном лесу привычнее? Можно, конечно, развивать слух и зрение. Оценивать окружающее спокойно. Непривычное не обязательно как чужое, чужое не непременно как враждебное. Здесь же, у авторов таких писем предлагается более простой путь: вырубить все вокруг. Отредактировать. Сосну — до телеграфного столба. Столб — за ним тоже кто-нибудь может спрятаться — до двух-трех лежащих бревен. А их уже до дровишек на растопку.

И есть ли разница, от чьего имени меня призывают рубить лес, не обращая внимания на разлетающиеся щепки? От имени Листа или от имени листопрокатного цеха? Единственный «металл», который меня настораживает, — это металл непримиримости в голосе. Меня давно, еще до перестройки, смущала песня: «Не просто сладить с высотой — куда труднее быть непримиримым!» Положим, трудностей мы не боялись, на том стояли. Но почему обязательно непримиримым? С кем? Во имя чего? Неужели во имя самой непримиримости?

Интереснейший этюд на нашу тему был продемонстрирован на творческой встрече с Родионом Щедриным. Человек принес музыку. С таким простодушным доверием, будто не знает, что музыка-то сейчас и есть излюбленный полигон для проверки и укрепления всей мускулатуры нашей взаимной непримиримости. На него накидывались не раз. И сторонники «хэви-метал», и противники. И все упорно и с полным сознанием не то, чтобы даже правоты, а просто единственности своей позиции. Но простодушная уступчивость интеллигента стоит любого напора ограниченной односторонности!

От сторонников «хэви-метал» он смиренно спросил себе позволения не знать всех без исключения групп и ансамблей и даже при случае, возможно, спутать какого-нибудь Джона с Джимом. Честно говоря, это было и точнее по сути, и уместнее, если хотите, тактически, чем врубаться в искусствоведческую полемику, слишком серьезную для данного объекта. Сторонники согласились и стали сами петь и играть для хозяина. Меня, допустим, не потрясла группа «Крем» вместе со своим аппетитным названием, но атмосфера стала такой, как и следует.

Оставались противники. Честно го-

воря, мне ближе их музыкальные симпатии, но я особенно опасюсь их взрослой, опытной, изощренной, самоуверенной наступательности. Женщина «от нас» начала со сладкой улыбки. Мы с товарищем композитором, сказала она, одного поколения, воспитаны на одном, и мне тем более непонятна его всеядность. Как это вы, не упустила женщина отметить свою интимную осведомленность, пишете для такой балерины (в рядах зрителей хохотала Плисецкая, жена Щедрина) и проявляете такую неразборчивость? Разве можно, например, считать хорошей певицей Пугачеву, она же поет «Панаму» и «Шальная молодость моя». Куда эта всеядность приведет?

И опять-таки не Пугачеву стал обсуждать композитор. Вряд ли собеседница встала на защиту его жанра, его стиля, его музыки. Цель ее сладостно-укоризненной речи просматривалась недалеко: нельзя ли сделать композитора надзирателем за чистотой и благонравием искусства, понятыми так, как ей хочется. Ей мало не одобрять чего-то и кого-то. Нужно тут же попытаться найти оружие поуверсистой.

Куда приведет эта всеядность? — композитор поднял, как перчатку, ее терминологию. К свободе выбора приведет. К демократизму оценок, вкусов, возмужности.

И тут вдруг поднялся еще один молодой человек — явно противник сладкоголосой «запретительницы». Товарищ режиссер, воззвал он куда-то, я вас прошу об одном: оставьте, сохраните, пожалуйста, в передаче выступление этой агрессивной дамы! Мы слышали насмешливо-торжественное режиссерское: «Клянусь!» И осознали: то, что мы смотрим и слушаем, и есть исполнение режиссерской клятвы.

Это был не просто эпизод, а отличный, выразительный, достойный образец телеполюмики. Юноша прекрасно увидел саморазоблачительную функцию выступления улыбчивой воительницы не хуже режиссера. Режиссер не хуже его понял необходимость оставить, сохранить эту сцену.

Полемика... Не в том твоя сила, цель, красота, чтобы отбросить, смять, обидеть противника. А в том — не верите? — чтобы помочь ему. Помочь проявить свою позицию, довести ее до логического предела, а облик свой — до образа.

Вот тут и видно кое-что необходимое, но очень редко замечаемое нами. Вглядитесь в своего противника по спору! Внимательнее! Вот надежный путь к победе: вы должны увидеть, в какой высокой степени он ваш союзник.

Спросите гроссмейстера: интересно ли ему играть со слабым противником? Почему же нет, удивитесь, возможно, вы — разве такого победить не легче? Да что толку в этой легкости, ответят вам. Существует красота шахмат, ее достигаешь толь-

ко в борьбе с равным. С сильным. Победа вне искусства — это не шахматы.

Может быть, главное в полемике, в споре — это поистине огромный общий фонд. Вы распалены, вы его сейчас не замечаете. Напрасно. Это верный путь к поражению.

Язык, принадлежность к роду человеческому, к одной эпохе — это только самое начало вашей общности. Вы рассвирепели, сейчас вы с противником кинетесь чуть ли не в рукопашную. Стоп! Попробуйте слышать беззвучный хохот. Сменятся с двух сторон: житель XVIII века и житель века XXI помирают со смеху, глядя, как вы безумно, донельзя похожи, а между тем так горячитесь из-за почти неспасимых различий!

Хорошо, может согласиться мой оппонент, но эта общность относится все-таки к истоку наших разногласий, к началу спора. А в конце, там, где цель спора, общности остается меньше, там уже победа важнее, непременно?

Нет! Там все еще ближе к сердцу и потому требует большей осторожности, большего внимания. Растет азарт спора — растет опасность.

Мне, если честно, не слишком по вкусу «хэви-метал», головы, бритые сбоку и с оранжевыми или зелеными петушиными гребнями. Естественно, как и каждому человеку, мне хочется, чтобы возобладали мои вкусы. Музыкальный досуг — танго, слоуfox для танцев, рок-н-ролл для эстрады, классический джаз, диксиленд и свинг... Допустим, я могу победить.

Но любой ли ценой нужна мне моя победа? Нет! Если мой «противник» заплатит за нее ощущением сломенности, побежденности, подчинения, равнодушия — ну ее к дьяволу! У нас с ним и тут есть общее достоинство, страшно дефицитное сегодня, — ощущение собственного человеческого достоинства, опирающееся на чувство достоинства другого. Без этого не будет ни строителя, ни ученого, ни защитника слабых. Его достоинство — это мое богатство, и транжирить это богатство во имя ублажения собственного превосходства я не намерен: это и преступно, и глупо.

Нет уж, лучше, братец, пой и пляши по-своему, вводи в свой костюм красочные карнавальные элементы, чем если бы ты махнул на себя рукой и поник.

Только не надо нам с тобой замыкаться на этой сфере. Пение, пляски, карнавал — всего лишь узенький сегмент в круге жизни, скорее пример, прикидочный полигон для полемики, чем вся она. Мне бы хотелось поспорить еще о многом — о любви, о природе, о цене одного дня и о смысле жизни, о соотношении радости и труда, о свободе и необходимости, о единственной нашей родине и о принадлежности к роду людей... Где-то мы непременно должны и совпасть.

Для этого, еще даже до спора, надо бы начать учиться слышать друг друга. Я был вот на одном комсо-

мольском собрании, еще до XX съезда.

Комсомол, услышал я, должен быть союзом достойных, доказавших чему свою нужность ему. Комсомол, услышал я, не должен быть элитарным, применяющим воспитательную мощь к своим членам, перед этим отобрав тех, кто в воспитании нуждается меньше других.

Больше всего меня поразил на том собрании ровный, как морской прибой, уровень аплодисментов. Люди в зале, показалось мне, даже не слышали разнонаправленности в приведенных двух высказываниях.

Принимать лучших? Не станет ли союз своеобразной ступенькой для карьеристов? «Включить» всех? Но ведь это значит растворить союз, свести его на нет? Не знаю. Хлопали всем. Вот уж и съезд миновал, а я так и не понял, кто прав, за кого молодежь, что надо делать, чего нельзя.

Почему не понял? Да потому, что слова были, а полемики не было. Позиции как бы висели в замкнутом пространстве глухого равнодушия, не сталкиваясь, не взаимодействуя, не борясь, не изменяя, не совершенствуясь.

Полемика не выдумка досуговых болтунов. Она — необходимость. Раньше ее действительно могло не быть или даже быть не могло: никого не интересовали мысли и чувства, важно было заучить десяток слов и применять их с возможно более похожей имитацией искренности.

Единство молчания и равнодушия, возможно, казалось кому-то привычным и даже благим. Все равно оно в прошлом, к нему возврата нет, даже если кто-то об этом и жалеет.

Нам предстоит трудная гармония, невозможная без человеческой, живой разницы, порой острой, всегда богатой, в итоге — по-настоящему конструктивной, взаимодействующей.

В споре не надо забывать вот о чем: богаче станет не тот, кто отбросил чужую правду, а тот, кто услышит ее, усвоит ее элементы, усилит свои доводы и расширит свой взгляд на мир. Возможен даже такой парадокс, когда «побежденный» останется в большем выигрыше, чем победитель.

«Стоп!» — скажете вы. Это хорошо, когда позиция противника вашего действительно глубока, содержательна. А если она заведомо вздорна, невооруженным глазом видна жалкость ее доводов, убогость ее построений? Что же, и тогда вслушиваться? Зачем?

И тогда, говорю я. Зачем же слушать того, кто заведомо не прав и к тому же сам ничего слушать не желает? Затем, чтобы понять и его. Разглядеть его боль. Она ведь есть где-то, непонятая и неназванная им самим. И пока ее не найдешь, не отыщешь способа лечить ее, как жить дальше? Даже нечестность оппонента требует от тебя все того же: честности, глубины, внимания, проникновения за слова, к сути.

Мне довелось узнать только два принципа, лежащих в основе завоевавшей большую популярность борьбы каратэ. Речь идет не о борьбе, а именно о принципах.

Перед боем, гласит первый принцип, ты должен быть подобен озеру в лесной глуши. Тихому, спокойному, не колеблемому ветром чувств, например злости, ненависти, страха. Почему? Потому что только в такой поверхности достоверно, неискаженно отразится твой противник. Ты ведь хочешь победить, не так ли? А для этого его надо видеть очень точно, порой куда точнее, чем он сам видит себя.

А теперь второй известный мне принцип древней, беспощадной борьбы, включающей в себя смертоносные приемы, приемы уничтожения противника.

Вот он. «Лучший бой тот, который не состоялся».

«ОГОНЕК» — «ТАЙМЫРАМ»

Номеру журнала, который вы держите в руках, можно сказать, повезло. Совсем скоро он отправится «с оказией» на борт орбитального комплекса «Мир» — космонавты Юрий Романенко и Александр Лавейкин просили, по возможности, передать им несколько вновь вышедших «Огоньков». Ну кто же будет против этого!

Коллектив редакции откликнулся на просьбу «Таймыров», а организацией «почтовой посылки» займется специальная группа психологической поддержки экипажа. Совсем недавно, кстати, эта группа отметила своеобразный юбилей — 10-летие работы с экипажами советских орбитальных станций. В группе трудятся врачи, психологи, социологи, инженеры линий связи, на плечах которых нелегкая задача — устранить дефицит общения во время длительных полетов за пределы земной атмосферы. Космические «грузовики» регулярно доставляют космонавтам почту, книги, газеты и журналы, видеокассеты с новыми фильмами, музыкальными программами. Регулярными стали встречи с родными, известными артистами, писателями, творческими коллективами.

Центром управления полетами было высказано недавнее пожелание космонавтов встретиться на одном из сеансов связи с сотрудниками и авторами журнала. «Огоньковцы» выражают готовность «выйти на орбиту» и, пользуясь случаем, передают экипажу наилучшие пожелания здоровья и успехов в работе.

УТВЕРДИТЕ МЕНЯ ХОЗЯИНОМ!

Начало см. на стр. 1.

дена Трудовой Славы трех степеней, обрабатывают площадь в 60 гектаров. На подряде звено работает два года. Урожайность в 1986 году составила 383 центнера с гектара. Звено добилося самой низкой себестоимости картофеля — 1,5 рубля за центнер (а по республике — 9 рублей), самых низких затрат труда — 0,54 человеко-часа на центнер (а в среднем по республике — 2 человеко-часа). Вот такие слова. Лестные и очень ко многому обязывающие. Об этом наш главный разговор. Ну, прежде чуть подробнее о самом Синицком.

Потомственный крестьянин. Механизатор по призванию. Звеньевой. Заочник Смиловичского сельскохозяйственного техникума. Полный кавалер ордена Трудовой Славы. Депутат Верховного Совета СССР. Член Минского обкома партии. Член ВЦСПС. Участник ВДНХ. Отец восьмерых детей.

Перечисленного, полагаю, достаточно, чтобы возник вопрос: а что, собственно, может беспокоить такого человека? Понятны сомнения, неуверенность тех, у кого не ладится дело, чье поле плохо родит, чье положение нестабильно и шатко. А ему-то, Синицкому, и перестраиваться не-бось незачем?!

Не так! Есть у него тревоги, есть сомнения. Потому, вернувшись из Москвы, пришел он в директорский кабинет и вроде бы покаянно сказал директору Валерию Ивановичу Комисарчику:

— Не стал я в Москве по начальству бегать. Неудобно тут же, после Пленума ЦК КПСС, негодные приемы демонстрировать, пользоваться депутатским мандатом и что-то кланчить... Сколько можно?!

Валерий Иванович не возразил. Хотя очень бы, конечно, не помешало похлопотать насчет машин, удобрений, стройматериалов. Но он понимает Ивана. Да и самому надоело возить Синицкого с собой в качестве «пробивной силы» в министерства, в агропром, в облисполком, чтобы что-то приобрести для совхоза или бумагой какой запастись. Неловко. Получается, злоупотребляет деревня Загалье тем, что вырастила депутата.

— Ладно. Должно быть, положение теперь изменится. Пленум и сессию не для разговоров собирали.

— Должно!

С огромной надеждой и твердой верой в то, что многое, очень многое пойдет по-другому, приехал из Москвы полесский крестьянин Иван Синицкий. Сказал же Михаил Сергеевич на Пленуме: «Во-первых, мы и так потеряли годы и десятилетия; во-вторых, «прекрасного завтра» может и не быть, если сегодня не работать в поте лица, меняя образ мышления, преодолевая инерцию, осваивая новые подходы».

Точно! На примере Загальского совхоза — лучше не надо — видно, какой клубок предстоит распутывать и какие пласты переворачивать, чтобы перестроить все так, как определила партия. Взять техническую базу. Четыре трактора в совхозе «рождения» 1966 года, один — 67-го, три — 72-го, четыре — 73-го... А ведь известно — после шести сезонов трактор, как правило, уже в убыток: затраты на ремонты, запасные части себя не окупают. Кстати, нынешний порядок ремонта машин в системе агропрома ничем не отличается от того, что существовал в «Сельхозтехнике». Ремонтируют долго и плохо, ремонт сплошь и рядом обходится дороже, чем новая машина. Вот и попробуй тут жить на самоокупаемости!

— Над всем этим, Иванович, я и в Москве, и дорогой голову ломал. По-

хвалили нас на Пленуме, а мы-то с тобой ведь помним, что мое звено да и другие звенья по крайней мере вполнине еще, а то и меньше загружены. А получается так: и есть у нас сила, и нету ее.

— Знаю, что имеешь в виду.

— Понятно, знаешь... Гусеничный трактор в звене нужен? Нужен. Культиваторы нужны, катки, штанговые опрыскиватели... И организовывать все по-другому... Сейчас вспомнить как-то неудобно, а ведь недалеко еще мы от этого ушли: вызывают — дата юбилейная приближается. Возьми повышенные обязательства! А за счет чего? Теперь-то верно судят: если твердого расчета нет, это не экономика, а раз не экономика, значит, и не прогресс! Считается, наше звено на подряде. Нет настоящего подряда, пока у нас с дирекцией договор не подписан, в котором все по строчкам: мы берем столько-то земли и обязуемся сдать столько-то продукции. А совхоз нам под это гарантирует, — не обещает, а гарантирует, исходя из норм, столько-то сортовых семян, столько-то удобрений, столько-то химикатов и такую-то оплату... Нет же пока такого!

— Нет. И знаешь почему?

— Как не знать! Фосфорных удобрений в этом году звену ни грамма не досталось. А без них хорошей картошки не вырастишь на наших торфяниках. Тебе-то известно. А тем, кто фонды делит... Им все равно, они ни за количество, ни за качество урожая не отвечают.

— Я сам жду не дождусь, когда понятие «фонды» забывать начнем, на оптовую торговлю переведут аграрников... Миллион с лишним за прошлый год прибыли получили. А истратить труднее, чем заработать.

Они долго толковали в тот день — директор и звеньевой. Повторяли друг другу давно известное, повторяли потому, что наболелее в беспокойной душе никак не уляжется.

На другой день утром Иван Григорьевич встретил у конторы товарищей по звену: Петра Гелетюка и двух Николаев — Круковского и Трубчика. Поскольку на картофельном поле до уборки затишье, Круковский и Трубчик заняты на покосе, а Гелетюк, классный сварщик, в мастерских.

— Ну, что из Москвы привез? — Петр протянул звеньевому загорелую руку. — На Пленуме, я прочитал, напомнили, что интерес трудящихся как хозяев производства — самый сильный интерес и самые надежные средства в прогрессе.

— На Пленуме напомнили, а тут, в РАПО и совхозе, нам еще воевать и воевать с экономистами. Они же привыкли уравниловкой всех в одну ведомость пеленать, все боятся, что мы капиталистами стать хотим. Не верят, что утвердиться хозяевами рвемся.

...Да, нехоти сейчас отлучаться из совхоза. Но хочешь не хочешь, завтра уезжать на экзамены. А сегодня вечером обещал приехать Эдик — старший сын. Там же, в Смиловичах, учится он на агронома. Только отец в заочном, а сын в очном техникуме. Приедет — и сразу на машину в поле. Ивану Григорьевичу по душе намерения сына: прежде чем браться кем-то руководить, поработай механизатором, узнай, какая она, земля, в крестьянских руках и какая цена хлебу, который вы с ней дали людям. Это ведь самая высокая для крестьянина награда, когда рядом с отцом хозяином становится хозяин-сын.

Александр ЩЕРБАКОВ,
Сергей ПЕТРУХИН (фото)

Минская область.

ШЕСТЬ МИНУТ С РОБЕРТОМ ДЕ НИРО

Да, очень хорошо, что лучшие актеры мирового кино охотно соглашались участвовать в работе Московского международного кинофестиваля. Как Роберт Де Ниро, который является председателем жюри конкурсной программы художественных фильмов. Жаль только, что наш кинопрокат не столь подробно информирован о мировом киноискусстве, как Оргкомитет фестиваля, и лучшие фильмы Де Ниро еще ищут дорогу к советским зрителям.

Так или иначе, но Роберт Де Ниро в Москве — со времени прошлого его приезда в нашу страну прошло четыре года, и знаменитый актер охотно согласился дать короткое, в несколько минут всего, ввиду чрезвычайной занятости, интервью для «Огонька».

— С каким чувством вы вглядываетесь в Москву сейчас? Что вы знаете о процессах, происходящих у нас в стране? Чем интересуетесь в первую очередь?

— Мне очень хотелось приехать к вам снова — с прошлой поездки. С нетерпением ожидаю фестиваля, уверен, что он удастся, будет очень интересным. Рад, что со мной дети. Четыре года назад я тоже приезжал с сыном, было ему тогда шесть лет. А на этот раз я привез в Москву и дочь.

До обидного мало знаю пока о вашей перестройке, но перемены очевидны, они ощутимы во всем, я вижу их и очень хочу им верить, надеюсь, что они настоящие и надолго.

Я заново открываю Советский Союз вместе с собственными детьми. Мне хочется, чтобы они непредвзято вглядывались в советскую жизнь, вникали по мере сил в современность вашу, постигали столь богатую историю вашей страны. Они как бы продолжают мой собственный интерес: пусть знакомятся с людьми, заходят в первый попавшийся магазин, видят и узнают побольше. Мне вместе с ними интересно было бы побывать во всемирно известном Эрмитаже. А еще хотим съездить на Кавказ, в Тбилиси. Видите, как много планов. Но, как говорят в Америке, дела прежде всего...

Мне очень интересно побыть в роли председателя жюри, хотя я несколько страшусь. Однажды я уже работал в составе жюри, это было во Франции два года назад. Искренно могу сказать, что возглавить жюри XV Московского кинофестиваля для меня большая честь.

— Хотели бы, чтобы ваши дети тоже стали актерами?

— Не знаю, пусть решают сами. Актерская профессия действительно очень трудная, это не пустые слова. Очень важно все время быть в форме, а это нелегко, потому что в нашем мире вокруг человека немало самых разных соблазнов, многие не следят за собой, своим распорядком, за своим образом жизни. Мне приходится тренироваться — назову ра-

боту над собой так — пять-шесть раз в неделю, каждый день по час пятнадцать; это необходимость, а не увлечение, это реальная потребность, а не фанатизм. С годами, конечно, подобные тренировки входят в привычку, ты без них уже не можешь, но, чтобы не изменять этому принципу, все равно нужно иметь большую силу воли. Мне приходится много ездить, это и работа, и путешествия ради удовольствия. А когда ты не дома, а в поездке, тренироваться особенно трудно. Но нужно находить время. Без этого актер никогда не будет актером. Здесь, в Москве, я тоже постараюсь не изменять своим принципам.

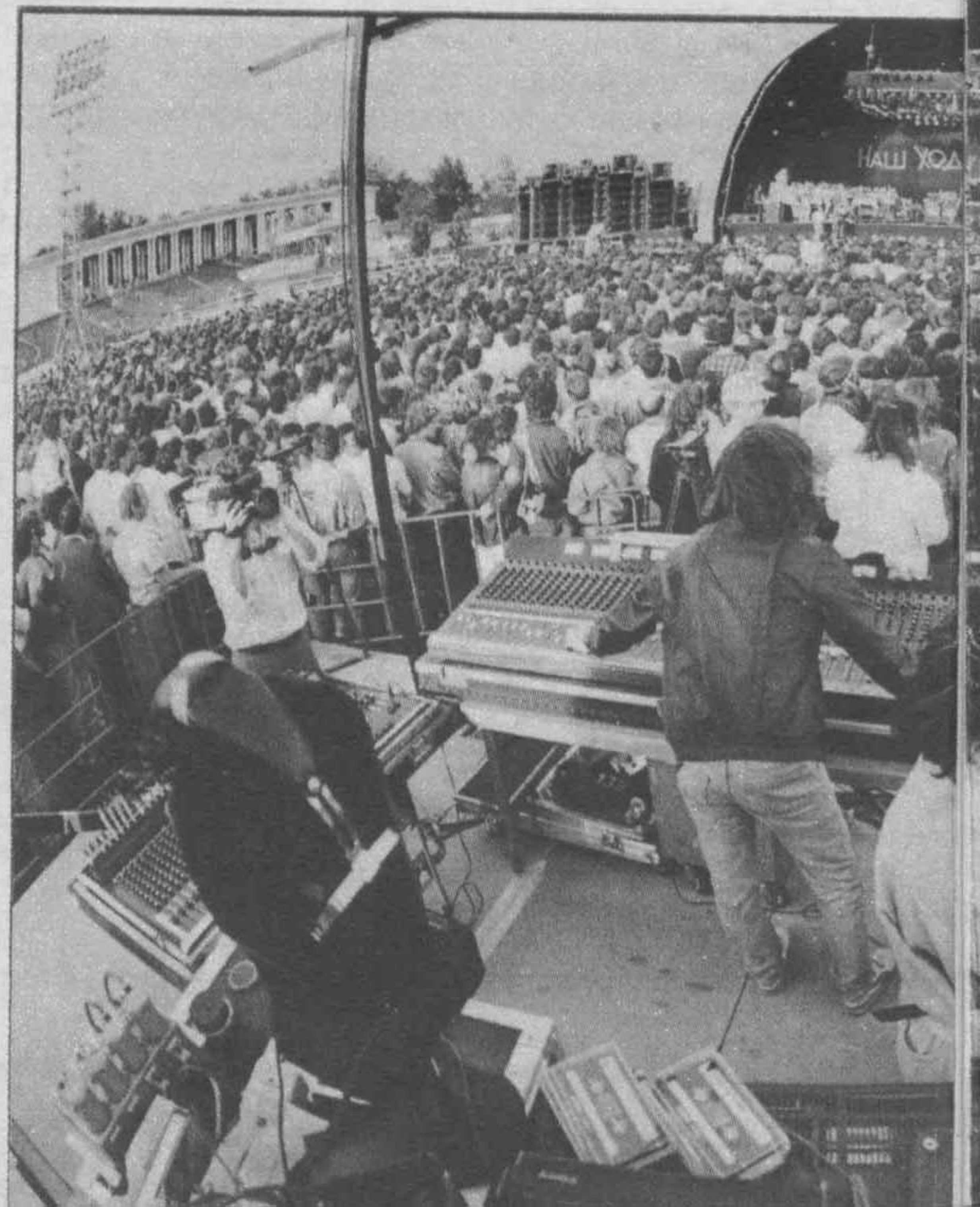
Меня часто спрашивают, нравлюсь ли я сам себе на экране. Трудно сказать, но обычно я доволен своей работой. Жалоб у меня нет. Последний фильм, в котором я принимал участие, — «Неприкасаемые» режиссера Де Пальма. Он повествует о событиях минувших дней и относится к периоду, когда в Америке был сухой закон. Это фильм игровой, приключенческий, но, если так можно сказать, с «психологическим уклоном» — такие фильмы я тоже люблю, иначе бы в них не снимался. Когда вернусь на родину, сначала отдохну, но еще до зимы начну новую роль.

— Что вы пожелаете нашему журналу, всем читателям «Огонька»?

— Успеха и еще раз успеха. Каждое хорошее дело должно совершенствоваться по мере развития; думаю, ваш журнал стремится к тому, чтобы завтра быть интереснее, лучше. Читатели ведь желают того же — да сбудутся ваши с ними надежды! А я вместе со многими тысячами зрителей полон желания видеть больше хороших фильмов. Верю, что Московский кинофестиваль порадует нас ими. Работа в жюри будет радостным трудом для меня — увижу немало лент, которых в иных условиях никогда бы не посмотрел. Нелегко придется, но иду навстречу труду этому как на праздник.

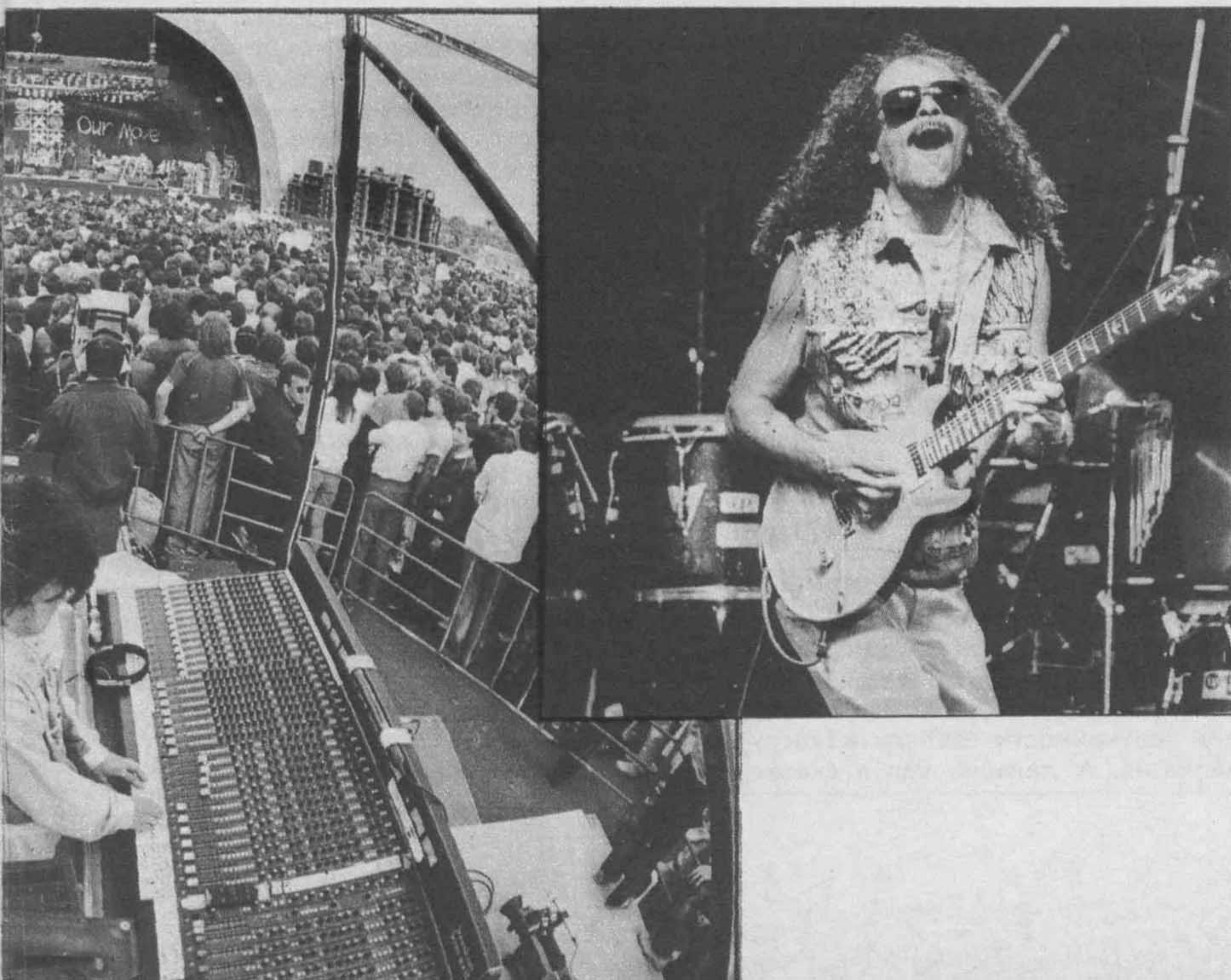
Вел беседу Андрей КАРАУЛОВ.

Фото Александра НАГРАЛЬЯНА.

751 КИЛОМЕТР МИРА

Погода!.. «Только с ней, пожалуй, не всегда вело», — говорит Алан Афельд, руководитель похода за мир и разоружение, организованного Советским комитетом защиты мира и миротворческой организацией «Интернэшнл пис уок» из США. Однако, по единодушному признанию, на всем протяжении маршрута избыток летней влаги компенсировался теплотой и радушием жителей четырех областей РСФСР — Ленинградской, Новгородской, Калининской и Московской, — встречи с которыми стали подлинным открытием для многих американцев — участников похода.

Из города на Неве они вышли в середине июня, самому младшему из них было восемь месяцев, а самому старшему — восемьдесят лет. У всех настоящее походное снаряжение и несколько пар сменной обуви. В первые дни июля, сплоченные трудностями и радостями дороги, лучшим пониманием совместной идеи, походники прошагали последние из 751 километра по столичному проспекту Мира...

— Наша акция, по существу, выделялась из множества антивоенных акций, — рассказал руководитель похода с советской стороны, секретарь СКЗМ И. П. Филин. — Новизна ее в том, что заранее не были расписаны, регламентированы программы каждого дня, кроме основных, ключевых моментов. Импровизация на тему дружбы полностью себя оправдала, сделаны новые шаги навстречу друг другу, большой совместный шаг по пути к миру.

Двести пятьдесят американских и примерно столько же советских граждан составили ядро похода. Было бы неверным ограничить общее число участников, ведь на каждом отрезке пути их число увеличивалось ровно на столько, сколько жителей населяли ту или иную деревушку, поселок, город. Совместно отмечали дни рождения, пели всем известные и сочиняли новые песни, склоняли головы в честь павших у скромных обелисков и величественных монументов героям Великой Отечественной... Память наших людей о войне в какой-то степени поразила даже тех, кто сам воевал сорок с лишним лет назад — среди американцев были ветераны второй мировой. В прошлом году они шли с маршем Мира по территории США,

плыли в Круизе мира по Миссисипи и с нетерпением ждали нынешнего лета, чтобы доказать злопыхателям простые истины. «Советы не разрешат свободно пройти по их территории!» — писали, заливаясь злобой, газеты. Что они скажут теперь?

— Я работал над фильмом о походе из Ленинграда в Москву. А поскольку это моя профессия — снимать кино, надеюсь заинтересовать материалом какую-либо из американских телекомпаний, — говорил режиссер Чарльз Борделл. — Вообще-то видеокамеры взяли с собой многие. Хотя я и не являюсь приверженцем коллективного творчества, если смонтировать отснятое, получится весьма необычный ролик.

Совместная акция мира прошла под лозунгами борьбы против гонки вооружений, против осуществляемой администрацией США программы СОИ, за полное запрещение ядерных испытаний. Многие, очень многие еще предстоит сделать. Тем не менее поход подарил надежду на то, что конфронтация будет заменена сотрудничеством.

4 июля в Москве, в День независимости Соединенных Штатов, собрались исполнители и музыканты двух стран. Больше шести часов продолжался уникальный в своем роде концерт: ведущие мастера искусств нашей страны и «звезды» американской музыки — Джеймс Тейлор, Бонни Райт, группа «Дуби бразерс»...

— Осуществилась моя давняя мечта сыграть в Советском Союзе, — делился впечатлениями после концерта прославленный рок-гитарист из Сан-Франциско Карлос Сантана. — Собственно, музыка является универсальным языком, он понятен многим и помогает устранять недоверие, укрепляет нашу веру. Надеюсь, как мы здесь говорили, осенью этого года уже в США состоится аналогичный концерт мира.

Дополним: обсуждался вариант продолжения акции мира. Где-то на середине пути между Ленинградом и Москвой родилась идея похода будущим летом по Америке. С надеждой на новую встречу и уезжали из Москвы те, кто по-новому оценил понятие дружбы, укрепил ее частичкой своей души и сердца.

Владимир КОВАЛЕВ

Фото Игоря ГАВРИЛОВА
и Александра НАТРУСКИНА

Давайте теперь попробуем разобраться в этой нехитрой арифметике. Социологу-практику она позволила бы сделать прикидочный анализ, скорее, может быть, вступление к анализу понятия

престижности образа одного государства в другом государстве. Той самой престижности, которую с незапамятных времен всегда поддерживали люди и благодаря которым она же и падала.

Пытаясь досконально разобраться в этом, я неожиданно натолкнулся на одно препятствие: правила традиционного болгарского гостеприимства, привлекающего людей со всего мира, исключали получение детальной информации подобного рода.

— Нарушения? — спрашивали у меня. — Конечно, есть. И очень много. Но...

Я понимал, что даже излишне ретивый, сверхактивный гость — а туризм является как раз одним из видов активного отдыха — в этой стране все равно останется гостем дорогим и желанным. Обойтись с ним сурово за разные мелкие прегрешения не позволяет все та же туристская этика, которую и на Золотых песках, и на Солнечном берегу соблюдают строго.

— Но как бы хотелось и в нашем деле побольше гласности, — говорят организаторы отдыха на Черноморском побережье. — Ведь иногда злоупотребления переходят всякие границы...

Формально они были туристами — итальянские граждане Паоло Форсети и Габриэла Тревизин. Однако Паоло и Габриэла вместо солнечных и морских ванн отправились на своем «мерседесе» в район расположения армейских частей и военных объектов. И несмотря на неоднократные предупреждения, фотографировали «виды», весьма далекие от туристских. Паоло Форсети был осужден на 10 лет и 6 месяцев, Габриэла Тревизин — на 3 года лишения свободы.

В прошлом году на пограничном пункте Капитан-Андреево болгарские таможенники обнаружили около 20 килограммов героина в грузовом «мерседесе». Водитель — турецкий гражданин Хасан Йозсой. Это самая большая партия героина, конфискованная на болгарской территории после мая 1984 года, когда в «мерседесе» австрийца Августа Фейхта было найдено почти 30 килограммов зелья. Всего же в 1984 году болгарские таможенники обнаружили только у «туристов» около центнера героина.

В 1986 году была предотвращена необычная, дерзкая попытка контрабанды... пресмыкающихся. В рюкзаках трех иностранных туристов мирно почивали несколько десятков змей и ящериц, не обыкновенных, а редчайших экземпляров, чья цена необычайно высока.

Вспоминается и случай с задержанием на Золотых песках трех членов террористической группы «Движение 2 июня» из ФРГ...

К такого рода примерам поведения западных туристов в Болгарии можно было бы добавить и другие. Но, пожалуй, хватит. Сейчас меня больше всего интересует, а как мы выглядим на фоне постоянно расширяющихся контактов.

В сущности, какие мы, представители первого в мире социалистического государства, за границей?

Думаю, в чем-то очень похожи. Пожалуй, прежде всего в стремлении достойно представить Отчизну в глазах друзей. Ведь недаром сталевары Запорожья, механизаторы Ростова и Краснодаре, советские специалисты, работающие в Козлодуде и на металлургическом комбинате в Кремиковцах, награждены высшими болгарскими отличиями.

Игорь АЛЬТЕР

НАШИ- ЗА ГРАНИЦЕЙ

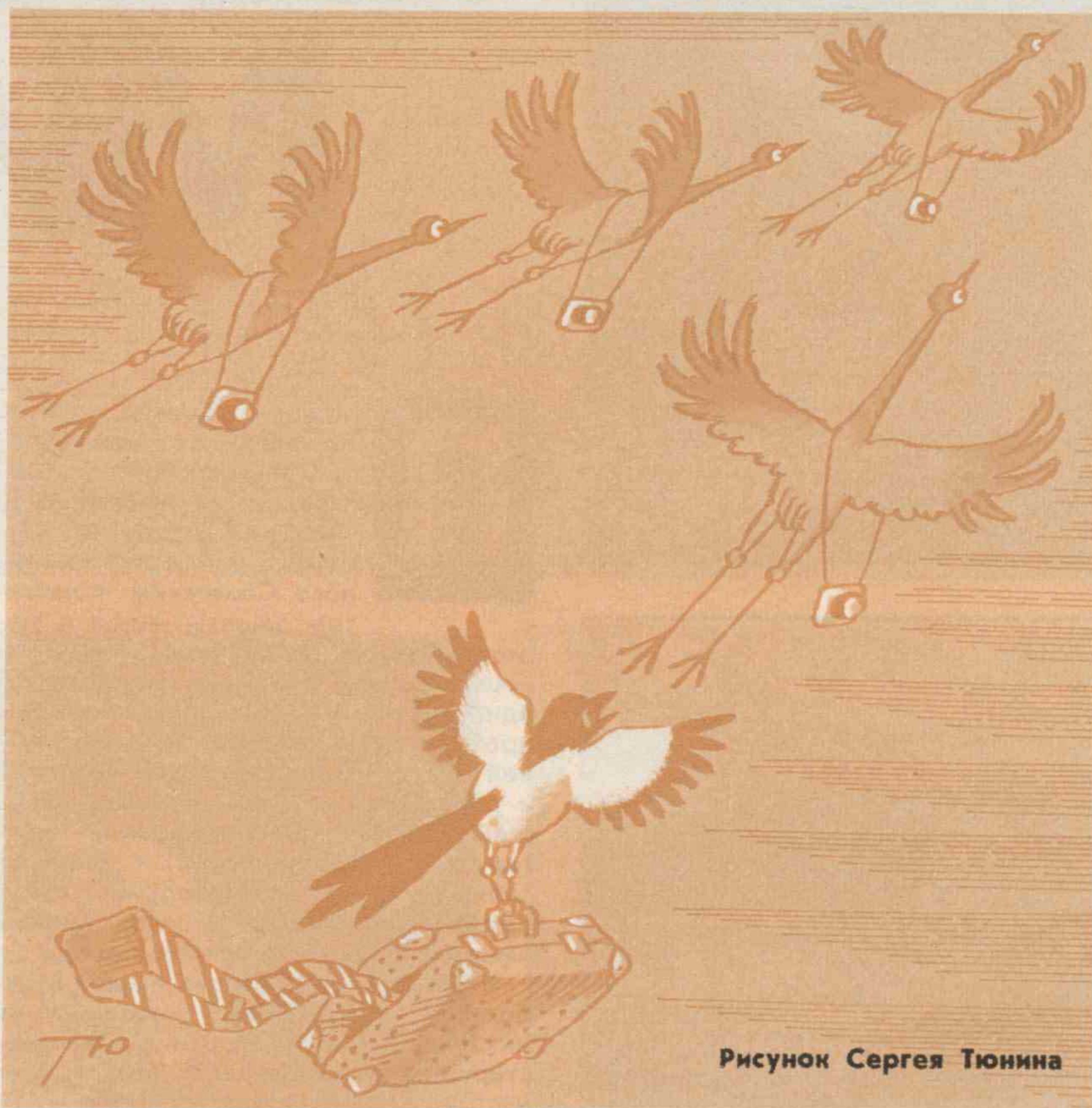

Рисунок Сергея Тюнина

А еще я думаю, что в чем-то все мы, попавшие за границу, очень не похожи. И опять-таки в главном — в отношении к своей Отчизне. Я теперь о тех, кто не бережет честь ее, кто, минуя Чоп или Унгены, может, и не восклицает: «О, русская земля, ты уже за холмом!» — но оставляет за этим самым холмом свою совесть. То ли сгорают у этой публики какие-то внутренние предохранители, то ли пружины, ранее от глупостей сдерживающие, ломаются? Не знаю... Но сам видел, как приехал сюда некий Пал Палыч и вечером в ресторане в пьяном угаре, пытаясь подцепить вилкой пустую рюмку, кричал своему другу: «Гу-ля-я-а-ем, Ва-ся-тка-а!»

За десять лет работы в Болгарии мне хотя и не так уж много, но приходилось заниматься проблемами международного туризма. От болгарских коллег — мы, слава богу, уже почти научились говорить друг другу не только комплименты, но и горькую правду — услышал немало упреков по поводу чрезмерно обильных возлияний, разного рода дисциплинарных прегрешений, которые позволяют себе туристы из Страны Советов.

Я помню, меня поразило тогда то, что любые наши промахи — пусть самые незначительные — воспринимаются болгарскими мажорами острее, чем самые серьезные нарушения западных туристов. Почему? Да, наверное, потому, что ошибку другу простить

«В 1986 ГОДУ БОЛГАРИЮ ПОСЕТИЛО 7 567 092 ТУРИСТА ИЗ РАЗНЫХ СТРАН МИРА, В ТОМ ЧИСЛЕ 250 ТЫСЯЧ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН...»

(Из справки Балкантуриста)

«ЗА ПЕРВЫЕ СЕМЬ МЕСЯЦЕВ 1986 ГОДА ЗА ГРУБЕЙШИЕ НАРУШЕНИЯ НОРМ ПОВЕДЕНИЯ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН ЗА ГРАНИЦЕЙ ИЗ БОЛГАРИИ НА РОДИНУ ОТПРАВЛЕНЫ ДОСРОЧНО 11 туристов...»

(Из справки представительства Госкоминтуриста в НРБ о пребывании советских туристов в Болгарии)

щучьему велению, только вместо золотой рыбки милиционер появляется и очень вежливо объясняет: «Платить надо, уважаемая...». И если уважаемая быстро сообразит, что нелишнее тут извиниться, а то и покаяться, мол, бес попутал, и, не пользуясь именем новой знакомой в группе (и так частенько бывает!), свое назовет, предъявив паспорт, да к тому же без уговоров штраф заплатит, то уже через 15—20 минут выходит она из магазина, облегченно вздыхая: «Пронесло...».

И действительно, ни в группе, ни по месту работы многие случаи пьянства и воровства не становятся известными. Те же, кто замешан в них, возвращаются домой и с друзьями впечатлениями делятся: «Хорошо-то как было...».

Совсем как в песне получается: «Хорошо-то хорошо, да ничего хорошего». Ибо официант из ресторана, где наш Пал Палыч веселился, тоже со своими приятелями тот незабываемый вечер вспоминает: «Много видел я пьяных, но таких...». А продавщица из магазина, где чуть было одного платья недосчитались, придя с работы, сыну рассказывает: «Сегодня у нас опять советскую туристку милиция задержала...».

Сами по себе эти два случая заметно на процент увеличения преступности не влияют, но значительно увеличивают процент потери авторитета, престижности страны. Не поэтому ли всякое нарушение норм поведения советского человека за границей должно рассматриваться не только с юридической точки зрения, но и прежде всего с государственной? Ведь ущерб, который мы, зачастую не думая, наносим своей Родине, иногда оказывается непоправимым...

При существующей у нас системе оформления за рубежом человека заслоняет его анкета. Она, как здоровье у космонавта, почти всегда отменна, все в ней на высшем уровне. И границу пересекает анкета, бумага, на которой — все, кроме совести...

Где искать прокол? В коллективе, партийной, профсоюзной или комсомольской организациях?

Написав это, я невольно спохватился. Легче всего спросить: «Где?». Нынче искусство «ставить вопросы» обрело массовый характер, достигло вершин совершенства. Что касается их решения, положительной отдачи, то тут мы, случается, утрачиваем большинство из необходимых способностей. Увы, пока не изобрели аппарат, способный высветить нашу мораль, нравственность, заглянуть в душу. Может, оно и к лучшему, ведь отличие-то человека в его непредсказуемости. И чаще всего в тех ситуациях, когда он чувствует себя абсолютно безнаказанным! В группе, хочу заметить, легче всего скрыть негативные стороны. Хотя бы потому, что ни в одной анкете не указано, что группа — коллектив в целом — отвечает за недостойное поведение любого, находящегося в ее составе.

А может, именно за рубежом, где чувство ответственности за престиж своей страны должно быть необычайно высоко развито, принцип «один за всех и все за одного» оказался бы наиболее действенным? Должны же наконец когда-нибудь люди научиться не бояться перед лицом своей Отчизны отвечать за... людей. Это была бы не только дань доверию, ею им оказанному, но прежде всего гарантия того, что они никогда в будущем не посрамят ни своего, ни ее достоинства.

А пока только сотрудники советских учреждений становятся первой мишенью, куда летят стрелы, отравленные ядом позора за своих соотечественников, тех, кто преступил границы нормального и разумного.

М. Алмазова, торговый работник из Бану, в софийском ЦУМЕ совершила

легче, но себе объяснить труднее, и ранит она больше.

Происходит все это сегодня, когда мы говорим, что интеграция — не только в сближении наших экономик и общественных структур, но — и самое важное — в глубинном сближении душ наших людей. Процесс этот пустил глубокие корни, проник во все поры жизни. Далеко не безразлично, как мы выглядим в глазах друзей, более того, человеку просто необходимо уметь посмотреть на себя иными глазами, чтобы многое понять.

Написал это предложение и невольно поймал себя на мысли: может, замечли ли? Одиннадцать человек отправлены из Болгарии на Родину досрочно — да, но как без «издержек производства»? Если б к этой цифре да один-другой нолик прибавить, тогда — да! А так...

Тут мы с вами подошли к самому важному: за границей, а конкретно в Болгарии, нам очень многое прощают. Выпил так, что дорогу домой с помощью рук ищешь, но при этом воплями окрестности не оглашаешь, — закрывают глаза. И гид, и администрация гостиницы. Дескать, пригласил гость дорогой, не подрастали силенок.

Бывает...

Или, скажем, приглянулось в магазине нашей туристке модное платье. Положила она его в сумку и прямо к выходу направилась, по странной случайности деньги в кассу не заплатив. А дальше, как в сказке по

кражу на 101 лев и была задержана милицией. В отделении Алмазова заявила, что она за все заплатила. Тогда ее попросили предъявить чеки, которых у нее, естественно, не оказалось. Однако и тут Алмазова не растерялась, признавшись следователю, что от волнения два чека потеряла, а два других... съела. Я не знаю, была ли она разволнована в действительности, но мне доподлинно известно, что по дороге в милицию Алмазова пыталась выбросить из сумки украденные вещи. А когда ее привели в представительство Госкоминтуриста в НРБ, то она прямо с порога набросилась на сотрудников с упреками: «Я думала, вы поможете советскому человеку, попавшему в беду за границей»...

Не помогли. Досрочно отправили домой.

Раньше срока пожелала вернуться в родной Киев и Павлина Ильинична Котенко. Отдыхая с ребенком на курорте Албена, она решила из всех напитков употреблять только спиртное. Притом в весьма солидных дозах...

Рассыпавшись по парку цепью, группа туристов искала ленинградца В. И. Круглова. А он в это время лежал пьяный на тринадцатом этаже гостиницы «Москва». Круглов задержал отъезд дунайского круиза из Софии. Именно поэтому его самого не стали задерживать и тоже попросили досрочно возвратиться на берега Невы.

З. Эстамирова из Чечено-Ингушетии совершила кражу в магазине «Детский мир» города Варны. Во время беседы с директором этого магазина она с перепугу (!!) выскочила из окна и с переломом носа доставлена в больницу...

О. В. Фокин из города Саратова в софийском ЦУМе пытался украсть две пары обуви. Милиция помешала. Фокин досрочно отбыл по месту жительства...

Такая же участь постигла и А. А. Талызину из Московской области, она задержана в ЦУМе. В том же торговом зале завершила свой отпуск и одесситка Г. И. Вихренко...

Пожалуй, хватит печальных примеров. Вы, возможно, уже обратили внимание на одно любопытное обстоятельство: чаще всего радостно начавшиеся путешествия грустно оканчивались в ЦУМе болгарской столицы. Судя по ответам «досрочников» (они почти единодушно, в один голос заявляют: «Мы не знали, что в ЦУМе действует электронная система контроля»), причина — в научно-технической революции. Выходит, НТР может сберечь государственное имущество, однако умные приборы не в состоянии уберечь кое-кого от искушения.

Как избавиться от этой ужасающей несовместимости? Как добиться полного совпадения между анкетой и записанным ею человеком? По-моему, есть только один выход — говорить об этом вслух. Ибо чем больше мы молчали вчера, тем больше темных пятен прилипало к мундиру страны, вывести которые, оказывается, не так-то просто даже сегодня.

Не раз приходилось слышать высказывания о том, что наших туристов недостаточно инструктируют перед поездкой за рубеж. Честно говоря, я тут многого не понимаю. Выходит, должны вызвать в соответствующие инстанции и предупредить: «Не воруй, пожалуйста, Алмазова, в Болгарии — это нехорошо!». Или, к примеру, с Котенко провести разъяснительную беседу: «Павлина Ильинична, на курорте Албена спиртного — море разлитое! Так вы уж будьте так любезны, постарайтесь там не переборщить — это очень стыдно!»

Неужели взрослым людям мы должны внушать азбучные истины, которые они познают вместе с молоком матери, и объяснять, что сознание не должно превалировать над сознанием? Неужели все тот же сознание выше чести, собственного достоинства, престижа страны, наконец?

И если все-таки его вирусы успели поразить наше сознание, значит, срочно необходимо эффективное и хорошо продуманное лечение. Потому что если завтра вновь вспыхнут рецидивы наших сегодняшних недугов, то механизм перестройки, с таким огромным трудом запущенный в движение, может начать работать вхолостую...

София — Москва.

Редакция получила много откликов на статью «О чем шумите вы!» (№ 21), в которой анализировались некоторые аспекты деятельности движения «Память». Предлагаем выдержки из писем.

Я только однажды соприкоснулся с этой организацией. Это было несколько лет тому назад на вечере, посвященном Ивану Федорову. Должен признаться, что ощущение неловкости не покидало меня после первого получаса лекции и затем оставалось еще несколько дней. Речь шла о тайнописи Первопечатника — теме, на мой взгляд, сложной, требующей многократной и всесторонней проверки и очень деликатного изложения... Я работаю в науке восемнадцать лет и никогда не сталкивался с такой экзальтацией. Безапелляционность суждений в любой области человеческих отношений, а тем более в науке, как мне кажется, говорит о том, что человек, пользующийся такой манерой изложения, либо ограничен, либо фанатик. Вот, пожалуй, главное впечатление о той встрече с «Памятью».

Думаю, членам «Памяти» нужно разобраться в своих внутренних делах и отделить «зерна от плевел». Пока же складывается впечатление, что наряду с позитивной и очень важной в ряде случаев работой (восстановление памятников архитектуры, например) в деятельности «Памяти» стали появляться шовинистические акции, говорящие о гражданской незрелости. Имею в виду непонимание тех последствий, которые эти акции могут вызвать в обществе.

С. Д. АЛЬБАНОВ

Москва.

Процесс уничтожения народной памяти и истории продолжается, несмотря на некоторые появляющиеся публикации. В статье «О чем шумите вы?» ваш журнал набросился на, безусловно, патристическую организацию «Память». Грубо, стыдно... Вы не дали руководителям «Памяти» высказать свои мысли, как дали сделать это на второй странице Д. Разеру (кстати, думаю, еврею). Вы хотите погасить искорку памяти.

С. Д. БЕРЕЗИН

Краснодар.

В период самых сложных этапов развития нашей истории лучшие представители русского народа выступали против мракобесия и вседозволенности. Да, в нашей истории был «Союз русского народа», на его совести дело Бейлиса и убийство Баумана, сотни погромов, против которых гневно выступали Л. Толстой, М. Горький, А. Чехов, В. Короленко. Это для меня история. Но лично я помню статью Е. Кононенко «Люди в белых халатах»: на моих глазах совершалась дикость, и, когда я отказалась выступать на митинге по поводу этой статьи — навета, меня стали преследовать «неожиданные» трудности...

«Борьба против космополитизма» уже была в жизни моего поколения. После нее мы недосчитались многих имен в науке, литературе, музыке...

ЧТО СЛЫШНО В ШУМЕ?

Читая статью «О чем шумите вы?», я думала: хорошо, что вылезли из щелей и стали вслух вещать о «спасении Родины» те, которых можно было бы не заметить вовеки.

Память — наша культура, наша совесть и правда. Нельзя, чтобы к ней прикасались мракобесы.

Н. Г. ДИТЯТЕВА

Архангельск.

Авторы льют мутный поток на деятельность русского патристического общества «Память». Чем недовольны авторы — тем, что участники «Памяти» защищают исторические памятники страны, выявляют настоящих врагов народа, которые эти памятники уничтожают?! В статье проскальзывает скрытое недовольство перестройкой, демократией.

Н. СТЕПАНОВ

Москва.

На мой взгляд, руководители «Памяти» весьма ловко прикрываются заботой об историко-культурных ценностях страны. На самом же деле пытаются внести раскол в национальное единство Родины, плюют на дружбу народов, интернационализм. Ополчившись против бассейна «Москва», крикуны из «Памяти» забыли, сколько произведений искусства Древней Руси было уничтожено во второй половине XIX века под лозунгом «самодержавие, православие, народность».

С. ШОР

Куйбышев.

Вплоть до апреля 1987 года я активно занимался сохранением историко-культурного наследия в рамках ВООПИИК, а именно его Московского городского отделения. Однако раскол МГО, происшедший в процессе подготовки X отчетно-выборной городской конференции, и последующие события фактически привели к невозможности мне и многим моим товарищам продолжать свою работу совместно с нынешним руководством МГО. Что же произошло?

В нарушение устава ВООПИИК, всех процедурных норм в марте — апреле 1987 года руководители МГО, в первую очередь С. В. Королев и В. А. Виноградов, способствовали фактическому превращению МГО в подразделение объединения «Память», проповедующего наряду с верными мыслями о сохранении памятников демократические и просто бредовые идеи. Активисты «Памяти» под руководством В. А. Виноградова, являющегося также председателем общественной инспекции МГО ВООПИИК, поставили перед собой задачу — изгнать из МГО всех людей, хоть в чем-то несогласных с «Памятью». И избавились от таких ярких людей, как В. Л. Махнач, А. А. Клименко, И. К. Русаковский, К. В. Парфенов, Л. Г. Рассадников, С. Б. Филатов, Е. Б. Пхор, Р. Э. Рах-

матуллин и другие. В. А. Виноградов более года не бывал на возглавляемой им номинально секции МГО. Однако вполне соответствующие уставу ВООПИИК требования об отчете общественной инспекции перед городской конференцией не были удовлетворены, более того, за такое «крамольное» пожелание многие были подвергнуты остракизму — исключены из членов секции с формулировкой «за фракционную деятельность и нетактичные высказывания в адрес В. А. Виноградова». Это заседание (21 мая) проходило в отсутствие исключенных — они не были на него приглашены.

С. В. Королев, штатный зампред МГО, грубо нарушал уставные нормы ВООПИИК при подготовке к городской конференции, лично вычеркивал неугодных ему людей из числа делегатов. Боясь гласности, он, например, вообще отменил выборы делегатов и кандидатов в члены совета МГО от общественной инспекции, назначив их по своему усмотрению. Аналогичная история произошла и в секции (бюро) пропаганды, где Королев лично вопреки мнению членов совета назначил ее председателем А. С. Онегова, члена совета «Памяти». Апрельская городская конференция стала апофеозом идей этого объединения. С трибуны нечистым потоком лилась истерическая демагогия, а в зале бесновались подобранные «делегаты».

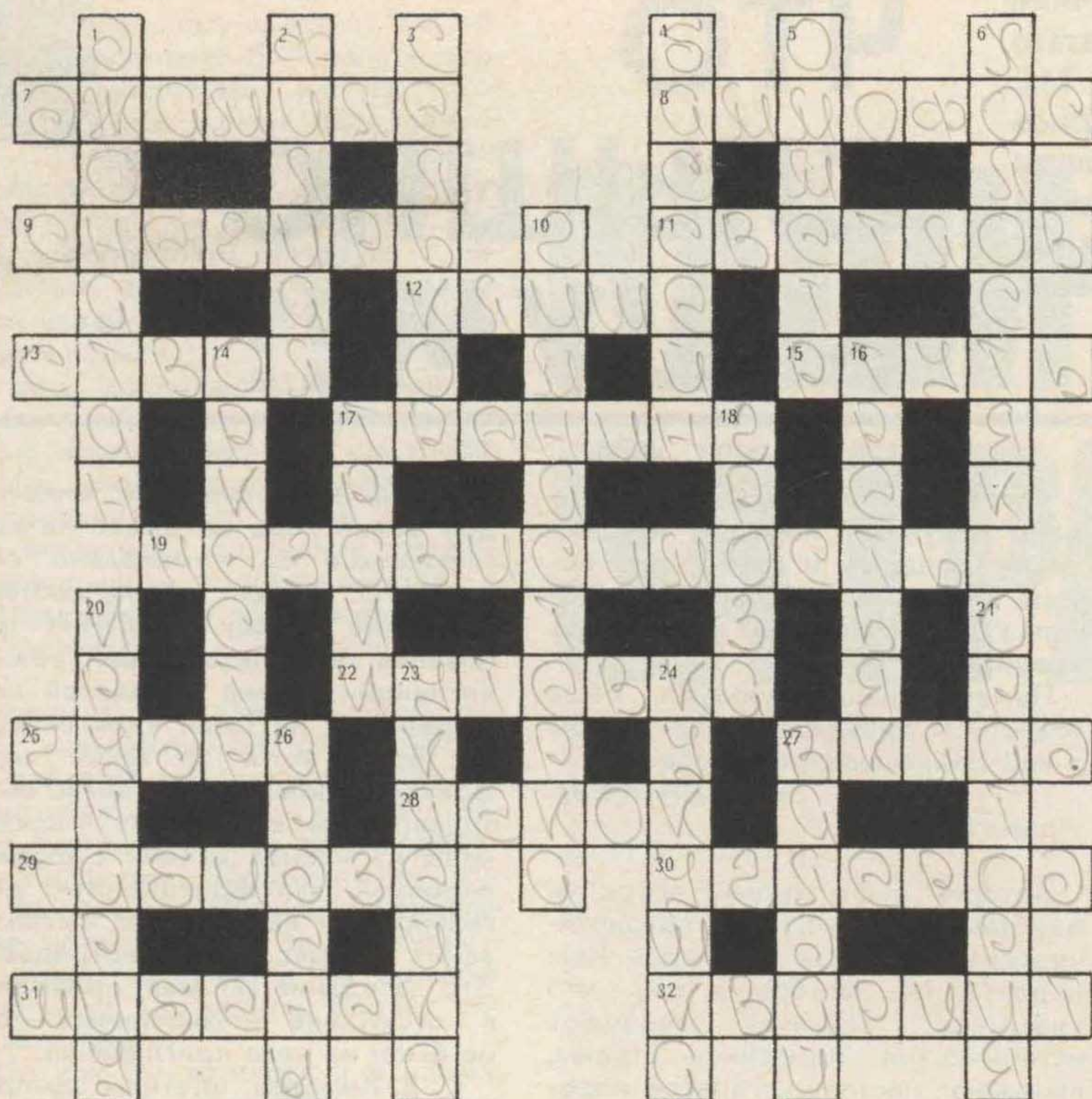
Хочу, чтобы меня правильно поняли. Я также искренне озабочен состоянием нашего исторического наследия, выступаю за наказание главных виновников гибели бесценных памятников. Более того, я знаю, что среди членов «Памяти» и близких к ней по взглядам людей много честных, патристически настроенных граждан, чьи заслуги перед нашим обществом весьма велики, но одурманенных демагогической фразеологией.

Л. Г. БЫЗОВ,

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики и прогнозирования НТП АН СССР, общественный инспектор МГО ВООПИИК, член президиума Севастопольского районного отделения ВООПИИК г. Москвы

ОТ РЕДАКЦИИ. Думается, правы авторы писем, отделяющие действительно благородные цели «Памяти» от социальной демагогии и противозаконных действий. К сожалению, как могли убедиться читатели, есть в письмах и попытки извратить содержание статьи. Думаем, что продолжение разговора поможет многим четче определить собственное отношение к важнейшим вопросам времени. А время у нас интересное и ответственное, требующее четкости позиций от каждого, кто причастен к великому процессу перестройки.

КРОССВОРД

По вертикали: 1. Сорт яблок. 2. Отделение предприятия, учреждения. 3. Стихотворение В. В. Маяковского. 4. Искусственный водоем. 5. Прибор для измерения электрических сопротивлений. 6. Комедия И. С. Тургенева. 10. Верхняя рубашка в военной форменной одежде. 14. Коллектив музыкантов. 16. Советский хоккеист, трехкратный чемпион Олимпийских игр. 17. Магматическая горная порода. 18. Атмосферное явление. 20. Румынский летчик-космонавт. 21. Музыкальное произведение для хора и оркестра. 23. Промысловая небольшая пресноводная рыба. 24. Лесная перелетная птица. 26. Бельгийская тяжеловозная порода лошадей. 27. Город в Новгородской области.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 27

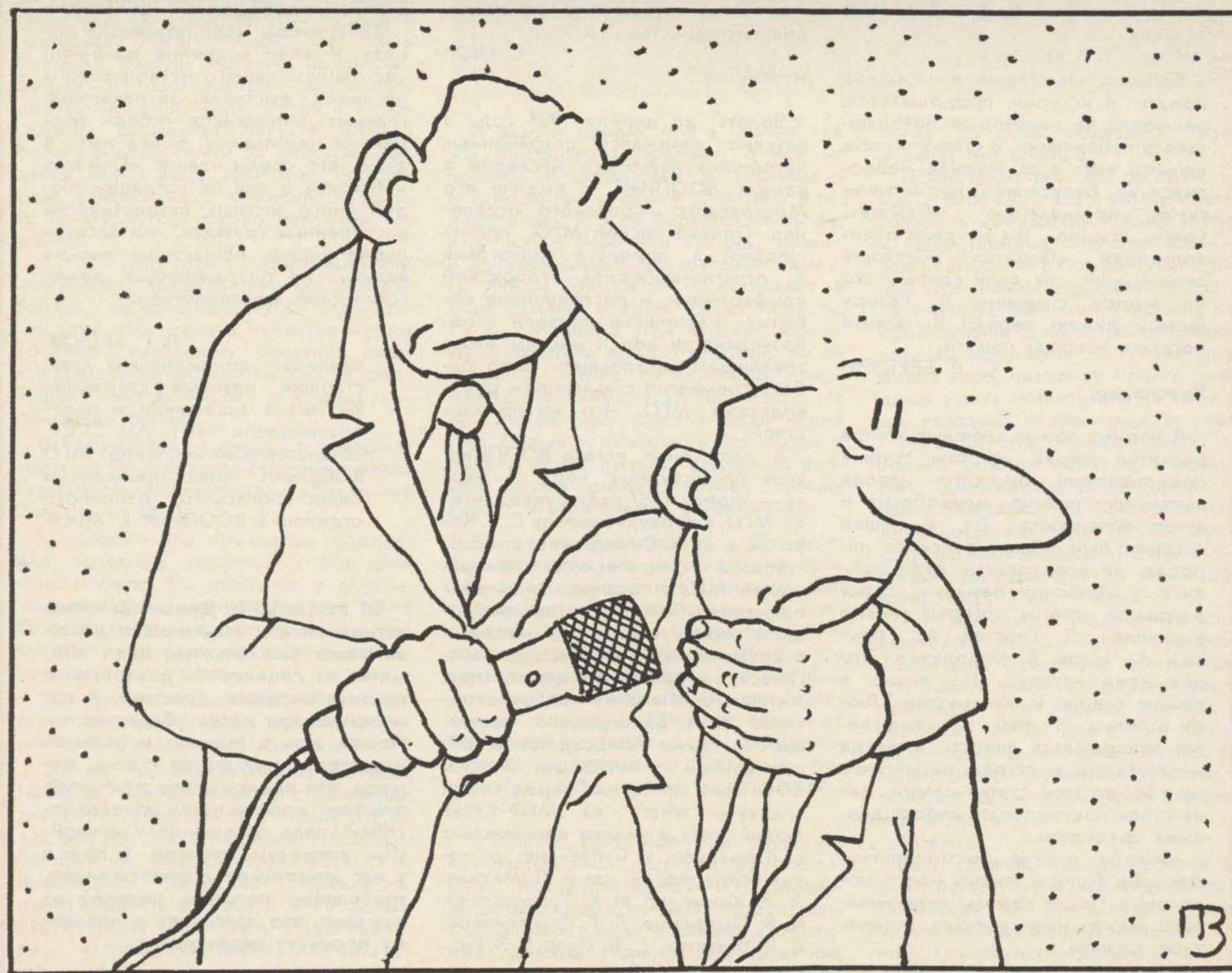
По горизонтали: 4. Траулер. 5. Шопен. 6. Бернс. 8. Куропатка. 12. Эльтон. 13. Болид. 15. Италия. 16. Мордюкова. 17. «Работница». 19. Удочка. 21. Север. 22. «Кавказ». 24. Свешников. 27. Самбо. 28. Юрист. 29. Зубатка.

По вертикали: 1. Даугавпилс. 2. Тренер. 3. Шербет. 5. Шамот. 7. Семга. 8. Консонанс. 9. Азизбеков. 10. Флорида. 11. Дилижан. 13. Брасс. 14. Дюрер. 18. «Двенадцать». 20. Чибис. 23. Визит. 25. Елогуй. 26. Ключка.

По горизонтали: 7. Опера Ж. Бизе. 8. Комплексное удобрение. 9. Певчая лесная птичка. 11. Поэт, лауреат Ленинской премии. 12. Иллюстрационная форма высокой печати. 13. Основная часть дерева. 15. Химический элемент, жидкий металл. 17. Система упражнений в конном спорте. 19. Политическая самостоятельность, суверенитет. 22. Направление от комсомольской организации на стройку. 25. Герой рассказа М. Горького. 27. Денежные средства, хранящиеся в банках, сберегательных кассах. 28. Французский композитор, мастер оперетты. 29. Народный поэт Грузии. 30. Природное органическое соединение. 31. Порт на Адриатическом море в Югославии. 32. Горная порода, строительный и декоративный камень.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок Виталия ПЕСКОВА

ВЫ

Ну, что говорить, если вы все видели сами. Четыре вечера прямых трансляций, все как на ладони: и уровень исполнителей, и оценки компетентного жюри.

Может быть, несколько слов о том, чего не было видно? Например, о заседаниях жюри между прослушиваниями. Ведь, кроме всем заметной работы, шла еще и невидимая, не менее важная, когда уточнялись критерии оценок, а по существу, само содержание конкурса.

Естественно, эта невидимая работа шла при «закрытых дверях», но когда члены жюри выходили, возбужденные или подавленные очередной дискуссией, можно было попытаться застать их врасплох.

Но не тут-то было.

Эдита Пьеха сказала: «Я хотела бы всем поставить самые высокие оценки, но боялась, что меня сочтут слишком доброй».

Раймонд Паулс сказал: «Меня столько раз оценивали на всяких

Всего один балл решил судьбу первого места, отданного Карэ Каукс.

Что ценнее для Ольги Раецкой — вторая премия или приз зрительских симпатий?

Жильвинас Бубялис напомнил нам молодого Элвиса Пресли.

Принимать решения членам жюри было не просто.

ПРОСИТЕ ПЕСЕН?

конкурсах, что теперь я потираю руки и говорю себе, что настал мой черед!»

Илья Резник сказал: «Вообще у нас было на редкость дружное и единое жюри».

И все они, конечно, слегка шутили...

А вот Юрий Саульский не шутя заметил, что конкурс показывает нам реальное положение дела на эстраде во всех ее стилистических разновидностях. Стало быть, беды конкурса — беды эстрады.

Теперь о лауреатах.

Карэ Каукс получила первое место, потому что оказалась наиболее зрелым исполнителем с точным чувством стиля и сценическим обаянием.

Ольга Раецкая не получила первого места, потому что первое место получила Карэ Каукс. Два года подряд присуждать главный приз исполнителю из Латвии, наверное, неловко.

Жильвинас Бубялис не стал лауреатом, потому что, к общему сожалению,

стал ярким исполнителем всего одной песни.

Равшан Каримов не стал даже дипломантом, потому что не показал ни одной яркой песни. А вот в «концерте после концерта» взял свое банджо (!) и запел итальянские шлягеры, собрав вокруг себя восхищенную толпу.

Значит, снова проблема репертуара: где взять, если нет?

Главный редактор Главной редакции музыкальных программ ЦТ Владимир Упорин тоже, кажется, не шутил, когда упрекнул журналистов: вот в прошлом году негодовали, что ТВ навязывает конкурсантам свои песни, теперь послушали вас, дали им волю, так они такого напредлагали, что и выбирать не из чего...

Фраза эта прозвучала там, где проходило, наверное, самое важное событие конкурса: «круглый стол» журналистов, критиков, представителей радио и телестудий и членов жюри, которые в этот момент снова стали композиторами, поэтами, певцами, руководителями музыкального вещания, то есть профессионалами, обес-

покоенными общим делом — советской эстрадной песней.

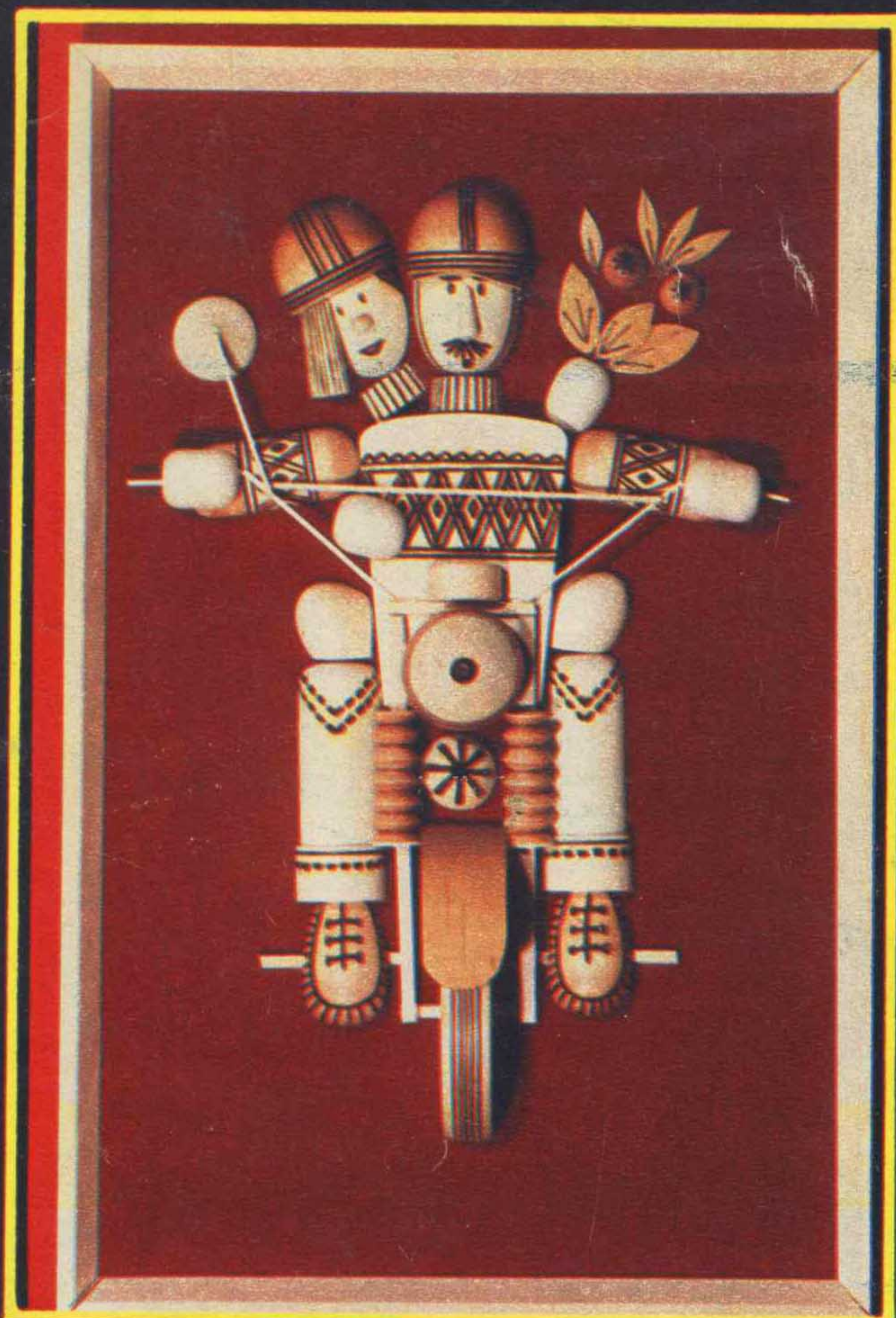
Не обошлось без взаимных упреков, порой справедливых. Но итог был конструктивен. Уроки нынешнего конкурса не пройдут даром. Определены новые принципы зонального отбора исполнителей, уточнена «формула» состязания, решено создать постоянный подготовительный комитет, который уже осенью начнет свою работу. «Круглый стол» фиксировали несколько магнитофонов, так что заверения и обещания — и журналистов, и организаторов — легко будет проверить. Не забудем об этом!

О чем еще вы не знаете? Пожалуй, к сожалению, о главном: об атмосфере, которая была в концертном зале «Дзинтари», — критичная, требовательная, не всегда объективная, но постоянно дружелюбная, заинтересованная, праздничная. Не видели, не ощутили вы тех маленьких деталей конкурсной борьбы, которые сделали бы ее для вас столь же интригующей и запоминающейся, какой была она для ее непосредствен-

ных участников. Конкурс молодых певцов — не концерт, где отработанные номера опытных артистов можно транслировать «один к одному». Тем более что конкурс этот телевизионный, тут можно порадовать самыми неожиданными видеосюрпризами и компьютерными выдумками. Ведь телезрителей не только интересует результат, как в футбольном матче, но и просто хочется отдохнуть у экрана. Соревнование — дело серьезное, но мы не обиделись бы на некоторый процент юмора... Уверен, что пристрастный, личный взгляд режиссера, как ни парадоксально, дал бы более объективную и привлекательную картину конкурса...

Впрочем, это все беглые заметки. Разговор о «Юрмале-87» стоит продолжить, чтобы больше радости и сбывшихся надежд принесла нам «Юрмала-88».

Юрий МИХАЛЬЦЕВ,
Игорь ФЛИС (фото),
специальные корреспонденты
«Огонька»

запасниками музеев, северные сказы и песни...

И настал день, когда в душе словно что-то повернулось, открылась главная тайна народного искусства: мир яркого праздника, ярмарка, где кружатся вместе в традиционном хороводе скорморохи и мастеровые, русалки и черти. Скульптуркам Жигальцева как бы не терпится удариться в ярмарочный перепляс. Расставленные и развешанные в маленькой квартире художника, они, кажется, ведут нескончаемый веселый разговор...

К мастеру пришло признание — его приняли в Союз художников СССР, его выставки состоялись в Кирове, Москве и ГДР.

Рано утром в выходной или поздно вечером на миниатюрной кухне, где, к слову сказать, все сделано и расписано им, Валерий достает самодельный токарный станочек, заранее заготовленные и высушенные липовые чурочки, берет в руки длинный и острый резец...

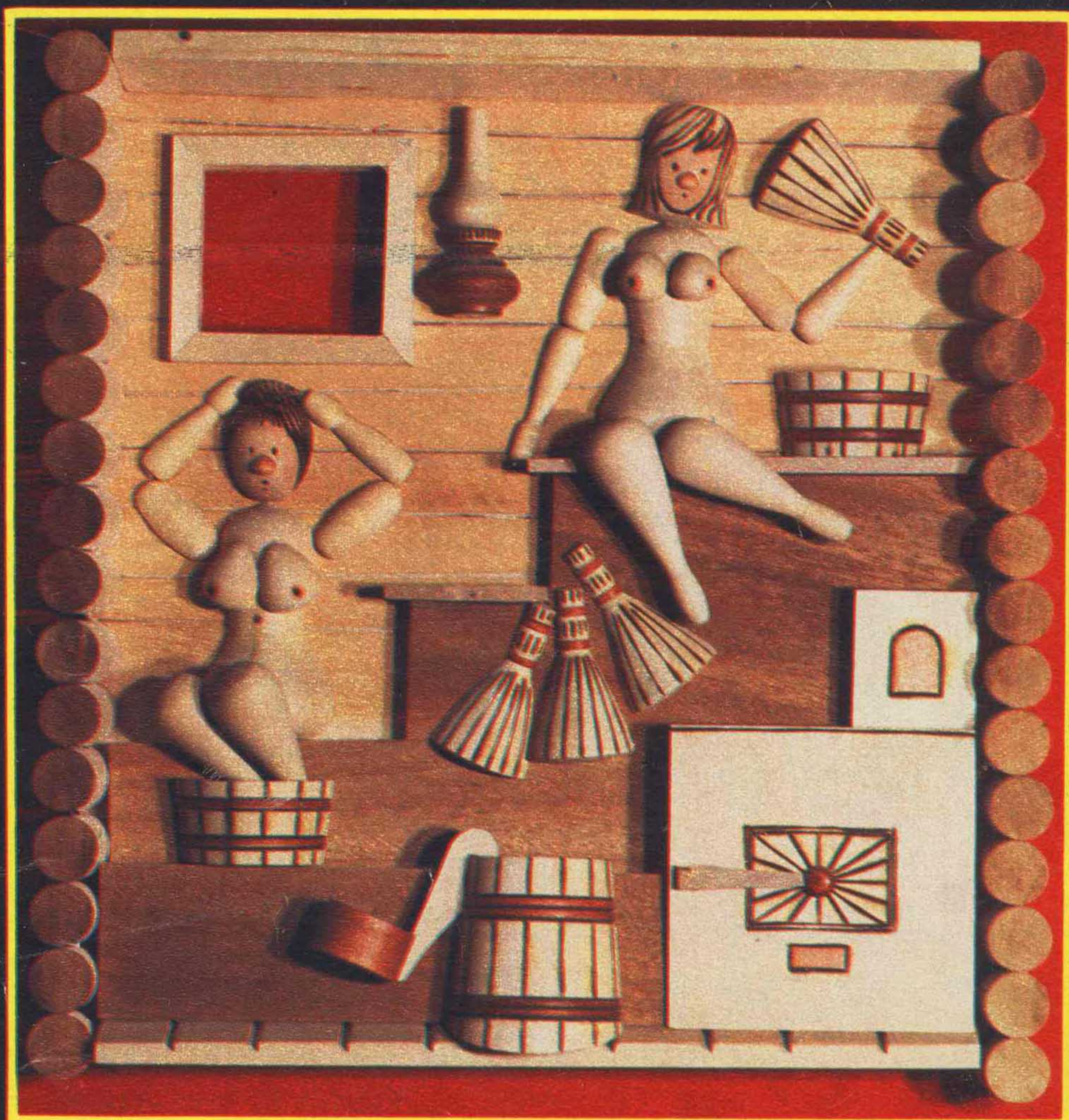
Остальное — таинство творчества.

Борис ЗАДВИЛЬ
Фото автора

Валерий Жигальцев, автор этих композиций, уроженец Калинина, образование получил в Москве, а обрел себя, стал художником в Кирове.

Поездки по старинным деревням, знакомство с

ОГОНЁК

ISSN 0131-0097

Цена номера 40 коп.

Индекс 70663